

ГАРРИ ГАРРИСОН

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ТРЕНИРОВОЧНЫЙ
ПОЛЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

Гарри Гаррисон

ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПОЛЕТ

**СБОРНИК
НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ**

*Перевод с английского
Предисловие Е. Брандиса*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»
МОСКВА
1970**

РЕДАКТОР Е. ВАНСЛОВА

*Гаррисон Г. Тренировочный полет. Перевод с английского.
Предисловие Е. П. Брандиса. М., изд-во «Мир», 1970, 368 стр.*

Это первый в нашей стране авторский сборник видного современного американского фантаста Г. Гаррисона. Наряду с приключенческой фантастикой в сборник входят произведения, которые ставят важные философские проблемы, ярко и остроумно изобличают теневые стороны действительности Соединенных Штатов Америки.

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

Индекс 7-3-4
165—70

Гарри Гаррисон, каким мы его знаем

Гарри Гаррисону было 26 лет, когда в журнале «World Beyond» появился его первый рассказ «Рок Дайвер» (1951). Уже на следующий год Фредерик Пол включил эту вещь в антологию научной фантастики «Beyond the End of Time». Это была редкая удача: «антологизируются», как правило, лишь произведения известных писателей. Так началась литературная карьера Гаррисона, дипломированного художника, работавшего иллюстратором в нью-йоркских коммерческих фирмах и художественным редактором журналов. С тех пор Гаррисон постоянно печатается на страницах распространенных периодических изданий, время от времени попадает в антологии и с 1960 года регулярно выпускает отдельными книгами свои романы, повести и рассказы.

Сравнительно быстро завоевав популярность, Гаррисон стал заметной фигурой среди писателей-фантастов США. Можно проследить по библиографическим источникам, как он уверенно вошел в литературу, постепенно накапливал силы, а затем утвердился в научной фантастике как один из признанных авторов. В индексе англо-американских журналов научной фантастики (Index to the S. F. Magazines, 1951—1965) зарегистрировано около 60 публикаций Гаррисона. Из них только 11 приходятся на 50-е годы. Все лучшие произведения, принесшие ему известность, созданы за последнее десятилетие.

Еще недавно Гаррисона называли молодым, подающим надежды писателем. Сейчас его имя упоминается в кри-

тических обзорах наряду с Азимовым, Бредбери, Шекли, Саймаком, Полом, Каттинером, Кларком, Уиндемом — виднейшими представителями современной англо-американской фантастики, чьи книги издаются у нас и достаточно хорошо известны.

Гаррисон проявляет себя в фантастической литературе как талантливый социолог и моралист, по-своему развивающий темы, разработанные многочисленными предшественниками. Зависимость тут двоякого рода — от научных идей и гипотез, порождающих сходные сюжеты, и от произведений уже опубликованных и получивших признание. Не будучи ученым, подобно Кларку или Азимову, он и не стремится обогащать фантастику какими-то новыми сверхоригинальными идеями. Ему легче отталкиваться от принятых допущений и делать из них логические выводы. Впрочем, еще надо установить, где кончается подлинное новаторство и начинается интерпретация. Границы здесь очень условны. Даже первые классики — Жюль Верн и Уэллс — нередко использовали идеи своих современников — писателей, которые по разным причинам не стали знаменитостями. Очевидно, кроме трудно уловимого эффекта новизны, нужно учитывать и другие факторы, определяющие литературный успех. А успех Гаррисона несомненен и вполне заслужен.

Писатель широкого диапазона, работающий в разных жанрах и в разных областях научной фантастики, он отличается прежде всего необыкновенной сюжетной изобретательностью. Высокий профессионализм, помноженный на прогрессивные устремления, привлекает внимание и к таким произведениям Гаррисона, которые по строгим, но не всегда справедливым критериям следовало бы считать вторичными. Например, в рассказах о роботах Гаррисон сам же ссылается на сформулированные Азимовым «законы роботехники» и умело применяет их в парадоксальных си-

туациях, извлекая из темы, выдвинутой первооткрывателем, новые, еще не использованные возможности. Следовательно, речь идет не о простом заимствовании, а о дальнейшем развитии и обогащении плодотворных идей.

То же самое можно сказать о повестях и романах Гаррисона, продолжающих традиции американской приключенческой фантастики. Серьезные писатели относятся с пренебрежением к затасканной космической опере и шаблонному космическому детективу. Гаррисон, мастер авантюрной интриги, обращающий свое творчество преимущественно к молодежной аудитории, старается возродить эти жанры на социально-психологической основе. И если он не очень оригинален в выборе и постановке проблем, то это компенсируется ярко выраженным критическими тенденциями — непримиримым отношением к ущемлению человеческих и гражданских прав, к расовой дискриминации, гангстеризму, религиозному изуверству и т. д.

То, что нам известно о Гаррисоне, характеризует его как человека кипучей энергии, человека целеустремленного, жизнелюбивого, доброжелательного, общительного.

Уроженец Стэмфорда (штат Коннектикут), он со студенческой скамьи в 1943 году был призван в армию, после демобилизации вернулся на факультет искусств Нью-Йоркского университета, в 1947 году начал самостоятельную деятельность и вскоре разочаровался в своем ремесле. Убедившись в том, что выбор профессии художника был ошибкой, он променял шумный Нью-Йорк на тихую Гуадалупу в Мексике, чтобы испытать себя на новом поприще, потом, в качестве вольного литератора, облюбовал графство Кент в Англии, затем перебрался в Лондон, оттуда в Италию, потом переселился в Данию и зажил со своей семьей в старинном каменном доме, похожем на средневековый замок, неподалеку от Оресунда, на берегу Северного моря. Причудливо-романтическая обстановка стиму-

лировала его творческую фантазию. Здесь он провел несколько лет, деля время между литературными занятиями, деловыми поездками в Лондон, далекими путешествиями (Гаррисон изъездил весь мир), горнолыжными набегами в Норвегию или Швецию и... увлечением эсперанто.

Живя в Дании, он был соредактором единственного критического журнала по фантастике, выходящего в Лондоне, — «S. F. Horizon». В 1968 году Гарри Гаррисон стал главным редактором «Amazing Stories» — старейшего американского журнала научной фантастики.

Гаррисон хорошо знает север Европы, Скандинавию, и не случайно в его фантастике появляются скандинавские мотивы. Они сближают писателя с Полом Андерсоном, который еще в большей степени идеализирует суровый быт и патриархальные устои древних северных народов. «Фантастическую сагу» (речь о ней впереди) легче всего сопоставить с «Человеком, который пришел слишком рано»* и другими произведениями Андерсона.

В фантастических мирах Гарри Гаррисона находит отражение жизнерадостная оптимистическая натура писателя. Преобладающие в его книгах ошеломительные приключения, головоломные интриги, мажорные интонации, счастливые развязки кажутся естественными для такого гармонического характера. И это отличает Гаррисона от большинства его американских коллег.

Вместе с тем он остается типично американским фантастом. Пишет много и неровно (приблизительно по две книги в год), пробует себя в разных жанрах и наряду с произведениями облегченными, «коммерческими», создает серьезные концепционные вещи, в которых органически

* Рассказ П. Андерсона помещен в сборнике англо-американской фантастики «Экспедиция на Землю» (изд-во «Мир», М., 1965).

свойственное ему чувство юмора заглушается подлинным трагизмом. Отсюда — широкий диапазон его фантастики, от традиционных приключений в космосе до «жестоких» рассказов с трагедийным социальным накалом.

С чего начинал Гаррисон и какую проделал эволюцию, показывают его ранние вещи, где авантюрная фабула не несет никакой иной функции, кроме развлекательной. Таков, скажем, космический детектив «Крыса из нержавеющей стали» (1957). В более поздних вещах замысел заметно усложняется. В повести «Билл — герой Галактики» (1966), представляющей собой очередную разновидность модернизированной космической оперы, изображение галактических войн на социальном фоне далекого будущего перекликается с современными событиями. Галактические короли и империи — конечно, чистая условность. Главное в повести, что придает ей сатирическую остроту и злободневное звучание, — антивоенный пафос, антифашистская направленность.

Повышенным интересом писателя к проблемам Азии и национальным движениям народов развивающихся стран продиктована трилогия о похождениях Ясона дин Альта — «Мир смерти» (1960), «Этический инженер» (1963) и «Конные варвары» (1968). Ставя своего героя в самые немыслимые и, казалось бы, безвыходные положения, Гаррисон сплетает занимательное динамическое действие с любопытными фантастическими допусками и моральными коллизиями. Сами же модели воображаемых миров, в которых царят страх и ненависть, отражают в какой-то мере антагонистическую разлаженность современного капиталистического общества.

На планете Пирр жители города-крепости ведут отчаянную войну с ядовитой флорой и фауной, наделенными телепатическими свойствами. Действие рождает противодействие. Чем больше горожане ненавидят враждебную

природу, тем яростнее она сопротивляется. Каждому, кто выходит за пределы города, угрожает неминуемая смерть. Но есть и другие люди — крестьяне. Они не воюют с природой и не пытаются подчинить ее силой, а мирно сотрудничают с ней, используя в своих интересах. Ясон дин Альт, зная, что горожане обречены, настойчиво предлагает им переселиться на другую планету. Эту повесть нельзя воспринять иначе, как осуждение неоколониалистской политики, и будь она написана несколькими годами позже, показалась бы острой сатирой на американскую агрессию во Вьетнаме.

Во второй повести неугомонный Ясон дин Альт вместе с сопровождающим его блестителем нравственности Михаэлем Сэймоном терпит всевозможные злоключения на планете, населенной примитивными племенами, находящимися на разных уровнях цивилизации. И хотя непреклонный Михай продолжает верить в действенность «общечеловеческой» этики, пригодной для всех времен и народов, Ясон убедительно доказывает, приспосабливаясь к местной обстановке, изменчивость и относительность этических представлений, зависящих, как сказали бы мы, от исторических условий. И здесь проводится мысль о неотъемлемом праве каждого народа на самостоятельное развитие.

В повести, завершающей трилогию, Ясон дин Альт высаживается с небольшим отрядом на планете Фелисити, богатой радиоактивными рудами, чтобы подготовить переселение пиррян. Но воитель Темучин, вовгавляющий орды кочевников, препятствует осуществлению замысла. Только со смертью Темучина распадается громадная военная империя «конных варваров», представлявшая угрозу для населения всей планеты. Однако вопрос остается открытым — окажется ли соседство пиррян благодетельным

для окружающих племен, освобожденных от жестокого властителя, не попадут ли они из огня да в полымя?

Из последних произведений Гаррисона самое сильное впечатление оставляет социально-фантастический роман «Подвигитесь! Подвигитесь!» (1966), близкий по концепции к «Стальным пещерам» Азимова, «Торговцам космосом» (в русском переводе — «Операция «Венера») Пола и Корнблата и другим подобным романам о возможных последствиях так называемого демографического взрыва. Гаррисон опирается в своих прогнозах на труды современных буржуазных ученых — футурологов, социологов, демографов, экономистов. К роману приложен внушительный список литературы, посвященной проблемам перенаселения и содержащей рецепты «спасения человечества». И хотя мы имеем дело с художественной фантазией, автор хочет сказать, что вымысел его отнюдь не произволен. Роман нужно воспринимать как своего рода иллюстрацию к социологическим прогнозам и как предостережение об угрожающей человечеству опасности. Посмотрим же, как рисует Гаррисон сравнительно недалекое будущее.

1999 год. В Нью-Йорке 35 миллионов жителей. Лимитировано все, кроме потребления загрязненного воздуха. По улицам слоняются толпы голодных бездомных людей. Необходимыми жизненными благами пользуются только привилегированные. Роскошные отели, где живут богачи, напоминают осажденные крепости: вооруженная охрана, автоматическая сигнализация на окнах и дверях. Пресная вода и кондиционированный воздух стоят бешеных денег. Уголь иссяк, нефть выкачана, леса вырублены. Вместо автомобилей — педикебы или грузовые тележки с рикшами. Электричество подается лишь в отдельные дома. Даже в Эмпайр стейт билдинг работает только один лифт, да и тот поднимает не до самого верха. Беспрерывные волнения, грабежи, убийства. Полиция усмиряет «чернь» воню-

ним газом, вызывающим рвоту, и сражается с окрестными фермерами, которые взрывают акведук, отнимающий у них драгоценную влагу. Натуральное мясо доступно единицам и продается в лавке с бронированными дверями. Покупателей, которые могут позволить себе такую роскошь, сопровождают охранники. Даже соевые «бифштексы» считаются лакомством. Умирающие от голода люди задыхаются в зловонных трущобах. По талонам выдаются прессованные водоросли и прессованный планктон. В конгрессе бесконечно дебатируется вопрос о введении контроля над деторождением, но продажные политики, спекулирующие на закоренелых предрассудках, отклоняют законопроект по причине его «аморальности».

Таковы Соединенные Штаты Америки на исходе нашего века. И не только Соединенные Штаты. Бельгия превратилась в сплошной человеческий муравейник, Англия — в один громадный перенаселенный город, где люди гибнут от тесноты, болезней и недоедания.

Отчего же произошел демографический взрыв? Объяснение кажется наивным. Дешевые и безвредные противозачаточные средства не получили массового применения. При наличии клиник, эффективного планирования семьи, государственного контроля легко было бы предотвратить катастрофический прирост населения, истощение почвы и природных ресурсов. Стало быть, главенствующую роль играет биологический фактор; социальная анархия в представлении Гаррисона — не первопричина, а следствие, проистекающее от беспорядочного прироста населения.

Обычный для этого писателя острый сюжет в данном случае убедительно мотивируется создавшимися условиями. Гангстеризм и преступность, коррупция правящей верхушки и растление правов — подобные общественные тенденции современной Америки доводятся до логического конца.

Роман снабжен посвящением: «Тоду и Мойре. Во имя вашего благополучия, дети мои, надеюсь, что это останется вымыслом». Следовательно, Гаррисон не считает изображенные им ужасы фатальной неизбежностью. Однако в самом романе, как мы уже говорили, не предлагаются никаких действенных мер для сохранения Человека и Природы. Обличительный пафос этой книги, написанной с болью, страстью и гневом, идет значительно дальше субъективных намерений автора. Но отсутствие сколько-нибудь серьезных позитивных взглядов накладывает на роман Гаррисона печать идейной ограниченности, и в этом смысле он не отличается от других американских фантастов.

С темой романа «Подвигнитесь! Подвигнитесь!» перекликается рассказ «Преступление». Физическая ликвидация нарушителей неумолимого закона, ограничивающего деторождение,— еще один жестокий вариант устрашающих последствий предполагаемого демографического варыва. На этот раз Гаррисон выступает как сатирик, вольно или невольно заставляя вспомнить памфлет Джонатана Свифта «Скромное предложение», рекомендующий англичанам, разорившим Ирландию, каннибалский способ избавления от голодных ртов. «Реализованная» метафора (англичане ведут себя в Ирландии как людоеды, значит, они и в самом деле могут быть людоедами) в современном фантастическом рассказе приобретает еще более зловещий смысл: правительство вознаграждает за убийство отцов, повинных в рождении «лишних» детей.

В тягостную атмосферу Америки не очень далекого будущего погружают и рассказы о роботах. Сатирическую социальную направленность усиливают в них прозрачные аналогии с теневыми сторонами американской общественной жизни и то, что роботы, наделенные человеческими качествами, выступают как представители угнетенного

класса. Их используют на тяжелых, низкооплачиваемых работах и подвергают расовой сегрегации. Испытывая все ужасы национального и социального бесправия, они оказываются в еще худшем положении, чем негры в нынешних Соединенных Штатах. Под руководством сочувствующих людей, по-видимому темнокожих, возникает тайная организация роботов, борющихся за гражданские права. На таком насыщенном фоне развертывается сюжет «Безработного робота», отчетливо направленного также против гангстеризма. Проницательный, находчивый робот, сумевший разоблачить шайку гангстеров, насилино вербуется в полицию.

В рассказе «Рука закона» из того же цикла действует робот, специально запрограммированный для несения полицейской службы и отлично справляющийся с многообразными обязанностями. «В наши дни,— заключает рассказчик,— с бандитами борются неподкупные и неуязвимые роботы». Очевидно, избавить Америку от язвы гангстеризма с помощью полиции невозможно. Нужны более радикальные меры. К такому выводу приводят оба рассказа, написанные в детективном ключе.

Впечатляют также психологические контрасты в тонкой и остроумной новелле «Робот, который хотел все знать». Робот притворяется человеком, чтобы испытать чувство любви, и приходит через страдания к смерти, так и не изведав никаких радостей.

Многие рассказы Гаррисона приближены к действительности не только временем действия, но и самой сутью замысла.

«Магазин игрушек», построенный по канонам классической новеллы, где ложная развязка сменяется еще более неожиданной — настоящей,— маленький шедевр, характеризующий искусство Гаррисона-новеллиста и его от-

личное понимание психологии изобретательства в мире капиталистической конкуренции*.

В сходном по теме рассказе «Немой Милтон» та же проблема трактуется в трагическом аспекте. Название рассказа символично. Великий английский поэт Джон Милтон, потеряв зрение, продолжал творить и закончил свой путь блестящей тираноборческой трагедией «Самсон-боец». Сэм Моррисон, преподаватель колледжа в одном из южных штатов, все видит и все слышит, но уста его скованы. Он — негр и должен знать свое место. Скромный учитель выводит уравнения гравитационного поля и конструирует прибор, открывающий небывалые возможности для мировой энергетики. Но этот «немой Милтон» становится жертвой расистского бешенства и уносит в могилу тайну гениального открытия.

Разные стороны жизни США проступают и в таких рассказах, как «Портрет художника» и «Тренировочный полет».

В первом рассказе трагическое мироощущение возникает из обычной для западной фантастики коллизии: человек, замещенный автоматом, выпадает из жизни в буквальном и переносном смысле. Вместе с тем переживания заурядного художника, служащего компании, фабрикующей комиксы, переданы с такой пронзительной силой, что, зная крушение первой карьеры Гаррисона, невольно улавливаешь автобиографические реминисценции.

«Тренировочный полет» воспроизводит возможную, хотя, пожалуй, и не очень правдоподобную ситуацию при подготовке американских космонавтов к полетам на Марс. В условиях, имитирующих предстоящие трудности, психологи Пентагона с хладнокровной расчетливостью пре-

* См. Библиотеку современной фантастики, т. 10, М., 1967, стр. 401—407.

вращают испытуемых в подопытных кроликов. Гаррисон великолепно передает целую гамму ощущений, нравственных и физических страданий участников эксперимента, во время которого в полной мере проявляется их индивидуалистическое сознание и душевная разобщенность. Сюжет этой социальной и психологической фантазии реалистически обоснован. Правда, мы не знаем, насколько он соответствует действительности. Лунный подвиг трех космонавтов явно расходится с таким допущением, а полет на Марс — дело будущего.

Еще несколько слов о рассказах «Уцелевшая планета» и «Мастер на все руки», посвященных излюбленной писателем космической теме. В первой из названных вещей Гаррисон моделирует тягчайшие последствия, которые оставляет после себя на планете, населенной разумными существами, империя рабократов много лет спустя после ее ликвидации. Травмированные аборигены становятся подданными жителями и не могут понять людей, явившихся с добрыми намерениями, — до такой степени уродует психику состояние рабства.

«Мастер на все руки» — эпизод из многотрудной жизни ремонтного рабочего, отвечающего за состояние галактических маяков, установленных на звездных трассах. На этот раз он попадает на планету, где господствуют мыслящие амфибии, превратившие испорченный маяк в своего рода капище. Только благодаря исключительной ловкости и находчивости мастер сумел выполнить задание.

Мы находим в этом рассказе тот же антураж, что и в «Смертных муках пришельца», одном из сильнейших произведений Гаррисона, с которого и началось у нас знакомство с его творчеством*. Эти вещи дополняют одна другую

* См. упомянутый выше сборник «Экспедиция на Землю».

гую, образуя как бы дилогию, в которой показаны не слишком удачные контакты людей Земли с представителями разумной жизни, резко отличающимися от нас по биологическому типу.

Центральное место в сборнике занимает веселая приключенческая повесть «Фантастическая сага» (1967), озаглавленная в журнальном варианте «Time-Machined Saga», а в отдельном издании — «The technicolor Time Machine». Здесь Гаррисон предстает как неистощимый юморист и выдумщик, совсем не похожий на автора «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» и других произведений, о которых говорилось выше.

Казалось бы, все мыслимые трюки с путешествиями в прошлое и будущее окончательно отработаны и никаких особых новаций тут ожидать не приходится. С тех пор как Уэллс привел в действие первую машину времени, подобные сюжеты заполонили мировую фантастику. Но ведь дело только в мотивировках! Общение с далекими предками или потомками, всевозможные «временные сдвиги» встречались в литературе и раньше. В конце концов даже такой роман, как «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, отличается от машиновременных фантазий лишь отсутствием псевдонаучных подпорок, которые сами по себе на замысел не влияют, а скорее к нему прилагаются.

И все же дальнейшее развитие темы путешествий во времени открывает перед мировой фантастикой все новые и новые возможности. Писатели разных стран, в том числе и советские, апробируют еще неиспользованные варианты остроумных логических допущений и вытекающих из них парадоксальных последствий. В умелых руках машиновременные сюжеты становятся средством постановки умозрительных экспериментов — психологических, социологических, философских, либо — в менее глубоких ве-

щах — своеобразным способом тренировки ума и воображения, что, разумеется, тоже не бесполезно.

Здесь приняты свои условные правила. Одни, например, считают некорректным малейшее вмешательство в естественный ход событий: это может вызвать в прошлом нарастающую лавину изменений (Р. Бредбери «И грязнул гром»). Другие полагают, что время необратимо и при всем желании в историю нельзя внести никаких поправок (Ф. Лейбер «Попробуй, измени прошлое!»). Третья, наоборот, стараются использовать «хроноклазмы» — нарушения, связанные с перемещением во времени, — извлекая из них эффектные неожиданности. С этой точки зрения путешественники во времени могут «подменить» известных исторических деятелей, «организовать» хрестоматийные события, «улучшить» или «ухудшить» историю. И хотя многие знатоки фантастики считают игру в хроноклазмы бесплодным занятием, она привлекает и серьезных писателей, уподобляющих бесчетное множество ходов хорошей шахматной партии, где количество возможных комбинаций практически бесконечно. Ведь в итоге все зависит от замысла и мастерства исполнения.

Гаррисон — сторонник хроноклаазмов. В одном из его недавних рассказов — «Загадка Стонхенджа» — ученый, желая выяснить происхождение древнейшего архитектурного памятника Англии, посыпает в далекое прошлое машину времени с кинокамерой. Аборигены обожествляют непонятный предмет, от которого исходит золотистое свечение, поклоняются ему как идолу, а затем возводят на этом месте каменные глыбы, известные под именем Стонхенджа. Где же, спрашивается, первопричина? Машина времени стимулировала создание древнейшего памятника или памятник привлек ученого, пославшего машину времени?

Если в этом рассказе писатель не акцентирует внима-

ния на вопросе о прямом вмешательстве в события прошлого, то в «Фантастической саге» пришельцы из будущего сами творят историю, опираясь на известные источники. Голливудская киноэкспедиция, отправившись в эпоху викингов, инсценирует, или, лучше сказать, воспроизводит по имеющимся историческим данным открытие древними скандинавами Америки, и это подстроенное событие в дальнейшем отражается в сагах. Почти как у Мандельштама:

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню-сложит
И как свою ее произнесет.

Нарочито абсурдное допущение выворачивает шиворот-навыворот общеизвестные факты, зафиксированные в источниках, и понятия, закрепленные здравым смыслом. Парадоксальность «машиновременной саги» заключается не столько в самих приемах (встречи с самим собой в «кольце времени», создание исторических событий направленными действиями в прошлом), сколько в их умелом и хитроумном использовании.

Частые передвижения киношников из настоящего в прошлое, из прошлого в настоящее как бы смещают пластины времени, соединяя и сталкивая людей разных эпох, сливая события, разделенные целым тысячелетием. Повествование, выдержанное в тонах жизнерадостной буффонады, сопровождается бесконечными комическими романтическими и забавными приключениями.

Протяженность времени в прошлом позволяет вернуться в настоящее уже через несколько минут после отправления. Можно не спеша изготовить сценарий и отснять на натуре полнометражный фильм с участием настоящих викингов. Как бы долго ни отсутствовала экспедиция, ши-

рокоформатная цветная лента к установленному сроку будет вручена продюсеру и спасет фирму от банкротства! Правда, частые поездки туда и обратно создают некоторые помехи, связанные с потерей «объективного» времени в настоящем. Тем не менее задача выполнена, и все передряги, осложняющие действие, естественно вытекают из той же самой условной предпосылки, которая подчиняется если не законам жизненной правды, то законам формальной логики.

Прекрасно схвачены и обрисованы крупным планом (как в кино) все центральные персонажи: продюсер, режиссер, сценарист, актеры. Из них Раф Хоук, болван с атлетическим телосложением, предназначенный на роль легендарного первооткрывателя Америки Торфинна — Тора (Карлсфни в исландских сагах), заменяется в последний момент викингом Оттаром, которому и суждено сыграть историческую роль не только в кино, но и в жизни. Оказывается, Торфинн Карлсфни — это и есть настоящее имя викинга, героя саги, а Оттар — уменьшительное от Торфинна. Голливудскаяекс-бомба Слайти Тоув и взаправду берет его себе в мужья и производит на свет богатыря Снорри, также увековеченного в древнескандинавском эпосе. Больше того. Режиссер Барни Хендриксон, осуществивший кинопостановку, тоже оставляет свой след в истории под именем Бъярни Херлоффсона, друга Торфинна, вдохновившего его на морское путешествие и открытие Винланда на территории нынешнего Ньюфаундленда, куда заблаговременно прибыли киношники. Выходит, так родилась героическая сага, запечатлевшая открытие Америки — за пять веков до Колумба!

Временные сдвиги соединяют несовместимые исторические пласти. Но при этом каждый из персонажей остается носителем типовой социальной психологии своей эпохи. С одной стороны — Оттар, могучий викинг: «Сага была

для него жизнью, искусство и жизнь сливались в одно целое. Песня была битвой, а битва — песней». С другой стороны — Барни Хендриксон, предприимчивый киноделец, и его окружение. Безуспешно пытался объяснить викингу смысл и цель своего предприятия, режиссер не утаивает истины: «Понимаешь, Оттар, мы делаем фильм, картину. Развлечение и большой бизнес, слитые воедино. Деньги и искусство, они не смешиваются, но мы их смешиваем уже давным-давно».

Сатирический заряд повести — одно из слагаемых многослойного замысла. Легкость, живость, непринужденное владение историческим и современным материалом, виртуозное искусство композиции, мастерство рассказчика, неиссякаемый юмор — все это сплавлено воедино.

«Фантастическая сага» показательна для уровня достижений Гаррисона в области приключенческой фантастики и вместе с другими произведениями, рассмотренными в нашем очерке и частично представленными в сборнике, характеризует идейные и творческие устремления этого незаурядного писателя.

Евг. Брандис

ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПОЛЕТ

Марс был пыльной, иссохшей, леденящей душу преисподней кроваво-красного цвета. Они плелись друг за другом, по щиколотку увязая в песке, и нудно костерили неизвестного конструктора, который предложил столь неудачные кондиционеры для скафандров. Когда скафандры проходили испытания на Земле, дефект не обнаружился. А сейчас, стоило их поносить несколько недель — и на тебе! Поглотители влаги через некоторое время перенасытились и отказали. Температура на Марсе была постоянной — минус шестьдесят по Цельсию. Но из-за высокой влажности внутри костюма пот не испарялся, и они жмурились, чтобы пот не застигал им глаза.

Морли сердито замотал головой, желая отряхнуть с кончика носа капли пота, и в то же мгновение на его пути оказался какой-то мохнатый рыжий зверек. Впервые они увидели на Марсе живое существо. Но вместо любопытства в нем пробудилась одна злость. Ударом ноги он подбросил зверька в воздух. Удар был внезапным, Морли потерял равновесие и стал медленно падать, причем его скафандр зацепился за острый край скалы из обсидиана.

Тони Бенермэй услышал в наушниках сдавленный крик напарника и оглянулся. Морли корчился на песке, пытаясь заткнуть дыру на колене. Воздух, насыщенный влагой, с легким шипением вырывался на свободу и мгновенно превращался в мерцающие кристаллики льда. Тони бросился к другу, тщетно стремясь прикрыть перчатками

разорванное место. Прижался к нему и увидел, как ужас застыл в глазах и как синеет его лицо.

— Помоги мне! Помоги!

Морли закричал с такой силой, что задрожали мембранны шлемофона. Но помочь было нечем. Они не захватили с собой пластиря — весь пластырь остался на корабле, за четверть мили отсюда. Пока он будет бегать туда-сюда, Морли уже умрет.

Тони медленно выпрямился и вздохнул. На корабле их только двое, и на Марсе — никого, кто мог бы оказать им помощь. Морли поймал, наконец, взгляд Тони и спросил:

— Надежды нет, Тони, я мертв, да?

— Как только кончится кислород. От силы тридцать секунд. Ничем не могу тебе помочь.

Морли коротко, но крепко выругался и нажал красную кнопку у запястья с надписью «Авария». В тот же миг перед ним «раскрылась» поверхность Марса; песок с шуршаниемсыпался в отверстие. Тони отступил на несколько шагов: из отверстия появились двое мужчин в белых скафандрах с красными крестами на шлемах. Они уложили Морли на носилки и в одно мгновение исчезли.

Тони угрюмо смотрел вниз, пока не открылась засыпанная песком дверь и ему не выбросили скафандр Морли. Потом дверь захлопнулась, и снова тишина нависла над пустыней.

Кукла в скафандре весила столько же, сколько Морли, а ее пластиковое лицо имело даже какое-то сходство с ним. Какой-то шутник на месте глаз нарисовал черные кресты. «Чудно», — подумал Тони, взваливая на спину неудобную ношу. На обратном пути он увидел неподвижно лежавшего марсианского зверька. Пнул ногой, и из него посыпались пружинки и колесики.

Когда он добрался до корабля, крошечное солнце уже коснулось зубчатых вершин красных гор. Сегодня уже

поздно хоронить, придется подождать до завтра. Оставил куклу в отсеке, он взобрался в кабину и снянул с себя мокрый скафандр.

Между тем спустились сумерки, и существа, которых они именовали «совами», принялись царапать обшивку корабля. Космонавтам ни разу не довелось увидеть хоть одну «сову» — тем более их раздражало это бесконечное царапанье. Разогревая ужин, Тони стучал тарелками и сковородками как можно громче, чтобы заглушить неприятные звуки. Покончив с едой и убрав посуду, он впервые ощутил одиночество. Даже жевательный табак сейчас не помогал, он лишь напомнил о том, что на Земле его ждет ящик гаванских сигар.

Нечаянно он стукнул по тонкой выдвижной ножке стола, и все тарелки, сковорода и ложки полетели на пол. Шум был ему приятен, а еще приятнее было оставить все как есть и пойти спать.

На этот раз они почти достигли цели. Эх, если бы Морли был поосторожнее! Но Тони заставил себя не думать об этом и вскоре уснул.

На следующее утро он похоронил Морли. Сжав зубы, соблюдая величайшую осторожность, провел он два дня, остававшихся до старта. Аккуратно сложил геологические образцы, проверил исправность механизмов и автоматов.

В день старта он вынул ленты с магнитными записями из приборов и отнес ненужные записи и лишнее оборудование на значительное расстояние от корабля. Там же оставил излишки продовольствия. В последний раз пробирался по красному песку, он отдал иронический салют могиле Морли. На корабле у него не было решительно никаких дел, не осталось даже ни одной непрочитанной брошюры. Два последних часа Тони провел лежа на постели и считая заклепки в потолке кабины.

Тишину нарушил резкий щелчок контрольных часов, и он услышал, как за толстой обшивкой взревели моторы. Одновременно из отверстия в стене кабины к его койке протянулась мягкая «рука» со шприцем; пригвоздив его к ложу, металлические пальцы ощупали его. Вот они добрались до лодыжки, и жало иглы вошло в нее. Последнее, что Тони видел, — как жидкость из шприца переливается в его вену, и тут он забылся.

Сзади открылось широкое отверстие, и вошли два санитара с носилками. На них не было ни скафандров, ни защитных масок, а за ними виднелось голубое небо Земли.

Когда он очнулся, все было как обычно. Неведомые стимуляторы помогли ему легко выплыть из тьмы беспамятства. Открыв наконец глаза, он увидел белый потолок земной операционной.

Но вот все вокруг заслонило багровое лицо и угрожающе сдвинутые брови склонившегося над ним полковника Стэгема. Тони попытался вспомнить, нужно ли отдавать честь в кровати, но потом решил, что самое лучшее не двигаться.

— Черт побери, Бендермэн, — проворчал полковник, — рад видеть вас на Земле. Но зачем вы, вообще говоря, вернулись? Смерть Морли означала крах всей экспедиции, а это значит, что на сегодняшний день мы не можем похвастаться ни одним удачным запуском!

— А парни из второго корабля, сэр? Как дела у них? — Тони силился говорить бодро и уверенно.

— Ужасно. Еще хуже, чем у вас, если это вообще возможно. Оба на другой день после приземления погибли. Осколок метеора попал в резервуар с кислородом. Они так увлеклись анализом местной флоры, что не поинтересовались показаниями измерительных приборов. Но я здесь по

другому делу. Накиньте что-нибудь на себя и пройдите в мой кабинет.

Он зашагал к выходу, и Тони поспешил выбраться из постели, не обращая внимания на легкую слабость из-за введения наркотиков. Когда говорят полковники, лейтенантам приходится повиноваться.

Тони вошел в кабинет Стэгема; полковник с мрачным видом глядел в окно. Ответив на приветствие, он предложил лейтенанту сигару. Как бы для доказательства того, что в его солдатской душе еще теплятся искры человечности, полковник обратил его внимание на стартовую площадку за окном.

— Видите? Знаете, что это?

— Да, сэр. Ракета на Марс.

— Пока еще нет. Сейчас это лишь ее корпус. Двигатели и оборудование собираются на заводах, рассеянных по всей стране. При нынешних темпах ракета будет готова не раньше чем через шесть месяцев. Ракета будет готова, но вот лететь-то в ней некому. Если так пойдет и дальше, ни один не сможет выдержать испытания. Включая и вас.

Под пристальным взглядом полковника Тони беспокойно заерзal на стуле.

— Вся эта программа подготовки с самого начала была моим детищем. Я разработал ее и нажимал на Пентагон, пока ее не приняли. Мы знали, что в состоянии построить корабль, который долетит до Марса и вернется на Землю, корабль с автоматическим управлением, который преодолеет любые трудности и помехи. Но нам необходимы люди, которые сумеют ступить на поверхность планеты, исследовать ее, иначе вся затея не будет стоить выеденного яйца.

Для корабля и для пилота-робота нужно было провести серию испытаний, воспроизводящих условия полета, чтобы устранить мелкие недоделки. Я предложил — и в конце концов это было принято, — чтобы космонавты, которым придется лететь на Марс, прошли именно такую подготовку. Мы построили две барокамеры и тренажеры, способные воспроизвести в деталях любую мыслимую на Марсе ситуацию. Мы по восемнадцати месяцев моримуем в барокамерах экипажи из двух человек, чтобы подготовить их к настоящему полету.

Не стоит упоминать о том, сколько кандидатов было у нас поначалу, сколько было несчастных случаев из-за того, что мы слишком реально воспроизводим условия полета в барокамерах. Скажу только одно: за прошедшее время удачных запусков не было. Все, кто не выдерживал или, подобно вашему напарнику Морли, «погибал», выбывали из игры раз и навсегда.

И вот теперь у нас осталось четыре кандидатуры, в том числе и вы. Если мы не сумеем создать удачный экипаж из двух космонавтов, весь проект пойдет насмарку.

Тони похолодел, сигара в его руке погасла. Он знал, что в последнее время на руководителей испытаний давили все сильнее и сильнее. Поэтому-то полковник Стэгем и рычал на всех, будто подстреленный медведь. Голос полковника прервал ход его мыслей.

— Эти умники из Института психологии кричат на всех перекрестках, что обнаружили самое слабое место в моей программе. Дескать, если речь идет о тренировочных полетах, испытуемые где-то в глубине души всегда будут чувствовать, что игра идет понарошку. Случись катастрофа — в последний момент их всегда спасут. Как вашего Морли, например. Результаты последних опытов заставляют меня думать, что они правы. В моем распоряжении четыре человека, и для каждой пары будет проведено по

одному испытанию. Но на сей раз речь идет о генеральной репетиции, на этот раз мы пойдем на все.

— Я не понимаю, полковник...

— Очень просто, — в подтверждение своих слов Стэгем ударили кулаком по столу. — Впредь мы не станем оказывать помощь. Никого не будем тащить за волосы, как бы срочно это ни требовалось. Испытания проведем в боевой обстановке с настоящим снаряжением. Мы обрушим на вас все, что только можно придумать, а вы должны выдержать. Если на этот раз кто-нибудь порвет свой скафандр, он умрет в марсианском вакууме, в нескольких метрах от земной атмосферы.

При прощании с Тони он несколько смягчил тон:

— Я был бы рад, если бы мог поступить иначе, но выбора нет. К будущему месяцу нам нужен надежный экипаж для полета, и только таким образом мы можем его укомплектовать.

Тони дали трехдневный отпуск. В первый день он напился, на второй страдал от головной боли, на третий — от бессильной злости. Все участники испытаний были добровольцами, но такое приближение к реальности — это уже слишком. Конечно, он мог бросить все к чертям, когда ему заблагорассудится, но он-то знал, чем это ему грозит. Оставалось одно: согласиться с этой нелепой идеей. Проделать то, что от него требуется, вынести все. Зато уж после испытаний он съедит по здоровенному полковническому носу.

На врачебном осмотре Тони встретился со своим новым напарником, Эллом Мендозой. Познакомились они еще раньше, на теоретических занятиях. Обмениваясь рукопожатиями, они пожирали друг друга глазами и прикидывали, каковы возможности напарника. Экипаж состоит из двоих, а ведь один из них может стать причиной смерти другого...

Высокий, худощавый Мендоза был полной противоположностью приземистому крепышу Тони. Спокойная, даже чуть-чуть небрежная манера поведения Тони дополнялась нервной напряженностью Элла. Элл был заядлым курильщиком, он обшаривал глазами все вокруг.

Тони заглушил в себе растущее беспокойство. Если Элл выдержал все испытания, значит он кое на что годится. Как только начнется полет, нервозность Элла, скорее всего, пройдет.

Врач вызвал Тони и внимательно осмотрел его.

— Что это? — спросил врач, проведя влажной ваткой по щеке Тони.

— Ой, — вскрикнул Тони, — я порезался, когда брился.

Врач недовольно поморщился, смазал ранку, заклеил ее пластырем.

— Поосторожнее с ранками, — предупредил он. — Ведь таким путем бактериям легче всего проникнуть в организм. А мало ли какие бактерии есть на Марсе.

Тони открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Возражать бессмысленно: полет, если он вообще состоится, продлится 260 дней. За такое время заживет любой порез, даже если космонавт будет находиться в анабиозе.

После осмотра они, как обычно, надели летные костюмы и перешли в другое здание. По пути Тони заглянул в казармы и вскоре вернулся с шахматной доской и видавшей виды колодой игральных карт.

Входная дверь в мощном блоке второго строения была открыта, и они ступили на лестницу, ведущую в космический корабль. Врачи привязали их ремнями к койкам и сделали инъекции, симулирующие состояние анабиоза.

Пробуждение сопровождалось обычной слабостью и вялостью. Куда уж натуральнее... Повинуясь внезапному импульсу, Тони подошел к зеркалу и подмигнул своему

гладко выбритому отражению с красными воспаленными глазами. Сорвал пластырь, пальцы его коснулись пореза с засохшими капельками крови. Облегченно вздохнул. Он никак не мог отделаться от страха, что однажды такой тренировочный полет может оказаться настоящим полетом на Марс. Логика подсказывала ему, что армия никогда не откажется от того, чтобы вовсю разрекламировать запуск. Но все же его грыз червь сомнения, и поэтому он так нервничал в начале каждого «сухого» полета.

С новым выражением Тони опять ощущил тошноту, но сумел ее преодолеть. Во время испытаний нельзя терять времени. Необходимо проверить приборы. Сидевший на койке Элл едва заметно махнул рукой. Тони ответил ему тем же.

В то же мгновение ожил приемник. Сначала в контрольном пункте слышались только посторонние шумы, потом их заглушил голос офицера-тренера.

— Лейтенант Бенермэн, вы уже проснулись?

Тони включил микрофон и доложил:

— Так точно, сэр.

— Одну секунду, Тони, — сказал офицер. Потом он пробормотал что-то нечленораздельное; очевидно, говорил с кем-то, стоящим рядом. Потом опять повернулся к микрофону: — Не в порядке один из вентиляй; давление превышает расчетное. Примите меры, пока мы не снизим давление.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Тони и отключил микрофон, чтобы вместе с Эллом посетовать на показное «трудолюбие» своих воспитателей. Несколько минут спустя приемник снова ожил.

— Все в порядке, давление нормальное. Продолжайте свою работу.

Тони показал язык невидимому воспитателю и пошел

в соседний отсек. Повернул рычаг, желая сделать видимость четче.

— Ну, по крайней мере на этот раз все спокойно, — сказал он, увидев красноватые отсветы.

Бошел Элл, заглянул через его плечо.

— Да здравствует Стэгем! В прошлый раз, когда погиб мой напарник, все время дул жуткий ветер. А сейчас по этим песчаным дюнам видно, что ветра и в помине нет.

Они хмуро уставились на знакомый красноватый ландшафт и темное небо. Наконец Тони повернулся к приборам, а Элл достал из шкафа скафандры.

— Сюда, скорее!

Элла не нужно было звать дважды. В один момент он подскочил к Тони и стал следить за его указательным пальцем.

— Резервуар с водой! Судя по приборам, он наполовину пуст!

Они сняли щиты, преграждавшие доступ к резервуару. Тонепыкая струйка ржавой водицы стекала с крышки к их ногам. Освещая себе путь фонарем, Тони подполз к резервуару и осветил трубки. Его голос прозвучал в тесном отсеке резко и отчетливо:

— Черт бы поборал Стэгема с его фокусами: опять эти проклятые «аварии при посадке». Лопнула соединительная трубка, и вода просачивается в изоляционный слой. Мы никак не прекратим утечку, разве что разнесем корабль на куски. Подай-ка мне склейку, пока дело не додшло до ремонта, я замажу отверстие.

— Месяц будет ужасно засушливый, — пробормотал Элл, изучая показания других приборов.

В первое время все было как обычно. Они водрузили знамя и принялись переносить приборы. Все наблюдательные и измерительные приборы были установлены на третий день, так что они могли выгрузить теодолиты и на-

чали составлять карты. На четвертый день они стали собирать образцы местной фауны.

И тут они впервые обратили внимание на пыль.

Тони с трудом жевал какую-то подозрительно тягучую порцию еды, время от времени изрыгая проклятия: еда лезла в горло лишь обильно смоченная водой. Он с трудом проглотил комок, потом оглядел аппаратную.

— Ты заметил, сколько здесь пыли? — спросил он.

— Еще бы не заметить! Мой костюм так загрязнился, будто я влез на муравьиную кучу.

Они посмотрели вокруг, и впервые их поразило, как много пыли в корабле. И волосы, и сда — все покрылось слоем красноватой пыли. Под ногами постоянно что-то шуршало, куда ни ступи.

— Мы сами приносим ее сюда, на костюмах, — сказал Тони. — Давай будем перед входом в помещение получше отряхиваться.

Хорошая идея, а не помогла. Красная пыль была мелкой, как пудра. И сколько они ни вытряхивали одежду, пыль не исчезала, а лишь носилась вокруг, обволакивая их легкой дымкой, словно облако. Они пытались забыть о пыли, думать о ней как об очередной фантазии техников Стэгема. Какое-то время это удавалось, пока на восьмой день не отказалась внешняя дверь шлюзовой камеры. Они вернулись из двухдневного похода, где собирали образцы, и еле поместились в камере вместе со своими тяжеленными мешками с геологическими образцами. Отряхнули друг друга как могли, потом Элл нажал рычаг. Внешняя дверь начала открываться и вдруг остановилась. Подошвы ботинок ощутили вибрацию — на полную мощность заработали двигатели автоматических дверей. Затем двигатели отключились, замигала красная лампочка.

— Пыль! — крикнул Тони. — Проклятая пыль попала в механизм!

Они легко сняли предохранительный щиток, заглянули в двигатель. Красная пыль смешалась со смазочным веществом, и образовались немыслимые бурые «пирожки». Но оказалось, что обнаружить неисправность гораздо легче, чем ее ликвидировать. В карманах костюмов они нашли лишь несколько самых нужных инструментов. А большой ящик с инструментами и различными растворами, которые можно было быстро пустить в ход, находился внутри корабля. Но пока дверь не открыта, внутрь попасть невозможно. Парадоксальная ситуация, но им было не до смеха. Лишь одна секунда ушла у них на то, чтобы осознать, в какую переделку они попали, и целых два часа, чтобы худо-бедно почистить двигатели, закрыть внешнюю и открыть внутреннюю дверь. Когда наконец им это удалось, указатели их кислородных приборов стояли на отметке «нуль», и пришлось прибегнуть к НЗ.

Элл снял свой шлем и тут же повалился на койку. Тони показалось, что напарник потерял сознание, но вот он увидел открытые глаза Элла, прикованные к потолку. Тони раскупорил единственную бутылку коньяка, вянутую в медицинских целях, заставил Элла отхлебнуть глоток, потом сам сделал два глотка и решил не обращать внимания на то, как дрожат руки. Он занялся починкой дверных механизмов, а когда работа подошла к концу, Элл уже пришел в себя и стал готовить ужин.

Если не считать пыли, поначалу испытания проходили нормально. Днем собирали образцы и проводили измерения; несколько свободных часов, затем — сон. Элл оказался прекрасным напарником и лучшим шахматистом из всех, с кем Тони до сих пор был в паре. Вскоре Тони обнаружил: то, что он поначалу принял за нервозность, оказалось на деле нервной энергией. Элл был в своей тарелке, лишь когда занимался каким-то делом. С головой уходя в каждодневную работу, он и к вечеру сохранял столько

сил и бодрости, что за шахматной доской решительно обыгрывал своего зевающего противника. Характеры космонавтов были несхожи, может быть поэтому они прекрасно ладили.

Все было хорошо — только вот пыль! Она была повсюду, она забивалась в каждую щель. Тони злился, но старался не показывать виду. Элл страдал больше. От пыли он испытывал постоянный зуд, чесался, он был на грани срыва. Вскоре его начала мучить бессонница...

А неумолимая пыль постепенно проникла во все отсеки и механизмы корабля. Машины стали изнашиваться с той же быстротой, что и нервы. Днем и ночью пыль, вызывающая зуд, и недостаток воды доводили их до отчаяния. Они все время хотели пить, но знали, что воды оставалось ничтожно мало и ее вряд ли хватит, если каждый будет распоряжаться ею по-своему.

На тринадцатый день из-за воды вспыхнул спор, и дело чуть не дошло до драки. После этого они два дня не разговаривали. Тони заметил, что Элл всегда носит с собой геологический молоток, и решил на всякий случай обзавестись ножом.

Кто-то из двоих должен был сорваться. Этим человеком оказался Элл.

Его доконала бессонница. У него и раньше был чуткий сон, а тут эта пыль и бессонница окончательно добили его. Тони слышал, как Элл ночами ворочался с боку на бок, чесался и проклинал все на свете. Он и сам-то спал теперь не особенно крепко, но все же умудрялся немножко соснуть. Судя по темным кругам под налитыми кровью глазами, Эллу это не удавалось.

На восемнадцатый день он сорвался. Они как раз надевали скафандры, когда Элла вдруг затрясло. У него тряслись не только руки, но и все тело ходило ходуном.

Его тряслось до тех пор, пока Тони не уложил его на койку и не вил ему в рот остатки коньяку.

Когда припадок кончился, Элл отказался покинуть корабль.

— Я не хочу... я не могу! — кричал он.— Скафандры тоже долго не протянут, они порвутся, когда мы будем на поверхности... я больше не выдержу... Мы должны вернуться.

Тони попытался его образумить:

— Ты же знаешь, что это невозможно, что испытания полностью имитируют полет. Они рассчитаны на двадцать восемь дней. Осталось еще десять. Ты должен выдержать. Командование считает, что это минимальный срок пребывания на Марсе. Все планы и экипировка экспедиции исходят из этого срока. Скажи спасибо, что нас не заставляют просидеть здесь целый марсианский год, пока планеты снова не приблизятся друг к другу. Что может быть хуже анабиоза на атомном корабле?

— Брось ты эти глупости,— взорвался Элл.— Мне наплевать, что будет с первой экспедицией. Точка. Это была моя последняя тренировка. Я не хочу свихнуться от бессонницы только потому, что какому-то службистукажется, будто проверка в сверхтяжелых условиях — единственно правильный метод тренировки. Если меня не снимут с испытаний, это будет равносильно убийству.

Он вскочил с койки, прежде чем Тони произнес хоть слово, и бросился к контрольному пульту. Как всегда, второй справа была кнопка «Экстренный случай», но они не знали, подключена она к системе оповещения или нет и получат ли они ответ, даже если связь существует. Элл без конца нажимал на кнопку. Они оба уставились на приемник, боясь перевести дыхание.

— Подлецы, мерзавцы, они не отвечают,— прошептал Элл.

Вдруг приемник ожила, и холодный голос полковника Стэгема наполнил рубку корабля.

— Условия испытаний вам известны. Причина для досрочного окончания испытаний должна быть весьма основательной. Итак?

Элл схватил микрофон и обрушил на полковника поток слов — жалобных и злых одновременно. Тони сразу понял, что все бесполезно. Он знал, как Стэгем реагирует на жалобы. Динамик прервал Элла:

— Достаточно. Ваши объяснения не могут оправдать изменения предварительного плана. Все должны рассчитывать только на себя. Действуйте так и впредь. Я отключаюсь окончательно. До завершения испытаний вам не имеет смысла вступать со мной в радиосвязь.

Щелчок в репродукторе прозвучал как смертный приговор.

Элл рухнул на койку ошеломленный, по его щекам катились слезы. Когда он поднялся, Тони сообразил, что это были слезы гнева. Элл рывком вырвал микрофон из гнезда, швырнул его в динамик.

— Ну, полковник, дайте срок, кончится испытание — мои пальцы узнают, крепка ли ваша шея! — Он повернулся к Тони. — Передай-ка мне ящик аптечки. Я докажу этому идиоту, что после этих чертовых испытаний ему больше не удастся разыгрывать из себя героя.

В аптечке нашлись четыре ампулы с морфием. Одну из них он схватил, отбил головку, заправил в шприц и ввел себе в руку. Тони и не пытался удержать его, он был с ним полностью солидарен. Через две минуты Элл уже лежал на столе и храпел. Тони поднял напарника и перенес на его койку.

Элл проспал почти двадцать часов; когда он проснулся, безумие и усталость разжали тиски, сжимавшие его. Оба не проронили ни слова о произошедшем. Элл подсчитал,

сколько дней еще впереди, и тщательно разделил оставшийся морфий на дозы. Он принимал лишь третью часть нормальной дозы, но этого оказалось достаточно.

До старта осталось четыре дня, когда Тони обнаружил в песках первые признаки жизни. Существо величиной с кошку ползло по обшивке корабля.

Он подозвал Элла.

— Здорово! — сказал тот, наклонившись над неведомым созданием. — Но все же куда ему до того, которого они подсунули мне во время второй тренировки. Тогда я нашел какую-то змееподобную штуку, она выделяла что-то вроде клея. Хоть это и запрещено правилами, я разобрал ее — я чертовски любопытен. Здорово они ее сделали: шестеренки, пружины, моторчик и тому подобное, стэгемские техники не лыком шиты. А потом мне объявили выговор. За то, что ее разобрал. Может, оставим все как есть?

Тони совсем уж было согласился, но все-таки решил попробовать.

— А может, это как раз входит в правила игры? Давай посмотрим, что внутри. Я послежу за этой штуковиной, а ты принеси пустую коробку.

Элл ворча полез в корабль. Внешняя дверь хлопнула, и испуганное существо поползло в сторону Тони. Он вдрогнул и отошел. Потом сообразил, что перед ним все-таки-навсегда робот.

— Да, фантазии этих техников можно только позавидовать, — пробормотал он.

Существо прошмыгнуло мимо Тони. Чтобы удержать его, Тони наступил на несколько ножек: из маленького тела росли тысячи крохотных ножек. Волнообразно шевелись, они переносили существо по песку. Сапоги Тони расплющили ножки, несколько штук оторвалось.

Осторожно наклонившись, он поднял один из оторванных суставов. Он был твердым, с шипами внизу. Из места обрыва струилась жидкость, напоминавшая молоко.

— Реальность, — сказал он самому себе. — Да, в реальности техники Стэгема знают толк!

И тут ему закралась в голову мысль. Невозможная до жути мысль, заставившая его похолодеть от ужаса. Мысли бешено завертелись у него в голове, но он знал, что это невозможно, потому что не лезет ни в какие ворота. Однако он обязан убедиться в этом, пусть даже механическая игрушка будет уничтожена.

Осторожно придерживая зверька ногой, он достал из кармана острый нож, нагнулся. Коротко, резко ударили.

— Что ты там копаешься, черт возьми? — спросил подошедший Элл.

Тони не мог ни пошевелиться, ни выговорить хоть слово. Элл обошел вокруг него и уставился на лежащее в песке существо. Секунду спустя он все понял и закричал:

— Оно живое! Из него течет кровь, никаких колесиков в нем нет. Оно не может быть живым, а если оно живое, значит мы все не на Земле! Мы на Марсе!

Элл бросился бежать, потом упал с истошным криком. Тони рещал и действовал молниеносно. Он знал, что все поставлено на карту. Малейшая ошибка может стоить жизни. В припадке безумия Элл погубит и себя и его.

Стукнув Элла по кулаку, Тони размахнулся и изо всей силы ударил его прямо в солнечное сплетение. От удара заболела рука, а Элл медленно повалился на землю. Тони схватил его под мышки и поволок на корабль. Лишь когда он стянул с Элла скафандр и уложил напарника на койку, Элл начал медленно приходить в себя. Тони никак не удавалось одной рукой держать Элла, а другой пустить в ход анабиозатор. Вот он изловчился, вжал ногу Элла, но прежде чем игла вонзилась в живую плоть, обезумев-

ший Элл успел трижды ударить его. Наконец Элл со вздохом упал навзничь, а Тони, пошатываясь, присел у его ног. Ручным анабиозатором можно было пользоваться в экстренных случаях, чтобы уберечь больного, пока им не займутся врачи на базе. И аппарат оправдал себя.

Но тут отчаяние охватило Тони.

Если зверек настоящий — значит, они на Марсе.

Это вовсе не тренировочный — это настоящий полет. Небо над головами вовсе не нарисовано, это подлинное небо Марса. Тони был одинок, как еще никто до него. На миллионы километров вокруг ни души...

Закрывая наружную дверь, он завыл от страха, дико, пронзительно, как потерявшийся зверь. У него хватило самообладания лишь на то, чтобы доплестись до койки и привести в движение руку анабиозатора. Шприц из отличной стали легко прошел через материал скафандра. Тони едва успел отвести руку со шприцем в сторону, как провалился во мрак...

С трудом поднял веки. Он опасался, что вновь увидит над головой переборку корабля со сварочными швами. Но увидел белоснежный потолок лазарета и облегченно вздохнул. Повернув голову в сторону, встретился глазами с полковником Стэгемом, сидевшим на его кровати.

— Ну как, удалось? — спросил Тони. Он не спрашивал, а скорее утверждал.

— Удалось, Тони. Обоим. Элл лежит рядом с тобой...

В голосе полковника звучали какие-то новые нотки, но Тони не сразу распознал их. Просто впервые полковник говорил с ним без озлобления.

— Первый полет на Марс. Можете себе представить, чего только не пишут газеты. Но важнее то, что говорят ученые. Анализы и ваши записи — просто клад. Когда вы установили, что вы не на тренировке?

— На двадцать четвертый день, когда увидели марсианского зверька. Ну и маху же мы дали! И как только не заметили раньше? — в голосе Тони звучала досада.

— Вот еще! Все испытания к тому и сводились, чтобы в подобной ситуации вы ничего не заметили. Мы не были уверены, можно ли послать в космос космонавтов, не сообщая им правды. Но такое допущение делали. Психологи были убеждены, что удаленность от Земли и расстерянность сделают свое черное дело. А я все не соглашался с ними.

— Но ведь они оказались правы, — выдавил из себя Тони.

— Теперь-то мы это знаем, но в свое время я никак не мог с ними согласиться. Психологи одержали верх, и мы составили общую программу полета в соответствии с их данными. Я, правда, сомневаюсь, что вы это оцените, по нам пришлось приложить массу усилий, чтобы убедить вас, будто вы все еще на тренировке.

— Извините, что мы доставили вам столько неприятностей, — сказал Элл.

Полковник слегка покраснел — он ощущал горечь в словах космонавта. Но продолжал говорить, словно ничего не слышал.

— Оба разговора, которые я якобы вел с вами, были, разумеется, записаны на пленку и прокручены прямо в космическом корабле. Психологи составили текст, который подошел бы к любой ситуации. Второй разговор предназначался для того, чтобы рассеять сомнения, если они возникнут, и окончательно придать ситуации ореол правдоподобия. Затем мы подготовили все для глубокого анабиоза, который на 99% приостанавливает деятельность организма; ни о чем подобном раньше не сообщалось. Да еще на порезанную щеку Тони нанесли антикоагулянты — все это чтоб вы не поняли, сколько времени провели в полете.

— А корабль? — спросил Элл. — Мы же видели его — он был готов лишь наполовину!

— Муляж, — ответил полковник. — Для публики и иностранных разведок. Настоящий корабль построен и испытан несколько месяцев назад. Самым трудным было подобрать экипаж корабля. То, что я рассказывал вам о провалах остальных кандидатов, чистая правда. Лучшими оказались вы оба. Но больше никогда мы не прибегнем к таким методам. Психологи утверждают, что следующим экипажам будет гораздо легче: у них то психологическое преимущество, что перед ними в космосе уже были люди. Абсолютной неизвестности больше нет.

Полковник на мгновение прикусил губу, а потом выдавил из себя слова, которые вертелись у него на языке:

— Я хотел бы, чтобы вы поняли... оба... что мне было бы легче лететь самому, чем вот так посыпать вас. Я знаю, что у вас на душе... Как будто мы позволили себе...

— Межпланетную шуточку, — закончил за него Тони. Прозвучало это очень мрачно.

— Да, что-то вроде этого, — с жаром защищался полковник. — Догадываюсь, что эта шуточка низкого пошиба. Но разве вы не понимаете, что мы не могли иначе, что вы были единственными, на кого мы могли положиться, все остальные не выдержали. Остались вы двое, и мы обязаны были избрать самый надежный путь. Только я и еще трое людей знают, что произошло. И никто никогда не узнает, могу вам гарантировать!

Голос Элла прозвучал негромко, но он словно ножом пронзил тишину:

— Будьте уверены, полковник, уж мы-то никому об этом не расскажем.

Полковник Стэгем вышел из комнаты, низко опустив голову, не в силах взглянуть в глаза первым исследователям Марса.

РУНА ЗАКОНА

Это был большой фанерный ящик, по виду напоминавший гроб и весивший, похоже, целую тонну. Мускулистый малый, водитель грузовика, просто впихнул его в дверь полицейского участка и пошел прочь. Я оторвался от регистрационной книги и крикнул ему вслед:

— Что это еще за чертовщина?

— А я почем знаю, — ответил он, вскакивая в кабину. — У меня рентгена нет, я только доставляю грузы. Эта штука прибыла на утренней ракете с Земли — а больше мне ничего не известно.

Он рванул с места быстрей, чем требовалось, и взметнулся в воздух тучу красной пыли.

— Шутник, — проворчал я. — Больно уж много шутников на Марсе развелось.

Когда я встал из-за стола и склонился над ящиком, на зубах у меня скрипела пыль. Начальник полиции Крейг, должно быть услыхав шум, вышел из своего кабинета и помог мне бессмысленно созерцать ящик.

— Думаешь, бомба? — сказал он скучающим тоном.

— Кому это только понадобилось взрывать нас? Да еще бомбой такого размера? И надо же — с самой Земли!

Начальник кивнул в знак согласия со мной и обошел ящик. Снаружи нигде не было обратного адреса. В конце концов нам пришлось поискать ломик, и я принялся отрывать крышку. Когда я поддел ее, она легко соскочила и свалилась на пол.

Вот тогда-то мы впервые и увидели Неда. Нам бы по-вездло куда больше, если бы мы его видели не только в первый, но и в последний раз. Если бы мы только водворили крышку на место и отправили эту штуку обратно на Землю! Теперь-то я знаю, что значит «ящик Пандоры».

Но мы просто стояли и глазели на нее как бараны на новые ворота. А Нед лежал неподвижно и глазел на нас.

— Робот! — сказал начальник.

— Тонкое наблюдение: сразу видно, что ты окончил полицейское училище.

— Ха-ха! Теперь узнай, зачем он здесь.

Я училища не кончал, но это не помешало мне быстро найти письмо. Оно торчало из толстой книги, засунутой в одно из отделений ящика. Начальник взял письмо и стал читать его без всякого энтузиазма.

— Так, так! Фирма «Юнайтед роботикс» с пеной у рта доказывает, что... «роботы при правильной их эксплуатации могут оказывать неоценимую помощь в качестве полицейских...» От нас хотят, чтобы мы провели полевые испытания... «Прилагаемый робот — новейшая экспериментальная модель; стоимость — 120 тысяч».

Оба мы снова посмотрели на робота, обуреваемые единым желанием увидеть вместо него денежные знаки. Начальник нахмурился и, шевеля губами, прочел письмо до конца. Я думал, как вытащить робота из его фанерного гроба.

Не знаю, экспериментальная это была модель или нет, но вид у механизма был красивый. Весь синий, цвета флотской формы, а выходные отверстия, крюки и тому подобное — позолоченное. Кому-то пришлось здорово потрудиться, чтобы добиться такого эффекта. Он очень напоминал полицейского в мундире, но карикатурного сходства не было. Казалось, не хватало только полицейского значка и пистолета.

Тут я заметил слабое свечение в глазных линзах робота. До этого мне не приходило в голову, что эту штуку можно оживить. Терять было нечего, и я сказал:

— Вылезай из ящика.

Робот взвился стремительно и легко, как ракета, и приземлился в двух футах от меня, молодцевато отдав мне честь.

— Полицейский экспериментальный робот, серийный номер ХПО-456-934Б, готов к исполнению обязанностей, сэр.

Голос его дрожал от усердия, и мне казалось, что я слышу, как гудят его упругие стальные мышцы. У него, наверно, была шкура из нержавеющей стали и пучок проводов вместо мозга, но мне он казался настоящим новичком-полицейским, прибывшим для прохождения службы. Тем более что он был ростом с человека, имел две руки, две ноги и окраску под цвет мундира. Стоило мне чуть-чуть прищурить глаза, и передо мной стоял Нед, новый полицейский нашего участка, только что окончивший школу и полный служебного рвения. Я потряс головой, чтобы отделаться от этого наваждения. Это всего лишь машина высотой в шесть футов, которую ученые головы свинтили для собственного развлечения.

— Расслабься, Нед, — сказал я. Он по-прежнему отдавал мне честь. — Вольно! При таком усердии ты заработкаешь грыжу выхлопного клапана. Впрочем, я здесь всего лишь сержант. А вон там начальник полиции.

Нед сделал оборот налево кругом и скользнул к начальнику стремительно и бесшумно. Начальник смотрел на него, как на чертика из коробки, слушая тот же рапорт о готовности.

— Интересно, а может он делать что-нибудь еще или только отдавать честь и рапортовать? — сказал начальник,

обходя вокруг робота и поглядывая на него с интересом... как собака на колонку.

— Функции, эксплуатация, а также разумные действия, на которые способны полицейские экспериментальные роботы, описаны в руководстве на страницах 184—213.

Голос Неда на секунду заглох — робот нырнул в ящик и появился с упомянутым томом.

— Подробные разъяснения тех же пунктов можно найти также на страницах с 1035-й по 1267-ю включительно.

Начальник, который за один присест с трудом дочитывал до конца юмористическую страничку журнала, повертел толстенную книгу в руках с таким видом, будто она могла его укусить. Прикинув ее вес и ощупав переплет, он швырнул ее мне на стол.

— Займись этим, — сказал он мне, уходя к себе в кабинет. — И роботом тоже. Сделай что-нибудь...

Начальник не был способен долго сосредоточиваться на каком-либо деле, а на этот раз ему пришлось напрячь внимание до предела.

Из любопытства я полистал книгу. Вот уж с кем мне никогда не приходилось иметь дела, так это с роботами, и поэтому я знал о них не больше любого простого смертного. Возможно, даже меньше. В книге уместилось великое множество страниц мелкой печати с мудреными формулами, электрическими схемами и диаграммами в девяти красках и тому подобным. Изучение ее требовало сугубой внимательности, на что я в то время не был способен. Захлопнув книгу, я воззрился на нового служащего города Найнпорта.

— За дверью стоит веник. Знаешь, как с ним управляются?

— Да, сэр.

— Тогда подмети комнату, стараясь при этом поднимать как можно меньше пыли.

Справился он превосходно.

Я наблюдал, как машина, стоящая сто двадцать тысяч, сгребает в кучку окурки и песок, и думал, почему же ее послали в Найнпорт. Наверно, потому, что во всей Солнечной системе не было более крохотного и незначительного полицейского подразделения, чем наше. Инженеры, видимо, считали, что для полевых испытаний как раз это и нужно. Даже если эта штука взорвется, никому до нее не будет никакого дела. Потом кто-нибудь когда-нибудь получит сообщение о ней. Что ж, место выбрано правильное. Найнпорт как раз затерялся в безвестности.

Именно поэтому, разумеется, и я здесь. Единственный настоящий полицейский. Хотя бы один такой человек не-пременно нужен, чтобы была видимость, будто дело делается. У начальника Алондо Крейга только и хватает ума на то, чтобы не ронять деньги, когда ему суют взятку. Есть у нас и два постовых. Один старый и вечно пьяный. У другого еще молоко на губах не обсохло. Я служил десять лет в столичной полиции, на Земле. Почему я ушел — это уж мое личное дело. Я уже давно заплатил за прежние ошибки, забравшись сюда, в Найнпорт.

Найнпорт — не город, это лишь место, где останавливаются по пути: Постоянно живут здесь лишь те, кто обслуживает проезжающих: содержатели гостиниц, шулера, шлюхи, бармены и тому подобные.

Есть и космопорт, но туда садятся лишь грузовые ракеты. Чтобы забрать металл с тех рудников, которые еще работают. Некоторые поселенцы приезжают сюда за провиантом. Найнпорт можно назвать городом, который так и не увидел настоящей жизни. Хорошо, если через сотню лет на этом месте хоть что-то будет торчать из песка в знак того, что Найнпорт когда-то существовал. Меня в то время уже не будет, и потому мне наплевать..

Я вернулся к регистрационной книге. В камерах сидят пятеро пьяных — средний улов. Пока я записывал их, Фэтс втащил шестого.

— Заперся в дамском туалете в космопорте и сопротивлялся при аресте, — доложил он.

— Нарушение общественного порядка в пьяном виде. Тащи его в камеру.

Фэтс повел свою жертву, пошатываясь ей в такт. Я всегда изумлялся, наблюдая, как Фэтс обращается с пьяным, — обычно у него было заложено за галстук больше, чем у них. Я никогда не видел его ни мертвеецки пьяным, ни совершенно трезвым. Несмотря на это, его мутные глаза никогда не подводили — стоял ли он на часах у камер или ловил пьяных. Это он делал превосходно. В какой бы уголок они ни заползали, он находил их. Несомненно, потому, что инстинкт вел их в одно и то же место.

Фэтс захлопнул дверь шестой камеры и, выписывая вензеля, вернулся назад.

— Что это? — Он показал на робота.

— Это робот. Я забыл номер, который дала ему мама на заводе, и поэтому мы зовем его Недом. Он теперь работает у нас.

— Ну, и молодец! Пусть почистит камеры после того, как мы выкинем оттуда шантрапу.

— Это моя обязанность, — сказал Билли, входя в комнату. Он сжимал дубинку и хмуро смотрел из-под козырька форменной фуражки. Билли был не то чтобы глуп, просто природа наделила его лишней силенкой за счет ума.

— Теперь это обязанность Неда, потому что ты получил повышение. Будешь помогать мне.

Билли порой бывал очень полезен, и я дорожил его атлетическим сложением. Мое объяснение подбодрило его, он уселся рядом с Фэтсом и стал смотреть, как Нед подметает пол.

Так дело шло примерно с неделями. Мы наблюдали за тем, как Нед подметает и чистит, пока участок не начал приобретать явно стерильный вид. Начальник, который всегда проявлял заботу о порядке, обнаружил, что Нед может подшить целую тонну докладных и прочих бумаг, захламлявших его кабинет. Работы у Неда оказалось много, а мы так привыкли к нему, что едва замечали его присутствие. Я знал, что он отнес свой фанерный гроб на склад и устроил себе там подобие уютной спаленки. Все остальное меня не интересовало.

Руководство по работе было похоронено в моем столе, и я ни разу не заглянул в него. Если бы я это сделал, то имел бы некоторое представление о больших переменах, которые ждали нас впереди. Никто из нас не знал ничего о том, что робот может, а чего не может делать. Нед превосходно справлялся с обязанностями уборщицы-делопроизводителя и этим ограничивался. Дело не двинулось бы дальше, если бы начальник не был слишком ленив. С этого все и началось.

Было часов девять вечера, и начальник как раз собирался уйти домой, когда раздался телефонный звонок. Он взял трубку, послушал и положил ее.

— Винный магазин Гринбека. Его снова ограбили. Присыпят срочно приехать.

— Это что-то новое. Обычно мы узнаем об ограблении только через месяц. За что же он платит деньги Китайцу Джо, если тот его не защищает? Почему теперь такая спешка?

Начальник пожевал нижнюю губу и после мучительных раздумий в конце концов принял решение.

— Поезжай-ка да посмотри, в чем там дело.

— Сейчас, — сказал я и потянулся за фуражкой. — Но на участке никого нет, придется тебе присмотреть, пока я не вернусь.

— Так не годится, — простонал он. — Я умираю с голоду, а тут еще сидеть и ждать?..

— Я пойду возьму показания, — сказал Нед, выступив вперед и, как обычно, молодцевато отдав честь.

Сперва начальник не поддался на удочку. Представьте себе холодильник, который вдруг ожил и предложил свои услуги.

— Как же это ты возьмешь показания? — проворчал он, ставя на место холодильник, вообразивший себя умником. Но подковырка была облечена в вопросительную форму, и винить за это ему пришлось только себя. Точно за три минуты Нед рассказал начальнику, как полицейский производит первичное дознание при получении сообщения о вооруженном грабеже или ином виде воровства. Судя по выщученным глазам начальника, Нед очень скоро вышел за пределы скучных знаний Крейга.

— Хватит! — наконец рявкнул начальник. — Если ты знаешь так много, почему бы тебе не взять показаний?

Для меня это прозвучало как вариант фразы: «Если уж ты такой умный, то почему ты не богатый?», которую мы обычно говорили умникам еще в школе. Нед понимал такие вещи буквально и направился к двери.

— Вы хотите сказать, что я должен взять показания об этом ограблении?

— Да, — сказал начальник, чтобы только отвязаться от него, и синяя фигура Неда исчезла за дверью.

— По его виду не скажешь, что он такой смышленый, — сказал я. — Он так и не спросил, где находится магазин Гринбека.

Начальник кивнул, а телефон снова зазвонил. Начальничья рука, которая все еще покоялась на трубке, машинально подняла ее. Секунду он слушал, и лицо его становилось все бледней, будто у него из пятки выкачивали кровь.

— Грабеж все еще продолжается,— с трудом произнес он наконец.— Рассыльный Гринбека на проводе — хочет узнать, что мы предпринимаем. Я, говорит, сижу под столом в задней комнате...

Я не услышал остального, потому что бросился в дверь и — к машине. Могли бы произойти тысячи неожиданностей, если бы Нед прибыл в магазин прежде меня. Началась бы стрельба, пострадали бы люди... И во всем этом обвинили бы полицию — за то, что послали консервную банку вместо полицейского. Хотя Нед выполнял приказ начальника, я знал, что как пить дать это дело пришлют мне. На Марсе никогда не бывает очень тепло, но я вспомнил.

В Найпорте действуют четырнадцать правил уличного движения, и я, не проехав и квартала, нарушил их все. Но как я ни торопился, Нед оказался проворнее. Завернув за угол, я увидел, как он распахнул дверь магазина Гринбека и вошел внутрь. Я нажал на тормоза — они взвизгнули, но на мою долю досталась лишь участь зрителя. Впрочем, это тоже было небезопасно.

В магазине хозяинчили два приезжих грабителя. Один склонился над contadorкой, словно клерк, другой, опершись на нее, стоял рядом. Оружия у них не было видно, но стояло синему Неду показаться в дверях, как их взвинченные нервы не выдержали. Оба ружья поднялись одновременно, словно были на резинках, и Нед остановился как вкопанный. Я схватил свой пистолет и ждал, когда полетят в окно куски разорванного робота.

Реакция Неда была мгновенной. Таким, я думаю, и должен быть робот.

— БРОСЬТЕ ОРУЖИЕ, ВЫ АРЕСТОВАНЫ!

Он, видимо, включил звук на полную мощность, его голос загремел так оглушительно, что у меня заболели уши. Результат был такой, какого и следовало ожидать. Разда-

лось два выстрела одновременно. Витрины магазина вылетели со звоном, а я упал плашмя. По звуку я понял, что стреляли из базуки пятидесяти калибра. Ракетные снаряды — их ничем не остановишь. Они прошибают все, что стоит на их пути.

Но Неда они, кажется, нисколько не побеспокоили. Он только прикрыл глаза. Щиток с узкой прорезью соскользнул сверху на глазные линзы. Затем робот двинулся к первому головорезу.

Я знал, что он проворен, но не представлял, насколько... Еще два снаряда ударили в него, когда он пересекал комнату, но прежде чем грабитель снова прицелился, его ружье оказалось в руках у Неда. Все было кончено. Выхватив из слабеющих пальцев ружье и опустив его в сумку, Нед вынул наручники и защелкнул их на запястьях грабителя.

Громила номер два помчался к двери, где я приготовил ему теплую встречу. Но моя помощь не понадобилась. Он не одолел и полпути, как Нед очутился перед ним. Они столкнулись, раздался стук, но Нед даже не пошатнулся, а грабитель потерял сознание. Он так и не почувствовал, как Нед, защелкнув наручники, бросил его рядом с товарищем.

Я вошел, забрал ружья у Неда и официально подтвердил арест. Вот и все, что видел выползший из-за contadorки Гринбек, а больше мне ничего и не требовалось. Магазин был по колено засыпан битым стеклом, и пахло в нем как в бочке из-под спирта. Гринбек начал выть по-волчьи над своим разорением. Он, видимо, знал о телефонном звонке не больше моего, и поэтому я вцепился в прыщавого юнца, приводившего со склада. Он-то и звонил.

Случай оказался совершенно нелепым. Малый работал у Гринбека всего несколько дней, и у него не хватило ума сообразить, что о всех грабежах надо сообщать не в поли-

цию, а ребятам, взявшим магазин под свою защиту. Я велел Гринбеку просветить малого — пусть посмотрит на то, что он натворил.

Потом я погнал обоих экс-грабителей к автомобилю. Нед сел на заднее сиденье вместе с ними, прильнувшими друг к другу, словно беспризорные сиротки в бурю. Робот молча достал из своего бедра пакет первой медицинской помощи и перевязал одного из громил, получившего ранение, чего сперва в пылу схватки никто не заметил.

Когда мы вошли, начальник всё еще сидел без кровинки в лице. Поистине, он был бледен как смерть.

— Вы произвели арест, — прошептал он. Не успел я выложить все, как ему в голову пришла еще более ужасная мысль. Он схватил первого грабителя за грудки и склонился к нему.

— Вы из банды Китайца Джо? — прорычал начальник.

Грабитель сделал ошибку, думая отмолчаться. Начальник влепил ему затрецину, от которой у громилы искры из глаз посыпались. Когда вопрос был повторен, он ответил правильно.

— Не знаю я никакого Китайца Джона. Мы только сегодня приехали в город и...

— Свободные художники, слава богу, — со вздохом облегчения сказал начальник и повалился в кресло. — Запри их и быстро расскажи мне, что там случилось.

Я захлопнул за грабителями дверь камеры и показал дрожащим пальцем на Неда.

— Вот герой, — сказал я. — Взял их голыми руками... Это ураган, а не робот, добродетельная сила в нашем грешном обществе. И к тому же пулепропробиваемая.

Я провел пальцем по широкой груди Неда, Снаряды лишь сбили краску, но царапин на металле почти не было.

— Это будет стоить мне неприятностей, больших неприятностей, — стонал начальник.

Я знал, что он говорит о банде вымогателей. Они не любят, когда арестовывают грабителей и когда ружья начинают стрелять без их одобрения. Но Нед думал, что у начальника другие неприятности, и поторопился дать разъяснения.

— Не будет никаких неприятностей. Я никогда не нарушал Законов ограничения деятельности роботов, они вмонтированы в мою схему и действуют автоматически. Люди, которые достали оружие и угрожали насилием, нарушили законы не только наши, но и человеческие. Я не причинил людям никакого вреда — я лишь призвал их к порядку.

Для начальника все это было слишком сложно, но я, кажется, понимал. И даже поинтересовался, как робот — машина — может разобраться в вопросах нарушения и применения законов. У Неда был ответ и на это.

— Эти функции выполняются роботами уже много лет. Разве радарные измерители не выносят суждение о нарушении людьми правил уличного движения? Робот — измеритель степени опьянения — справляется со своими обязанностями лучше, чем полицейский, задерживающий пьяного. Одно время роботам даже позволяли самим решать вопрос об убийстве. До принятия Законов ограничения деятельности роботов всюду применялось устройство автоматической наводки орудий. Впоследствии появились самостоятельные батареи больших зенитных орудий. Автоматический радар обнаруживал все самолеты. Но те самолеты, которые не могли послать правильный опознавательный сигнал, засекались, их курс вычислялся, автоматические подносчики снарядов и заряжающие готовили управляемые вычислительными машинами орудия к бою, и робот производил выстрел.

С Недом нельзя было не согласиться. Возражения вы-

зывал разве что его лексикон профессора колледжа. Поэтому я переменил тему разговора.

— Но робот не может заменить полицейского — тут нужен человек.

— Разумеется, это так, но замена человека-полицейского не является задачей полицейского робота. Я главным образом выполняю функции многочисленных видов полицейского снаряжения, интегрирую их действия и нахожусь в постоянной готовности. К тому же я оказываю механическую помощь в случае принятия принудительных мер. Арестовывая человека, вы надеваете на него наручники. Но если вы прикажете мне сделать то же самое, то я моральной ответственности не несу. В данном случае я просто машина для надевания наручников...

Подняв руку, я прервал поток роботодоводов. Нед по самую завязку был набит фактами и цифрами, и я сообщил, что его не переспоришь. Когда Нед производил арест, никакие законы не нарушались — это несомненно. Но были и другие законы, кроме тех, что публикуются в книгах.

— Китайцу Джо это не понравится, совсем не понравится, — сказал начальник, отвечая собственным мыслям.

Закон джунглей. Такого в юридических книгах не было. А именно этот закон царил в Найпорте. В городе жило довольно много обитателей игорных и публичных домов и питейных заведений. Все они подчинялись Китайцу Джо. Как и полиция. Все мы были у него в кулаке и, можно сказать, у него на содержании. Впрочем, это были штуки не такого рода, чтобы объяснять их роботу.

— Точно, Китайцу Джо не понравится.

Сперва я подумал, что это эхо, а потом понял, что кто-то вошел и стоит у меня за спиной. Тварь по имени Алекс. Шесть футов костей, мышц и неприятностей. Он фальши-

во улыбнулся начальнику, который вдавился в кресло поглубже.

— Китаец Джо хочет, чтобы вы ему объяснили, почему ваши резвые полицейские суют нос не в свое дело, трогают людей и заставляют их стрелять по бутылкам с хорошими напитками. Он особенно рассердился из-за хуча *. Он говорит, что с него хватит трепа, и с этих пор вы...

— Я, робот, налагаю на вас арест согласно статье 46, параграфу 19 пересмотренного Уложения...

Мы и глазом моргнуть не успели, как Нед арестовал Алекса и тем самым подписал наши смертные приговоры.

Алекс не был медлительным человеком. Поворачиваясь посмотреть, кто схватил его, он уже доставал пистолет. Он успел выстрелить прямо в грудь Неду, прежде чем робот выбил у него из рук пистолет и надел наручники. Мы с разинутыми ртами смотрели на арестованного, а Нед снова продекламировал обвинение. И клянусь, тон у него был довольный.

— Арестованный — Питер Ракьюмски, он же Алекс Топор, разыскивается в Канал-сити за вооруженное ограбление и попытку убийства. Также разыскивается местными полициями Детройта, Нью-Йорка и Манчестера по обвинению в...

— Уберите от меня эту штуку! — завопил Алекс. Мы бы это сделали и все было бы шито-крыто, если бы Бенни Жук не услышал выстрела. Он просунул голову в дверь ровно настолько, чтобы усечь происходившее.

— Алекс... они тронули Алекса!

Голова исчезла. Я бросился к двери, но Бенни уже скрылся с глаз. Ребята Китайца Джо всегда ходят по городу парами. Через десять минут он все узнает.

— Зарегистрируй его, — приказал я Неду. — Теперь уже

* Вид самогоня, изготавливаемого американскими индейцами.

ничего не изменишь, даже если его отпустить. Настал конец света.

Бормоча что-то себе под нос, вошел Фэтс. Увидев меня, он ткнул большим пальцем в сторону двери.

— Что случилось? Коротышка Бенни Жук выскочил отсюда, будто из горящего дома. Он чуть не разбился, когда рванул на своей машине.

Потом Фэтс увидел Алекса в наручниках и мгновенно протрезвел. Он размышлял с открытым ртом ровно секунду и принял решение. Совершенно твердой походкой он подошел к начальнику и положил па стол перед ним свой полицейский значок.

— Я старый человек и пью слишком много, чтобы быть полицейским. Поэтому я ухожу из полиции. Если там стоит в наручниках один известный мне человек, то я и дня не проживу, оставшись здесь.

— Крыса! — с болью прощедил сквозь стиснутые зубы начальник. — Бежиши с тонущего корабля. Крыса!

— Хана, — сказал Фэтс и ушел.

Теперь уже начальник ни на что не обращал внимания. Он и глазом не моргнул, когда я взял значок Фэтса со стола. Не знаю, почему я сделал это — видно, считал, что так будет справедливо. Нед заварил всю кашу, и я был настолько зол, что мне хотелось видеть, как он ее будет расхлебывать. На его грудной пластинке было два колечка, и я не удивился тому, что булавка значка пришлась точно по ним.

— Ну вот, теперь ты настоящий полицейский.

От моих слов так и разило сарказмом. А мне бы надо было знать, что роботы к сарказму нечувствительны. Нед принял мое заявление за чистую монету.

— Это очень большая честь не только для меня, но и для всех роботов. Я сделаю все, чтобы выполнить свой долг перед полицией.

Герой в жестяных подштанниках. Слышно было, как от радости у него в брюхе гудели моторчики, когда он регистрировал Алекса.

Если бы со всем прочим не было так скверно, я бы наслаждался этим зрелищем. В Неда было вмонтировано столько полицейского снаряжения, сколько его никогда не имел весь найпортский участок. Из бедра у него выско-чила чернильная подушечка, о которую он ловко примакнул пальцы Алекса, прежде чем сделать их отпечатки на карточке. Потом он отстранил арестованного на вытянутую руку, в животе у него что-то защелкало. Нед повернул Алекса в профиль, и из щели вывалились две моментальные фотографии. Они были прикреплены к карточке, куда вписывались подробности ареста и тому подобные сведения. Нед продолжал действовать, а я заставил себя отойти. Надо было подумать о более важных вещах.

Например, как остаться в живых.

— Придумал что-нибудь, начальник?

В ответ послышался только стон, и я больше к шефу не приставал. Потом пришел Билли, остаток нашего полицейского подразделения. Я ему коротко обрисовал ситуацию. Либо по глупости, либо от храбрости он решил остаться, и я был горд за мальчика. Нед упрятал под замок арестанта и начал приборку.

И в это самое время вошел Китаец Джо.

Хотя мы ждали его появления, оно все равно потрясло нас. Он привел с собой банду дюжих и свирепых громил, которые толпились у дверей, похожие на команду раздобревших бейсболистов. Китаец Джо стоял впереди, пряча руки в рукавах своего длинного мандаринского халата. Азиатское лицо его было невозмутимо. Он не терял времени на разговоры с нами, просто дал слово одному из своих ребят.

— Очистите место. Скоро явится сюда новый началь-

ник полиции, и я не хочу, чтобы тут торчала всякая шаптрапа.

Я разозлился. Пусть я люблю брать взятки, но я все-таки полицейский. Мне платит жалованье не какой-нибудь дешевенький бандитик. Меня тоже интересовала личность Китайца Джо. Я и прежде пытался подобрать к нему ключи, но узнать ничего не удалось. Любопытство все еще не покинуло меня.

— Нед, присмотрись-ка к этому китайцу в вискоznом купальном халате и скажи мне, кто он.

Ну и быстро же работает эта электроника. Нед выпалил ответ мгновенно, будто репетировал его несколько недель.

— Это псевдоазиат, использующий естественную желтоватость своей кожи и усиливающий ее цвет краской. Он не китаец. Глаза у него оперированы, еще видны шрамы. Это, несомненно, было сделано, чтобы попытаться скрыть свою подлинную внешность, но обмер его ушей по Бертильону и другие признаки дают возможность установить личность. Он срочно разыскивается международной полицией, его настоящее имя...

Китаец Джо пришел в ярость — и было от чего.

— Эта штука... этот жестяной громкоговоритель... Мы слышали о нем, мы о нем тоже позаботились!

Толпа отшатнулась и очистила помещение, и я увидел в дверях малого, который, стоя на одном колене, целился из базуки. Наверно, собирался стрелять специальными противотанковыми ракетами. Это я успел подумать, прежде чем он нажал на спуск.

Может быть, такой ракетой и можно подбить танк. Но не робота. Полицейского робота по крайней мере. Нед пригнулся, и задняя стена разлетелась на куски. Второго выстрела не было. Нед сомкнул руки на стволе орудия, и он стал похож на старую мятую водосточную трубу.

Тогда Билли решил, что человек, стреляющий из базуки в полицейском участке, нарушает закон, и пустил в ход дубинку. Я присоединился к нему, потому что не хотел отказываться от потехи. Нед очутился где-то внизу, но я был уверен, что он за себя постоит.

Раздалось несколько приглушенных выстрелов, и кто-то вскрикнул. После этого никто не стрелял, потому что у нас получилась куча мала. Громила по имени Бруклинский Эдди ударил меня по голове рукояткой пистолета, а я расквасил ему нос.

После этого все как бы заволокло туманом. Но я отлично помню, что потасовка продолжалась еще некоторое время.

Когда туман рассеялся, я сообразил, что на ногах остался я один. Вернее, я опирался о стенку. Хорошо, что было к чему прислониться.

Нед вошел в дверь с измолоченным Бруклинским Эдди на руках. Хотелось думать, что именно я его так отдал. Запястья Эдди были скованы наручниками. Нед бережно положил его рядом с телами других головорезов — я вдруг заметил, что все были в наручниках. Я еще полюбопытствовал, изготавливает ли Нед эти наручники по мере надобности или у него в полой ноге имеется порядочный запас.

В нескольких шагах от себя я увидел стул. Я сел, и мне полегчало.

Кругом все было испачкано кровью, и, если бы некоторые из громил не стонали, я бы подумал, что это трупы. Вдруг я заметил настоящий труп. Пуля попала человеку в грудь, большая часть пролитой крови принадлежала ему.

Нед покопался в телах и вытащил Билли. Он был без сознания. На лице застыла широкая улыбка, в кулаке зажаты жалкие остатки дубинки. Некоторым людям нужно

очень мало для счастья. Пуля попала ему в ногу, и он не попевельнулся, даже когда Нед разорвал на нем штанину и наложил повязку.

— Самозваный Китаец Джо и еще один человек бежали в машине,— доложил Нед.

— Пусть это тебя не беспокоит,— с усилием прохрипел я.— Он от нас не уйдет.

И только тут я сообразил, что начальник все еще сидит в кресле в той же самой позе, в какой он сидел, когда началась заваруха. Все с тем же отсутствующим видом. И только начав разговаривать с ним, я понял, что Алонцо Крейг, начальник полиции Найнпорта, мертв.

Убит одним выстрелом. Из маленького пистолетика. Пуля прошла сквозь сердце, кровь пропитала одежду. Я прекрасно знал, кто стрелял из пистолета. Маленького пистолета, который удобно прятать в широких китайских рукавах.

Усталость и дурман как рукой сняло. Осталась одна злость. Пусть начальник не был самым умным и самым честным человеком в мире. Но он заслуживал лучшей участи. Отправлен на тот свет грошовым гангстером, который вообразил, что ему стали поперек дороги.

И тотчас я понял, что мне надо принять важное решение. Билли вышел из строя, Фэйтс удрал, из найнпортской полиции остался я один. Чтобы выбраться из этой заварухи, мне надо было только выйти за дверь и не останавливаться. И я оказался бы в сравнительной безопасности.

Рядом жужжал Нед, подбирая громил и разнося их по камерам.

Не знаю, что повлияло на мое решение. Возможно, сияния спина Неда, маячившая перед глазами. Или мне просто надоело увиливать? Внутренне я был подготовлен к этому решению. Я осторожно отцепил золотой значок начальника и прицепил его на место своего, старого.

— Новый начальник полиции Найнпорта,— сказал я, ии к кому не обращаясь.

— Да, сэр,— проходя мимо, сказал Нед. Он опустил арестованного на пол, отдал мне честь и снова взялся за работу. Я тоже отдал ему честь.

Больничная машина умчалась с ранеными и покойниками. Я злорадно игнорировал любопытные взгляды санитаров. После того как врач забинтовал мне голову, все встало на свое место. Нед вымыл пол. Я проглотил десять таблеток аспирина и ждал, когда перестанет колотиться сердце и я обрету способность обдумать, как быть дальше.

Собравшись с мыслями, я понял, что двух мнений быть не может. Это очевидно. Решение пришло мне в голову, когда я перезаряжал пистолет.

— Пополни запас наручников, Нед. Мы идем.

Как и всякий хороший полицейский, он не задавал вопросов. Уходя, я запер дверь и отдал ему ключ.

— На. Весьма вероятно, что к вечеру, кроме тебя, других полицейских в Найнпорте не будет.

Я ехал к дому Китайца Джо как можно медленней. Пытался найти другой выход из положения. Его не было. Убийство совершено, и притягивать к ответу надо было именно Джо. А для этого необходимо его арестовать.

Из предосторожности я остановился за углом и коротко проинструктировал Неда.

— Эта комбинация бара и воровского притона является исключительной собственностью того, кого мы будем называть Китайцем Джо до тех пор, пока ты не выберешь времени сказать мне, кто он на самом деле. С меня хватит, надоело! Нам надо войти, разыскать Джо и передать его в руки правосудия. Ясно?

— Ясно,— суховатым профессорским тоном ответил Нед.— Но не проще было бы арестовать его сейчас, когда

он отъезжает от дома вон в той машине, а не ждать его возвращения?

Машина мчалась по боковой улице со скоростью шестьдесят миль в час. Когда она проезжала мимо нас, я увидел Джо, сидевшего на заднем сиденье.

— Останови их! — закричал я главным образом самому себе, потому что сидел за рулем. Я одновременно нажал на акселератор и рванул рычаг переключения скоростей, но толку от этого не было никакого.

Остановил их Нед. Крик мой прозвучал как приказ. Нед высунул голову наружу, и я сразу понял, почему большая часть приборов смонтирована у него в туловище. Наверно, мозг тоже. В голове, разумеется, оставалось мало места, раз там была запрятана такая пушка.

Семидесятимиллиметровое безоткатное орудие. Платинка, прикрывавшая то место, где у людей бывает нос, скользнула в сторону, и показалось большое жерло. Здорово сделано, если подумать. Точно меж глаз, чтобы было удобней целиться. Орудие помещено высоко, лазить за ним не надо.

БУМ! БУМ! Я чуть не оглох. Разумеется, Нед был прекрасный стрелок — я тоже был бы прекрасным, имей я вычислительную машину вместо мозга. Он продырявил задние скаты, и машина, зашлепав по мостовой, встала. Я медленно выбрался наружу, а Нед рванулся вперед со спринтерской скоростью. На этот раз они даже не пытались бежать. Остатки их мужества улетучились, когда они увидели меж глаз у Неда дымящееся жерло орудия. Работы аккуратны в этом отношении, и, надо думать, он нарочно не убрал торчавшую пушку. Видимо, у них в школе роботов проходят психологию.

В машине сидели три человека, и все они задрали руки вверх, как в последнем кадре ковбойского фильма. Пол машины был уставлен любопытными чемоданчиками.

Сопротивления никто не оказал.

Китаец Джо только заворчал, когда Нед сказал мне, что настоящее имя Джо — Стэнтин и что на Эльмире его ждут не дождутся, чтобы посадить на электрический стул. Я обещал Джо-Стэнтину, что буду иметь удовольствие доставить его на место в тот же день. Пусть он и не пытается увиливать от наказания при помощи местных властей. Остальных будут судить в Канал-сити.

День был очень хлопотный.

С тех пор наступило спокойствие. Билли выписался из больницы и носит мои сержантские нашивки. Даже Фэйт вернулся, хотя теперь он время от времени трезв и избегает встречаться со мной взглядом. Дел у нас мало, так как город наш стал не только тихим, но и честным.

Нед по ночам патрулирует по городу, а днем работает в лаборатории и подшивает бумаги. Возможно, это не по правилам, но Неду, кажется, все равно. Он замазал все пулеметные царапины и непрерывно начищает значок. Не знаю, может ли быть счастливым робот, но Нед, видимо, счастлив.

Могу поклясться, что иногда он жужжит что-то себе под нос. Но, разумеется, это шумят моторы и прочие механизмы.

Если задуматься, то мы, наверно, создали прецедент, сделав робота полноправным полицейским. С завода еще никто не приезжал, и я не знаю, первые мы или нет.

Скажу еще кое-что. Я не собираюсь оставаться навечно в этом захудалом городишке. Приискивая новую службу, я уже написал кое-кому.

Поэтому некоторые будут очень удивлены, узнав, кто станет их новым начальником полиции после моего отъезда.

НЕМОЙ МИЛТОН

Большой автобус «грейхаунд» с тяжеловесной плавнотью затормозил у остановки и распахнул двери.

— Спрингвиль! — объявил водитель. — Конечная остановка.

Пассажиры, толпясь в проходе между сиденьями, начали выбираться из салона навстречу палящему зною. Оставшись один на широком заднем сиденье, Сэм Моррисон терпеливо дожидался, когда автобус опустеет, а потом взял под мышку коробку из-под сигар, встал и двинулся к выходу. Сияние солнечного дня после полумрака, который создавали в салоне цветные стекла, казалось особенно ослепительным. От влажной жары миссисипского лета перехватывало дыхание. Сэм стал осторожно спускаться по ступенькам, глядя себе под ноги, и не заметил человека, стоявшего у двери автобуса. Вдруг что-то твердое уперлось ему в живот.

— Что за дела у тебя в Спрингвиле, парень?

Сэм, растерянно моргая, посмотрел сквозь очки в стальной оправе на жирного здоровенного верзилу в серой форме, который ткнул его короткой, толстой дубинкой. Жизнь верзилы огромной гладкой дыней нависал над поясом, съехавшим на бедра.

— Я здесь проездом, сэр, — ответил Сэм Моррисон и снял свободной рукой шляпу, обнажив коротко подстриженные седеющие волосы. Он скользнул взглядом по ба-

грово-красному лицу, золотому полицейскому значку на рубашке и опустил глаза.

— Куда едешь, парень? Не вздумай скрывать от меня... — снова прохрипел тот.

— В Картерет, сэр. Мой автобус отходит через час.

Полицейский что-то буркнул в ответ. Тяжелая, начиненная свинцом дубинка постучала по коробке, которую Сэм держал под мышкой.

— Что у тебя там? Пистолет?

— Нет, сэр. Я никогда не ношу оружия. — Сэм открыл коробку и протянул ее полицейскому: внутри был кусочек металла, несколько электронных блоков и маленький динамик; все было аккуратно соединено тонкими проводами. — Это... радиоприемник, сэр.

— Включи его.

Сэм нажал на рычажок и осторожно настроил приемник. Маленький репродуктор задребезжал, раздались слабые звуки музыки, еле слышные сквозь рычание автобусных моторов. Краснорожий засмеялся.

— Вот уж настоящий радиоприемник ниггера... Коробка с хламом. — Голос снова стал жестким. — Смотри, не забудь убраться отсюда на том автобусе, слышишь?

— Да, сэр, — сказал Сэм удаляющейся, насквозь пропотевшей спине и осторожно закрыл коробку. Он направился к залу ожидания для цветных, но, проходя мимо окна, увидел, что там пусто. На улице негров тоже не было. Не останавливаясь, Сэм миновал зал ожидания, проскользнул между автобусами, стоявшими на асфальтированной площадке, и вышел через задние ворота автобусной станции. Все свои шестьдесят семь лет он прожил в штате Миссисипи и потому мгновенно почуял, что тут пахнет бедой, а самый верный способ избежать беды — это убраться куданибудь подальше. Улицы становились уже и грязнее. Он шел по знакомым тротуарам, пока не увидел, как работник

с фермы в заплатанном комбинезоне направился к двери, над которой висела потускневшая вывеска «Бар». Сэм пошел вслед за ним. Он решил переждать в баре время, оставшееся до отхода автобуса.

— Бутылку пива, пожалуйста.

Он положил монетки на мокрую, обшарпанную стойку и взял холодную бутылку. Стакана не оказалось. Бармен не проронил ни слова и, выбив чек, с непроницаемым, мрачным видом уселся на стул в дальнем конце бара, откуда доносились тихое бормотание радиоприемника. Лучи света, проникавшие через окна с улицы, не могли рассеять полу-мрак зала. Кабинки с высокими перегородками у дальней стены манили прохладой. Посетителей было мало, они сидели поодиночке, и перед каждым на столике стояла бутылка пива. Сэм пробрался между тесно расставленными столиками и вошел в кабину рядом с задней дверью. Только тут он заметил, что там уже кто-то сидит.

— Простите, я вас не видел,— сказал он, намереваясь выйти, но незнакомец жестом пригласил его сесть, снял со стола дорожную сумку и поставил рядом с собой.

— Хватит места для обоих,— произнес он и поднял бутылку с пивом.— За встречу.

Сэм отхлебнул глоток из своей бутылки. Незнакомец продолжал тянуть пиво, пока не выпил полбутылки. Со вздохом облегчения он сказал:

— Скверное пиво.

— Но вы, кажется, пьете его с удовольствием,— улыбнувшись, осторожно заметил Сэм.

— Только потому, что оно холодное и утоляет жажду. Я отдал бы ящик этого пива за бутылку «Бада» или «Бэллантайна».

Незнакомец говорил резко и отрывисто, глотая слова.

— Вы, наверное, с Севера? — прислушавшись, спросил Сэм. Теперь, когда глаза его привыкли к полумраку бара,

он разглядел, что перед ним сидел молодой мулат в белой рубашке с закатанными рукавами. На его лице застыло напряженное ожидание, лоб был перечеркнут резкими морщинами.

— Вы чертовски правы. Я приехал с Севера и собираюсь уехать обратно...— Он внезапно умолк и отхлебнул пива. Когда он снова заговорил, его голос звучал настороженно.— А вы из этих мест?

— Я родился недалеко отсюда, а теперь живу в Картерете. Здесь у меня пересадка с одного автобуса на другой.

— Картерет — это там, где колледж?

— Верно. Я в нем преподаю.

Молодой человек в первый раз улыбнулся.

— Стало быть, мы с вами как бы коллеги. Я из Нью-йоркского университета, специализируюсь в экономике.— Он протянул руку.— Чарлз Райт. Все, кроме матери, зовут меня Чарли.

— Очень приятно познакомиться,— сказал Сэм медленно и несколько по-старомодному.— Я Сэм Моррисон, и в свидетельстве о рождении у меня тоже Сэм, а не Сэмюэль.

— Ваш колледж меня интересует. Я собирался побывать в нем, но...— Чарли внезапно умолк, услышав звук автомобильного мотора, который донесся с улицы, и наклонился вперед, чтобы видеть входную дверь. Только после того, как машина уехала, он откинулся на спинку стула, и Сэм увидел мелкие капельки пота, пропустившие у него на лбу. Чарли первно отхлебнул из бутылки.

— Вы не встретили на автобусной станции здоровенного полисмена с толстым пузом и красной рожей?

— Да, встретил. Когда я сопшел с автобуса, он завел со мной разговор.

— Сволочь!

— Не горячитесь, Чарлз. Он всего-навсего полисмен, исполняющий свои обязанности.

— Всего-навсего!..— Молодой человек бросил короткое грязное ругательство.— Это Бринкли. Вы, должно быть, слышали о нем — самый жестокий человек к югу от Бомбингема. Следующей осенью его собираются избрать шерифом. Он уже магистр клана. Этакий столп общества.

— Подобные разговоры вас до добра не доведут,— мягко заметил Сэм.

— То же самое говорил Дядюшка Том — и, насколько я помню, он остался рабом до самой смерти. Кто-то должен сказать правду. Нельзя же вечно молчать.

— Вы рассуждаете, как участник автомарша за права негров.— Сэм безуспешно попытался придать своему лицу строгое выражение.

— Ну и что, я участвовал в этом марше, если хотите знать. Он заканчивается как раз здесь. А теперь еду домой. Я напуган и не боюсь в этом сознаться. Тут, на Юге, вы живете как в джунглях. Никогда не представлял себе, насколько это ужасно, пока не приехал сюда. Я работал в комитете избирателей. Бринкли об этом пронюхал и поклялся, что прикончит меня или упрячет на всю жизнь за решетку. И знаете — я в это верю. Сейчас я уезжаю, только вот жду машину, которая должна меня отвезти. Еду обратно к себе на Север.

— Насколько мне известно, у вас на Севере тоже есть свои трудности.

— Трудности! — Чарли допил пиво и встал.— После того, что я увидел здесь, я их даже так называть не стану. Нью-Йорк, конечно, не рай, но там есть шанс прожить немного больше. Там, где я вырос, на юге Ямайки, приходилось нелегко, но у нас был собственный дом и в неплохом районе и... хотите еще пива?

— Нет, одной бутылки мне вполне достаточно, спасибо. Чарли вернулся с новой бутылкой пива и продолжил прерванную мысль.

— Может быть, на Севере мы считаемся гражданами второго сорта, но по крайней мере там мы все-таки граждане и можем добиться какого-то счастья, осуществления каких-то желаний. А здесь человек — рабочая скотина. И ничем другим он никогда не станет, если у него кожа не того цвета.

— Я бы этого не сказал. Положение все время улучшается. Мой отец был батраком, сыном раба, а я преподаватель колледжа. Это как-никак прогресс.

— Какой прогресс? — Чарли стукнул по столу, но голоса не повысил и продолжал гневным шепотом: — Одна сотая процента негров получает убогое образование и передает его другим в захолустном колледже. Слушайте, я не нападаю на вас. Я знаю, вы делаете все, что можете. Но на каждого человека вроде вас есть тысяча других, которые год за годом рождаются, живут и умирают в омерзительной нищете, без всякой надежды. Миллионы людей. Разве это прогресс? И даже вы сами — вы уверены, что не добились бы большего, если бы преподавали в приличном университете?

— Нет, только не я, — засмеялся Сэм. — Я рядовой преподаватель, и разъяснений студентам основ алгебры и геометрии для меня более чем достаточно без того, чтобы еще пытаться объяснить им топологию или Буlevу алгебру или что-либо в этом роде.

— А что это за штука, эта Бул... Я о ней никогда не слышал.

— Это, гм... логическое исчисление, специальный предмет. Я же говорил, что не мастер объяснять эти вещи, хотя довольно неплохо знаю их. По правде говоря, высшая математика — это мое увлечение. Если бы я работал в крупном учебном заведении, у меня не было бы времени, чтобы заниматься ею.

— Откуда вы знаете? Может быть, там была бы боль-

шая электронно-вычислительная машина. Разве это вам бы не помогло?

— Возможно, конечно, но я нашел способ обходиться без такой машины. Просто требуется немного больше времени, только и всего.

— А много ли его у вас осталось? — тихо спросил Чарли и мгновенно пожалел о сказанном, когда увидел, как пожилой человек молча опустил голову, так и не ответив на вопрос.

— Беру свои слова обратно. У меня слишком длинный язык. Простите, слишком уж я разозлился. Откуда вы знаете, чего бы вы достигли, будь у вас подготовка, возможности?..

Он замолчал, поняв, что лишь усугубляет свою бес tactность.

Полусумрачную душную тишину бара нарушал лишь отдаленный шум уличного движения да тихая музыка. Бармен встал, выключил приемник и открыл дверцу погребка, чтобы достать еще один ящик пива.

Но музыка продолжала звучать где-то рядом как паззливое эхо. Чарли понял, что она доносится из коробки для сигар, лежавшей перед ними на столе.

— Там приемник? — спросил он, обрадованный возможностью переменить тему разговора.

— Да... впрочем, по существу нет, хотя блок приема радиоволн там есть.

— Если вы думаете, что все объяснили, то ошибаетесь. Я уже вам говорил, что моя специальность — экономика.

Сэм улыбнулся и, открыв коробку, показал на аккуратно смонтированную внутри радиосхему.

— Это сделал мой племянник. У него небольшая ремонтная мастерская, но он приобрел приличные знания по электронике в военной авиации. Я показал ему уравнение, и мы вместе собрали эту схему.

Чарли подумал о человеке, имеющем знания и практическую подготовку в области электроники, который вынужден растрчивать свои силы и способности в мастерской мелкого ремонта, но не высказал свою мысль вслух.

— А для чего эта штука?

— По правде говоря, ни для чего. Я сделал ее просто для того, чтобы на практике проверить, верны ли мои уравнения. Я полагаю, теория единого поля Эйнштейна вам не очень хорошо знакома?..

Чарли сокрушенно улыбнулся и поднял руки, показывая, что сдается.

— Рассказать о пей нелегко. Говоря упрощенно, предполагается, что существует связь между явлениями, между всеми формами энергии и вещества. Вы знакомы с самыми простыми преобразованиями: переходом тепловой энергии в механическую, как, например, в двигателе, электрической энергии в свет...

— Электрическая лампочка!

— Правильно. Исходя из этого было выдвинуто предположение, что существует связь между временем и световой энергией, так же как между гравитацией и светом — это уже было доказано, — между гравитацией и электричеством. Именно эту область я и исследовал. Я предположил, что внутри гравитационного поля существует некий заметный градиент энергии, подобный градиенту силовых линий, под действием которого железные опилки располагаются в магнитном поле. Нет, это сравнение не годится, пожалуй, лучше сравнить с проводником, в котором ток может бесконечно циркулировать в условиях сверхпроводимости, возникающей при низких температурах...

— Профессор, я запутался. Мне не стыдно в этом признаться. Может быть, вы объясните все на примере? Ну, скажем, что происходит в этом маленьком приемнике?

Сэм осторожно покрутил рычажок настройки, музыка стала чуть-чуть громче.

— Здесь интересна не радиопередача. Этот блок приема радиопередач лишь наглядно показывает, что я обнаружил утечку — нет, правильнее сказать, перепад между гравитационным полем Земли и гравитационным полем вот этого кусочка свинца в углу коробки.

— А где батарейка?

Сэм гордо улыбнулся.

— Вот в этом-то и соль — батарейки нет. Электроэнергия поступает извне, из...

— Вы хотите сказать, что ваш радиоприемник работает на гравитации? Получает электричество даром?

— Да... хотя на самом деле это не совсем верно...

— Но выглядит-то именно так!

Чарли был явно возбужден. Он низко наклонился над столом, стараясь получше разглядеть, что в коробке.

— Я ничего не понимаю в электронике, но энергетическими ресурсами экономика занимается достаточно подробно. Можно ли усовершенствовать этот ваш прибор, чтобы он вырабатывал электричество при небольших затратах или вообще без затрат?

— Не сразу. Это лишь первая попытка...

— Но в конце концов можно? А ведь это означает...

Сэм решил, что молодому человеку вдруг стало плохо. Его лицо посерело, как при потере крови, в глазах застыл ужас. Он медленно опустился на стул. Прежде чем Сэм успел спросить, что случилось, в дверях бара раздался зычный голос:

— Видел кто-нибудь парня по имени Чарли Райт? Ну, быстро. Отвечайте! Кто скажет мне правду, тому бояться нечего.

— Святой Иисус... — прошептал Чарли и буквально вжался в сиденье. Бринкли вошел в бар, держа руку на

рукоятке пистолета, прищуренными глазами всматриваясь в полумрак зала. Ему никто не ответил.

— Кто вздумает прятать его, тому будет плохо! — прорычал он. — Все равно найду этого черномазого прохвоста!

Полицейский направился в глубь зала. Чарли, схватив сумку, перемахнул через перегородку кабинки и метнулся к задней двери.

— Вернись, сукин сын!

Прыгая, Чарли зацепил ногой стол. Стол запатался, и коробка из-под сигар соскользнула на пол. Прогромыхали тяжелые сапоги. Дверь скрипнула, Чарли выскользнул на улицу. Сэм нагнулся, чтобы поднять коробку.

— Убью! Держите его!

Приемник был цел. Сэм облегченно вздохнул и выпрямился, держа в руке дребезжащую коробку.

Из двух выстрелов он услышал только первый: второй он услышать не мог — пуля попала ему в затылок, и Сэм рухнул на пол. Смерть наступила мгновенно.

Патрульный Марджер, выскочивший из полицейской автомашины, ворвался в бар с пистолетом наготове и увидел Бринкли, входившего через заднюю дверь.

— Удрал, будь он проклят, будто испарился.

— Что здесь случилось? — спросил патрульный, засовывая пистолет в кобуру и глядя на лежавшее у его ног худое скрюченное тело.

— Не знаю. Должно быть, он подвернулся под пулю, когда я выпалил в того, который сбежал. Во всяком случае, наверно, тоже коммунист. Они сидели за одним столом.

— Могут быть неприятности из-за этого...

— Какие неприятности? — возмутился Бринкли. — Всего-навсего еще один старый мертвый ниггер...

Двинувшись к выходу, он наступил сапогом на коробку из-под сигар. Она лопнула и рассыпалась на куски под тяжелым каблуком,

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

«В 11.00!!! — взвивала записка, приколотая к правому верхнему углу чертежной доски.— В КАБИНЕТ МАРТИНА!!» Он сам написал ее кистью седьмого размера похоронной черной тушью на толстом желтом листе бумаги — большие буквы, большие слова.

Все кончено. Пэкс попытался убедить себя, что это была просто очередная накачка Мартина: нотация, выговор, предупреждение. Именно об этом думал он, выписывая буквы, когда большие водянистые глаза мисс Финк прищурились и хриплый голос прошептал: «Мистер Пэкс, заказ уже сделан, прибывает сегодня, я сама видела уведомление на столе. Модель «Марк-IX».

Модель «Марк-IX». Он знал, что когда-нибудь это случится, знал, но не решался отдать в этом отчет и только обманывал сам себя, утверждая, что без него им не обойтись. Его руки легли на поверхность стола, старческие руки, покрытые морщинами и темными пятнышками, неизменно запачканные чернилами и с вечной мозолью на внутренней стороне указательного пальца. Сколько лет сжимали эти пальцы карандаш или кисть? Ему не хотелось вспоминать. Наверное, слишком много... Он стиснул руки, притворяясь, что не видит, как они трясутся.

До визита к Мартину оставался еще час — уйма времени, он еще успеет закончить рассказ, над которым работал. Он взял с верха пачки лист с иллюстрациями, подвинул к себе и отыскал сценарий. Страница третья рассказа, оза-

главленного «Любовь в прерии», для июльского номера «Подлинные любовные истории Рэйнджлэнда». Книги про любовь с массой иллюстраций всегда шли у него очень легко. К тому времени, когда мисс Финк отпечатала бесконечные заголовки и диалог на своем большом плоском варитайпе, по крайней мере половина работы была уже сделана. Первый лист сценария:

Семейная сцена: Джуди плачет, Роберт в ярости.

На переднем плане — голова Джуди, РАЗМЕР ТРИ, — он быстро нарисовал синим карандашом овал нужного размера, затем контуры фигуры Роберта на заднем плане. Рука поднята, кулак сжат — вот вам гнев. Работ «Марк-VIII» — художник комиксов — докончит за него работу. Пэкс сунул лист в держатель машины, затем быстро выдернул обратно. Он забыл нарисовать контуры для диалога. Голова садовая! Несколько штрихами синего карандаша он нанес шаровидные контуры и наметил место для хвостиков.

Когда он нажал кнопку, машина загудела и ожила, внутри ее темного кожуха засветились электронные лампы. Он нажал кнопку для голов. Сначала девушка — ЖЕНСКАЯ ГОЛОВА В ФАС, РАЗМЕР ТРИ, ПЕЧАЛЬНАЯ, ГЕРОИНЯ. Конечно, в комиксах у всех девушек одинаковые лица, и примечание ГЕРОИНЯ означало только команду машине не писать волосы. Для ПРЕСТУПНИЦЫ они были бы окрашены в черный цвет: ведь у всех преступниц волосы черные, а у преступников и усы, чтобы их можно было отличить от героев. Машина загудела, перебирая свой запас штампов, затем щелкнула и щелпнула по нарисованному им овалу резиновым штампом требуемого размера. МУЖСКАЯ ГОЛОВА, В ФАС, РАЗМЕР ШЕСТЬ, ПЕЧАЛЬНЫЙ, ГЕРОЙ — резиновый штамп меньшего размера опустился на бумагу, оставив свой отпечаток на верши-

не кружка, увенчивающего контуры фигурки. Правда, в сценарии говорилось о ярости, однако для этой цели служит поднятый кулак: ведь лица в комиксах бывают только счастливыми или печальными.

«В жизни все не так просто», — подумал он про себя. Эта мало оригинальная мысль возникла у него по крайней мере раз в день, когда он сидел за машиной. «МУЖСКАЯ ФИГУРА, ДЕЛОВОЙ КОСТЮМ», — установил он на циферблате, затем нажал кнопку «Рисуй!». Мгновенно на бумагу опустилась механическая рука с пером на конце и начала проворно рисовать фигуру человека в костюме по написанным контурным линиям. Мигая, Пэкс следил за тем, как перо нарисовало сеть морщин на лбу человека по образцу, который не менялся вот уже пятьдесят лет, затем быстрым движением начертило воротник и галстук, а потом двумя штрихами соединило аккуратно нарисованное туловище с отштампованной головой. В следующее мгновение перо перепрыгнуло на рукав и замерло над бумагой. Раздался звонок, и на пыльной красной панели загорелись слова: «ПОЖАЛУЙСТА, ИНСТРУКЦИИ!» Художник свирепо ткнул в кнопку с надписью «КУЛАК». Панель погасла, и перо послушно нарисовало кулак.

Пэкс посмотрел на аккуратно выполненный рисунок и вздохнул. Девушка казалась недостаточно несчастной; он окунул перо в бутылочку с тушью и пририсовал в углу каждого глаза по слезе. Теперь лучше. Однако задний план казался слишком пустым, несмотря на шаровидные контуры с текстом, как бы приклевые ко рту каждой фигурки. Пэкс машинально нажал кнопку «КОНТУРЫ», и механическое перо, устремившись вниз, начертило два шаровидных контура для текста, пририсовав к каждому из них маленький хвостик на требуемой дистанции от рта говорящего. Да, нужно чем-то заполнить задний план. Палец художника опустился на кнопку 473, которая, как он знал

из многолетнего опыта, давала изображение «ОКНА ДОМА С КРУЖЕВНЫМИ ЗАНАВЕСКАМИ». Перо быстро опустилось на бумагу и принялось за работу, автоматически настроившись на тот масштаб, который подходил для стоящей перед окном мужской фигуры. Пэкс взял сценарий и стал читать дальше:

Джуди падает на диван, Роберт пытается ее успокоить, мать врывается в комнату с сердитым лицом.

В этом кадре нужно было написать четыре строчки, и после того как на рисунке появятся три шаровидных контура, останется место только для одного небольшого крупного плана. Пэкс не стал раздумывать над рисунком, как сделал бы в другое время, а пошел по шаблонному пути. Сегодня он чувствовал себя усталым, очень усталым. «ДОМ, МАЛЕНЬКИЙ, СЕМЬЯ» — и на бумаге появился маленький коттедж, из которого лезли вверх хвостики трех шаровидных контуров. Пусть эти чертобы читатели сами разбираются, кто что говорит.

Рассказ был окончен как раз к одиннадцати часам, Пэкс аккуратно сложил листы с рисунками, спрятал сценарий в папку и очистил перо машины от туси — если он об этом забывал, тушь всегда засыхала на кончике пера.

Но вот уже одиннадцать — пора идти к Мартину. Пэкс попытался оттянуть страшный момент: он то закатывал рукава, то опускал их, то вешал свой зеленый козырек на ручку бесстеневой лампы, то снимал его; однако избежать встречи с Мартином было невозможно. Слегка расправив плечи, он прошел мимо мисс Финк, трудолюбиво барабанящей на своем варитайпе, и вошел через открытую дверь в кабинет Мартина.

— Ну что вы, Луи, — говорил Мартин в телефонную трубку медовым голосом. — Если все дело в том, чтобы заручиться честным словом какого-то нищего распространя-

теля в Канзас-Сити, то почему бы не поверить моему честному слову? Совершенно верно... конечно... правильно, Луи. Тогда я позвоню еще раз завтра утром... и тебе тоже... привет Элен.— Он бросил телефонную трубку и сердито посмотрел на Пэкса своими маленькими глазками.

— В чем дело?

— Мне сказали, что вы хотите поговорить со мной, мистер Мартин.

— Верно, верно,— пробормотал Мартин. Концом изжеванного карандаша он стряхнул перхоть с затылка и стал покачиваться в кресле из стороны в сторону.

— Бизнес есть бизнес, Пэкс, тебе это хорошо известно, а накладные расходы непрерывно растут. Бумага... Ты знаешь, сколько стоит тонна бумаги? Нам приходится идти на все ухищрения...

— Если вы думаете о том, чтобы снова срезать мне зарплату, мистер Мартин, то я не думаю, что смогу... может быть, если совсем немного...

— Я собираюсь отпустить тебя на все четыре стороны. Я купил «Марка-IX», чтобы сократить расходы, и уже нанял девушку для работы на нем.

— Вам совсем не нужно делать это, мистер Мартин,— поспешил заговорил Пэкс, чувствуя, что слова набегают одно на другое и что в его голосе звучит мольба.— Я уверен, что справлюсь с машиной, только дайте мне несколько дней, чтобы подучиться...

— Совершенно исключено. Во-первых, я плачу девушке гропи, потому что она совсем еще ребенок и это ее первое жалованье, а во-вторых, она кончила школу, где обучали работе на этой машине; она может гнать комиксы как по конвейеру. Ты знаешь, Пэкс, я не мерзавец, но бизнес есть бизнес. Вот что я для тебя сделаю: сегодня вторник, а я заплачу тебе до конца недели. Ну как? И можешь уходить прямо сейчас.

— Очень великодушно с вашей стороны, особенно после восьми лет работы,— сказал Пэкс, прилагая все силы к тому, чтобы голос его звучал спокойно.

— Совершенно верно, уж это-то я должен был сделать.— Мартин от рождения обладал иммунитетом к сарказму.

Внезапно Пэкса охватило всепоглощающее чувство утраты, в груди у него что-то оборвалось. Все кончено! Мартин уже снова говорил по телефону, и Пэксу больше нечего было сказать. Он вышел из кабинета, стараясь держаться прямо, и услышал позади себя, как стук пишущей машинки мисс Финк на мгновение прекратился. Ему не хотелось видеть ее сейчас, не хотелось смотреть в эти влажные нежные глаза. И вместо того чтобы идти обратно в студию — тогда пришлось бы пройти мимо ее стола,— он открыл дверь и вышел в коридор. Медленно прикрыл за собой дверь и замер, прислонившись к ней спиной, затем сообразил, что матовое стекло позволяет видеть его силуэт, и торопливо пошел вперед.

За углом находился дешевый бар, в котором Пэкс пил пиво после каждой зарплаты, и он направился к бару.

— Доброе утро, добро пожаловать... э-э-э... мистер Пэкс,— произнес робот-бартердер механическое приветствие, на мгновение заколебавшись в выборе имени клиента.— Что вам налить? Как всегда?

— Нет, не как всегда, ты, штукенция из пластика и проводов, дешевая имитация опереточного ирландца,— дай мне двойное виски.

— Конечно, сэр, вы, как всегда, в ударе,— ответил робот, кивнув головой с электронной вежливостью, так что его конская грива подскочила. В его механической руке появилась бутылка, и в стакан полилась точно отмеренная порция виски.

Пэкс одним глотком проглотил содержимое стакана, и

по его телу разлилась непривычная теплота, растопившая оболочку холодного равнодушия, в которую он старался себя заключить. Господи, все кончено, все кончено. Теперь его удел — только Дом для престарелых, и он все равно что мертв.

Есть вещи, о которых лучше не думать. Это одна из них. За первым двойным виски последовало второе. Деньги уже не имели значения, потому что после этой недели он больше не будет зарабатывать. Необычно большая доза алкоголя немного притупила боль. Нет, лучше вернуться обратно в студию, пока эта мысль полностью не овладела им. Забрать свои вещи из стола и взять чек на недельную зарплату у мисс Финк. Он знал, что чек был уже подготовлен; когда кто-то больше не был нужен Мартину, он любил избавляться от балласта как можно быстрее.

— Какой этаж? — раздался голос из кабины лифта, откуда-то сверху.

— Убирайся к дьяволу! — рявкнул Пэкс. Раньше он никогда не задумывался над тем, какое множество роботов окружает его повсюду. Как он ненавидел их сейчас!

— Извините, сэр, но нужная вам фирма в этом здании не размещается. Вы проверили по справочнику?

— Двадцать третий, — сказал он, и его голос дрогнул. Хорошо, что больше никого в лифте не было. Дверцы захлопнулись.

Дверь, ведущая из коридора в студию, была раскрыта настежь — он уже вошел в комнату, когда понял, почему, но теперь было поздно поворачивать назад. «Марк-VIII», которого он лелеял в течение стольких лет, лежал на боку в углу. Одна его сторона — та самая, которая раньше прислонялась к стене, была вся в пыли.

«Хорошо», — подумал он, понимая, что глупо неизменно машину, но все-таки радуясь тому, что ее тоже выбрасывают вон. На ее месте торчал какой-то аппарат в се-

ром кожухе. Он вытянулся почти до самого потолка и выглядел внушительно, совсем как сейф.

— Все подключено, мистер Мартин, можно приступать к работе, и, как вам известно, вы имеете стопроцентную пожизненную гарантию. Мне бы только хотелось дать вам представление, насколько разносторонней является ваша машина.

Говорящий был одет в комбинезон такого же серого цвета, что и машина; блестящую отвертку он использовал как указку. Мартин, нахмурившись, смотрел на машину, а сзади него виднелась мисс Финк. В студии был еще один человек — тоненькая молодая девушка в розовом свитере, с отсутствующим выражением на лице жевавшая резинку.

— Дайте «Марку-IX» какое-нибудь трудное задание, мистер Мартин. Обложку для одного из ваших журналов, что-нибудь такое, что, по вашему мнению, ни одна машина не могла сделать раньше, а обычные машины не могут и сейчас...

— Финк! — рявкнул Мартин, и секретарша подбежала к нему с пачкой иллюстраций и маленьким цветным наброском.

— У нас осталась одна обложка, мистер Мартин, — сказала опа тихим голосом, — но вы поручили работу мистеру Пэксу...

— К черту, — проворчал Мартин, выдергивая лист из ее руки и внимательно разглядывая его. — Это обложка нашей лучшей книги, понятно? Мы не можем допустить, чтобы какой-то ремесленник заляпал ее своими резиновыми штампами. По крайней мере не обложку «Боевых асов в настоящей войне».

— У вас нет никаких оснований для беспокойства, сэр, честное слово, — сказал человек в сером комбинезоне, осторожно вытягивая лист из пальцев Мартина. — Сейчас я продемонстрирую вам многосторонность «Марка-IX» —

этому трудно поверить, пока вы не увидите его в работе. Квалифицированный оператор может дать всю необходимую информацию на ленту «Марка» на основе наброска или описания, и всякий раз вы будете поражены результатами.— Сбоку в машину была вмонтирована панель с массой клавиш, как у пишущей машинки; он подсел к ней и начал печатать. Перфорированная лента белой струйкой потекла из аппарата, собираясь в корзине.

— Ваш новый оператор знаком с машинным языком и может превратить любое художественное представление или идею в стандартные символы, нанесенные на ленту. Перфолента может быть проверена или исправлена, сохранена или модифицирована и может использоваться снова, если возникнет такая необходимость. Вот здесь я записал, какое содержание нужно вложить, и теперь у меня последний вопрос — в каком стиле должен быть исполнен рисунок?

Мартин недоуменно хрюкнул.

— Вы удивлены, сэр, правда? Так я и думал. «Марк-IX» хранит в своей памяти характерные стили всех великих мастеров Золотого века. Вы можете пользоваться стилем Каберта или Каниффа, Гуинта или Барри. Для работы над фигурами в вашем распоряжении стиль Раймонда, для любовных интриг хороший дух Дрейка.

— Как относительно стиля Пэкса?

— Извините, но мне неизвестен...

— Ха-ха, просто шутка. Ладно, действуйте. Мне хотелось бы стиль Каниффа.

Пэкса бросило в жар, затем в холод. Мисс Финк встретилась с ним взглядом и отвернулась, глядя на пол. Он сжал кулаки и потоптался на месте, переступил с ноги на ногу, собираясь уйти, но вместо этого прислушался к разговору. Он не мог уйти, по крайней мере сейчас.

— и лента заправляется в машину, лист бумаги размещается как раз в самом центре стола. Вы нажимаете

кнопку цикла. Стоит только подготовить перфоленту, и все так просто, что машиной может управлять трехлетний ребенок. Нажимаете кнопку и отходите в сторону. Сейчас внутри этой гениальной машины анализируются приказы и создается изображение. В электронной памяти машины собраны изображения всех предметов и явлений, когда-либо нарисованных или увиденных человеком. Необходимое для данного рисунка отбирается в нужном порядке и передается на экран коллатора. Когда окончательный вариант рисунка готов, появляется сигнал — как раз вот он, — и мы можем увидеть рисунок вот на этом экране.

Мартин наклонился, посмотрел на экран и одобрительно хмыкнул.

— Идеально, не правда ли? Но если по каким-нибудь причинам оператору не нравится полученное изображение, оно может быть изменено с помощью вот этих контрольных рукояток. После того как искомое изображение получено, нажимается кнопка печати, рисунок переносится на ленту из пластика — ее можно использовать сколько угодно раз — она заряжена статическим зарядом для удержания порошкообразной туши, одно прикосновение — и изображение переносится на лист бумаги.

С неестественным стоном пневматический механизм машины послал вниз прямоугольный ящичек на блестящей оси и прижал его к листу бумаги. Раздалось шипение, и сбоку появилась струйка пара. Затем штамп снова поднялся, и человек в комбинезоне взял готовый рисунок.

— Разве это не шедевр? — спросил он улыбаясь.

Мартин хмыкнул.

Пэкс посмотрел на рисунок и не смог оторвать взгляда: ему чуть не стало плохо. Обложка была не просто хороша, это был настоящий Канифф, как будто рисунок только что вышел из-под пера великого мастера. Но са-

мым ужасным было то, что это была обложка Пэкса, его набросок. Улучшенный. Он никогда не был тем, кого называют гениальным художником, но он был хорошим иллюстратором. В области комиксов он пользовался известностью и в течение ряда лет считался одним из лучших. Однако поле деятельности сокращалось, а с появлением машин для художников не осталось иной работы, кроме как случайной или операторской при рисовальной машине. Он удержался дольше многих — сколько лет? — ибо какой старомодной ни была его работа, он был все-таки гораздо лучше, чем любая машина, рисующая головы с помощью резинового штампа.

Теперь другое дело. Он не мог даже притвориться перед самим собой, что он нужен или даже просто полезен.

Машина была лучше.

Он почувствовал, что сжал пальцы в кулак с такой силой, что ногти врезались в мякоть ладоней. Он разжал руки, потер их одна о другую и заметил, что они дрожат. Машина была выключена, и все вышли из студии; он слышал, как в приемной стучала каретка мисс Финк. Молодая девушка говорила Мартину о том, что нужно приобрести некоторые детали для машины, и когда Пэкс закрыл дверь, он успел услышать возмущенный ответ, что ему никто не говорил о дополнительных расходах.

Пэкс согрел пальцы под мышками, и скоро дрожь утихла. Тогда он тщательно приколол лист бумаги к рисовальной доске и поправил лампу, чтобы ее свет не падал в глаза. Размеренными движениями он отчертил кадры стандартного листа комиксов, разделив его на шесть частей, причем шестая часть была большой, во всю ширину страницы. Взяв в руку карандаш, он принялся за наброски, только однажды разогнув спину, чтобы подойти к окну и посмотреть вниз. Потом он снова вернулся к столу и, когда дневной свет начал исчезать, закончил ра-

боту в туши. Тщательно вымыл свою старую, но все еще любимую кисть «Виндзор и Ньютон» и бережно положил в пенал.

В приемной послышалось какое-то движение, как будто мисс Финк собиралась уходить, а может, это была новая девушка, вернувшаяся с необходимыми деталями. Во всяком случае, было уже поздно, и его время пришло.

Быстро, чтобы не передумать, он подбежал к окну, всем весом своего тела разбил стекло и полетел с высоты двадцать третьего этажа вниз.

Мисс Финк услышала звон разбитого стекла и пронзительно вскрикнула, затем, когда вошла в студию, вскрикнула еще раз. Мартин, ворча, что шум не дает ему работать, вошел вслед за ней, но замолчал, увидев, что случилось. Осколки стекла хрустнули у него под ногами, когда он взглянул в разбитое окно. Кукольная фигурка Пэкса была отчетливо видна в центре собравшейся толпы — его тело, лежавшее на краю тротуара, у самой мостовой, было неестественно согнуто.

— Боже мой, мистер Мартин. Боже мой, взгляните на это... — раздался дрожащий голос мисс Финк.

Мартин подошел к девушке и взглянул из-за ее плеча на лист, все еще приколотый к рисовальной доске. Рисунки были аккуратно исполнены, раскрашены с любовью и мастерством.

На первом был нарисован автопортрет самого Пэкса, согнувшегося над рисовальной доской. На втором рисунке он сидел и аккуратно мыл кисть, на третьем — стоял. На четвертом рисунке художник стоял перед окном — четкая фигура с выразительным освещением сзади. Пятый рисунок представлял собой перспективу из воображаемой точки сверху — человеческая фигура, летящая вниз вдоль стены здания к мостовой.

Последний рисунок — с четкими, ужасными подроб-

ностями — фигура старика, распростертого на капоте автомобиля, согнутом и залитом кровью; зрители с испуганными лицами.

— Только взгляните сюда, — сказал с отвращением Мартин, постукивая по рисовальной доске большим пальцем. — Когда он бросился из окна, он упал не меньше чем в двух ярдах от автомобиля. Разве я не говорил, что он никогда не умел правильно рисовать детали?

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

У Старика было невероятно злорадное выражение лица — верный признак того, что кому-то предстоит здорово попотеть. Поскольку мы были одни, я без особого напряжения мысли догадался, что работенка достанется именно мне. И тотчас обрушился на него, памятуя, что наступление — лучший вид обороны.

— Я увольняюсь. И не утруждайте себя сообщением, какую грязную работенку вы мне припасли, потому что я уже не работаю. Вам нет нужды раскрывать передо мной секреты компании.

А он знал себе ухмыляется. Ткнув пальцем в кнопку на пульте, он даже захихикал. Толстый официальный документ скользнул из щели к нему на стол.

— Вот ваш контракт, — заявил Старик. — Здесь сказано, где и как вам работать. Эту пластину из сплава стали с ванадием не уничтожить даже с помощью молекулярного разрушителя.

Я наклонился, схватил пластину и тотчас подбросил ее вверх. Не успела она упасть, как в руке у меня очутился лазер, и от контракта остался лишь пепел.

Старик опять нажал кнопку, и на стол к нему скользнула новый контракт. Ухмылялся теперь он уже так, что рот его растянулся до самых ушей.

— Я неправильно выразился... Надо было сказать не контракт, а копия его... вроде этой.

Он быстро сделал какую-то пометку.

— Я вычел из вашего жалованья тринадцать монет — стоимость копии. Кроме того, вы оштрафованы на сто монет за пользование лазером в помещении.

Я был повержен и, понурившись, ждал удара. Старик поглаживал мой контракт.

— Согласно контракту, бросить работу вы не можете. Никогда. Поэтому у меня есть для вас небольшое дельце, которое вам наверняка придется по душе. Маяк в районе Центавра не действует. Это маяк типа «Марк-III»...

— Что это еще за тип? — спросил я Старика. Я ремонтировал маяки гиперпространства во всех концах Галактики и был уверен, что способен починить любую разновидность. Но о маяке такого типа я даже не слыхивал.

— «Марк-III», — с лукавой усмешкой повторил Старик. — Я и сам о нем услыхал, только когда архивный отдел откопал его спецификацию. Ее нашли где-то на задворках самого старого из хранилищ. Из всех маяков, построенных землянами, этот, пожалуй, самый древний. Судя по тому, что он находится на одной из планет Проксимы Центавра, это, весьма вероятно, и есть самый первый маяк.

Я взглянул на чертежи, протянутые мне Стариком, и ужаснулся.

— Чудовищно! Он похож скорее на винокуренный завод, чем на маяк... И высотой не меньше нескольких сотен метров. Я ремонтник, а не археолог. Этой груде лома больше двух тысяч лет. Бросьте вы его и постройте новый.

Старик перегнулся через стол и задышал мне прямо в лицо.

— Чтобы построить новый маяк, нужен год и уйма денег. К тому же эта реликвия находится на одном из главных маршрутов. Некоторые корабли у нас теперь делают крюк в пятнадцать световых лет.

Он откинулся на спинку кресла, вытер руки носовым платком и стал читать мне очередную лекцию о моем долге перед компанией.

— Наш отдел официально называется отделом эксплуатации и ремонта, а на самом деле его следовало бы назвать аварийным. Гиперпространственные маяки делают так, чтобы они служили вечно... или по крайней мере стремятся делать так. И если они выходят из строя, то тут всякий раз дело серьезное — заменой какой-нибудь части не отделаешься.

И это говорил мне он — человек, который за жирное жалованье просиживает штаны в кабинете с искусственным климатом.

Старик продолжал болтать:

— Эх, если бы можно было просто заменять детали! Был бы у меня флот из запчастей и младшие механики, которые бы вкалывали без разговоров! Так нет же, все, все наоборот. У меня флотилия дорогих кораблей, а на них — чего только нет... Зато экипажи — банда разгильдяев вроде вас!

Он ткнул в мою сторону пальцем, а я мрачно кивнул.

— Как бы мне хотелось уволить всех вас! В каждом из вас сидит космический бродяга, механик, инженер, солдат, головорез и еще черт-те кто — все, что нужно для настоящего ремонтника. Мне приходится запугивать вас, подкупать, шантажировать, чтобы заставить выполнить простое задание. Если вы съты по горло, то представьте себе, каково мне. Но корабли должны ходить! Маяки должны работать!

Решив, что этот бессмертный афоризм он произнес в качестве напутствия, я встал. Старик бросил мне документацию «Марка-III» и зарылся в свои бумаги. Когда я был уже у самой двери, он поднял голову и снова ткнул в мою сторону пальцем:

— И не тешьте себя мыслью, что вам удастся увиличнуть от выполнения контракта. Мы наложим арест на ваш банковский счет на Алголе II, прежде чем вы успеете взять с него деньги.

Я улыбался так, будто у меня никогда и в мыслях не было держать свой счет в секрете. Но боюсь, улыбка получилась жалкой. Шпионы Старика с каждым днем работают все эффективнее. Шагая к выходу из здания, я пытался придумать, как бы мне незаметно взять со счета деньги. Но я знал, что в это самое время Старик подумывает, как бы ему обхитрить меня.

Все это не настраивало на веселый лад, и поэтому я сперва заглянул в бар, а уж оттуда отправился в космопорт.

К тому времени, когда корабль подготовили к полету, я уже вычертил курс. Ближе всех от испортившегося маяка на Проксиме Центавра был маяк на одной из планет Беты Цирцинии, и я сначала направился туда. Это короткое путешествие в гиперпространстве заняло всего лишь девять дней.

Чтобы понять значение маяков, надо знать, что такое гиперпространство. Немногие разбираются в этом, но довольно легко усвоить одно: там, где отсутствует пространство, обычные физические законы неприемлемы. Скорость и расстояния там понятия относительные, а не постоянные, как в обычном космосе.

Первые корабли, входившие в гиперпространство, не знали, куда двигаться, невозможно было даже определить, движутся ли они вообще. Маяки разрешили эту проблему и сделали доступной всю Вселенную. Воздвигнутые на планетах, они генерируют колоссальное количество энергии. Эта энергия превращается в излучение, которое про-

низывает гиперпространство. Каждый маяк посыает с излучением свой кодовый сигнал, по которому и ориентируются в гиперпространстве. Навигация осуществляется при помощи триангуляции и квадратуры по маякам — только правила здесь свои, особые. Эти правила очень сложны и непостоянны, но все-таки они существуют, и навигатор может ими руководствоваться.

Для прыжка через гиперпространство надо точно засечь по крайней мере четыре маяка. Для длинных прыжков навигаторы используют семь-восемь маяков. Поэтому важен каждый маяк, все они должны работать. Вот тут-то беремся за дело мы, аварийщики.

Мы путешествуем в кораблях, в которых есть всего по-немногу. Экипаж корабля состоит из одного человека — этого достаточно, чтобы управляться с нашей сверхэффективной ремонтной аппаратурой. Из-за характера нашей работы мы проводим большую часть времени в обычных полетах в обычном пространстве. Иначе как же найти испортившийся маяк?

В гиперпространстве его не найдешь. Используя другие маяки, можно подойти как можно ближе к испорченному — и это все. Далее путешествие заканчивается в обычном пространстве. И на это частенько уходят многие месяцы.

На сей раз все получилось не так уж плохо. Я взял направление на маяк Беты Цирциии и с помощью навигационного блока стал решать сложную задачу ориентации по восьми точкам, используя все маяки, которые засек. Вычислительная машина выдала мне курс до примерного выхода из гиперпространства. Блок безопасности, который я все никак не могу размонтировать и выбросить, внес свои корректизы.

По мне так уж лучше выскоить из гиперпространства поблизости от какой-нибудь звезды, чем тратить время, ползя как черепаха сквозь обычное пространство, но, вид-

но, технический отдел тоже это сообразил. Блок безопасности встроен в машину накрепко, и, как бы ты ни старался, погибнуть, выскочив из гиперпространства внутри какого-нибудь солнца, невозможно. Я уверен, что гуманные соображения тут ни при чем. Просто компании дорог корабль.

Прошло двадцать четыре часа по корабельному времени, и я очутился где-то в обычном пространстве. Работа-анализатор что-то бормотнул и стал изучать все звезды, сравнивая их спектры со спектром Проксимы Центавра. Наконец он дал звонок и замигал лампочкой. Я прильнул к окуляру.

Определив с помощью фотоэлемента истинную величину, я сравнил ее с величиной абсолютной и получил расстояние. Совсем не так плохо, как я думал,— шесть недель пути, плюс-минус несколько дней. Вставив запись курса в автопилот, я на время ускорения привязал себя ремнями в специальном отсеке и заснул.

Время прошло быстро. Я в двенадцатый раз перемонтировал свою камеру и проштудировал заочный курс по ядерной физике. Большинство ремонтников учатся. Компания повышает жалование за овладение новыми специальностями. Но такие заочные курсы ценные и сами по себе, так как никогда нельзя заранее сказать, какие еще знания могут пригодиться. Все это да еще живопись и гимнастика помогали коротать время. Я спал, когда раздался сигнал тревоги, возвестивший о близости планеты.

Вторая планета, где, согласно старым картам, находился маяк, была на вид сырой и пористой, как губка. Я с великим трудом разобрался в древних указаниях и наконец обнаружил нужный район. Оставшись за пределами атмо-

сферы, я послал на разведку «Летучий глаз». В нашем деле заранее узнают, где и как придется рисковать собственной шкурой. «Глаз» для этой цели вполне подходит.

У предков хватило соображения сориентировать маяк на местности. Они построили его точно на прямой линии между двумя заметными горными вершинами. Я легко нашел эти вершины и пустил «глаз» от первой вершины точно в направлении второй. Спереди и сзади у «глаза» были радары, сигналы с них поступали на экран осциллографа в виде амплитудных кривых. Когда два пика совпадали, я стал крутить рукоятки управления «глазом», и он пошел на снижение.

Я выключил радар, включил телепередатчик и сел перед экраном, чтобы не упустить маяк.

Экран замерцал, потом изображение стало четким, и в поле зрения вплыла... гигантская пирамида. Я чертыхнулся и стал гонять «глаз» по кругу, просматривая прилегавшую к пирамиде местность. Она была плоской, болотистой, без единого пригорка. В десятимильном круге только и была что пирамида, а уж она определенно никакого отношения к маяку не имела.

А может, я неправ?

Я опустил «глаз» пониже. Пирамида была грубым каменным сооружением, без всякого орнамента, без украшений. На вершине ее что-то блеснуло. Я пригляделся. Там был бассейн, заполненный водой. При виде его в голове у меня мелькнула смутная догадка.

Замкнув «глаз» на круговом курсе, я покопался в чертежах «Марка-II» и... нашел то, что мне было нужно. На самом верху маяка была площадка для собирания осадков и бассейн. Вода охлаждала реактор, который питал старую уродину. Раз вода есть, значит и маяк все еще существует... внутри пирамиды. Туземцы, которых идиоты, конструировавшие маяк, разумеется, даже не заметили, за-

ключили сооружение в великолепную пирамиду из гигантских камней.

Я снова посмотрел на экран и понял, что «глаз» у меня летает по круговой орбите всего футах в двадцати над пирамидой. Вершина каменной груды теперь была усеяна какими-то ящерами, местными жителями, наверно. Они швырялись палками, стреляли из самострелов, стараясь сбить «глаз». Во всех направлениях летели тучи стрел и камней.

Я увел «глаз» прямо вверх, а затем в сторону и дал задание блоку управления вернуть разведчика на корабль.

Потом я пошел в камбуз и принял добрую дозу спиртного. Мало того, что мой маяк заключен в каменную гору, я еще умудрился разозлить существ, построивших пирамиду. Хорошенько начало для работы — такое заставило бы и более сильного человека, чем я, приложитьсь к бутылке.

Наш брат, ремонтник, старается обычно держаться по-дальше от местных жителей. Общаться с ними смертельно опасно. Антропологи, возможно, ничего не имеют против принесения себя в жертву своей науке, но ремонтнику жертвовать собой вроде бы ни к чему. Поэтому большинство маяков строится на необитаемых планетах. Если маяк приходится строить на обитаемой планете, его обычно воздвигают где-нибудь в недоступном месте.

Почему этот маяк построили в пределах досягаемости местных жителей, я еще не знал, но со временем собирался узнать. Первым делом надо было установить контакт. А для того, чтобы установить контакт, необходимо знать местный язык.

И на этот случай я уже давно разработал безотказную систему. У меня было устройство для подглядывания и подслушивания, я его сам сконструировал. По виду оно походило на камень длиной с фут. Когда устройство лежало на земле, никто на него не обращал внимания, но

когда оно еще парило в воздухе, вид его приводил случайных свидетелей в некоторое замешательство. Я нашел город ящеров примерно в тысяче километров от пирамиды и ночью сбросил туда своего «соглядатая». Он со свистом понесся вниз и опустился на берегу большой лужи, в которой лобили плескаться местные ящеры. Днем здесь их собиралось довольно много. Утром, с прибытием первых ящеров я включил магнитофон.

Примерно через пять местных дней у меня в блоке памяти машины-переводчика было записано невероятно много всяких разговоров, и я уже выделил некоторые выражения. Это довольно легко сделать, если вы работаете с машинной памятью. Один из ящеров что-то пробулькал вслед другому, и тот обернулся. Я ассоциировал эту фразу с чем-то вроде человеческого «Эй!» и ждал случая проверить правильность своей догадки. В тот же день, улучив момент, когда какой-то ящер остался в одиночестве, я крикнул ему: «Эй!» Воаглас был пробулькан репродуктором на местном языке, и ящер обернулся.

Когда в памяти накопилось достаточное число таких опорных выражений, к делу приступил мозг машины-переводчика, начавший заполнять пробелы. Как только машина стала переводить мне все услышанные разговоры, я решил, что пришло время вступить с ящерами в контакт.

Собеседника я нашел весьма легко. Он был чем-то вроде центаврийского пастушка, так как на его попечении находились какие-то особенно грязные низшие животные, обитавшие в болотах за городом. Один из моих «соглядатаев» вырыл в крутом склоне пещеру и стал ждать ящера.

На следующий день я шепнул в микрофон проходившему мимо пастушку:

— Приветствуя тебя, мой внучек! С тобой говорит из рая дух твоего дедушки.

Это не противоречило тому, что я узнал о местной религии.

Пастушок остановился как вкопанный. Прежде чем он пришел в себя, я нажал кнопку, и из пещеры к его ногам выкатилась горсть раковин, которые служили там деньгами.

— Вот тебе деньги из рая, потому что ты был хорошим мальчиком.

«Райские» деньги я предыдущей ночью изъял из местного казначейства.

— Приходи завтра, и мы с тобой потолкуем,— крикнул я вслед убегающему ящерку. Я с удовольствием отменил, что захватить «монеты» с собой он не забыл.

Потом дедушка из рая не раз вел сердечные разговоры с впучком, на которого божественные дары подействовали неотразимо. Дедушка интересовался событиями, которые произошли после его смерти, и пастушок охотно просвещал его.

Я получил все необходимые мне исторические сведения и выяснил нынешнюю обстановку, которую никак нельзя было счесть благоприятной.

Мало того, что маяк заключили в пирамиду, вокруг этой пирамиды шла небольшая религиозная война.

Все началось с перешейка. Очевидно, когда строился маяк, ящеры жили в далеких болотах, и строители не придавали им никакого значения. Уровень развития ящеров был низок, и водились они на другом континенте. Мысль о том, что туземцы могут сделать успехи и достичь этого континента, не приходила в голову инженерам, строившим маяк. Но именно это и случилось.

В результате небольшого геологического сдвига на нужном месте образовался болотистый перешеек, и ящеры стали забредать в долину, где находился маяк. И обрели там религию. Блестящую металлическую башню, из

которой непрерывно изливался поток волшебной воды (она, охлаждая реактор, лилась вниз с крыши, где конденсировалась из атмосферы). Радиоактивность воды дурного воздействия на туземцев не оказывала. Мутации, которые она вызывала, оказались благоприятными.

Вокруг башни был построен город, и за много веков маяк постепенно заключили в пирамиду. Башню обслуживали специальные жрецы. Все шло хорошо, пока один из жрецов не проник в башню и не погубил источник святой воды. С тех пор начались мятежи, схватки, побоища, смута. Но святая вода так больше и не текла. Теперь вооруженные толпы сражались вокруг башни каждый день, а священный источник стерегла новая шайка жрецов.

А мне надо было забраться в эту самую кашу и починить маяк.

Это было бы легко сделать, если б нам разрешали хоть чуть-чуть порезвиться. Я мог бы стереть этих ящериц в порошок, наладить маяк и удалиться. Но «местные живые существа» находились под надежной защитой. В мой корабль вмонтированы электронные шпионы — я отыскал еще не все, — и они донесли бы на меня по возвращении.

Оставалось прибегнуть к дипломатии. Я вздохнул и достал снаряжение для изготовления пластиковой плоти.

Сверяясь с объемными снимками, сделанными с пастушка, я придал своему лицу черты рептилии. Челюсть была немного коротковата — рот мой мало похож на зубастую пасть. Но и так сойдет. Мне не было нужды в точности походить на ящера — требовалось небольшое сходство, чтобы не слишком пугать туземцев. В этом есть логика. Если бы я был невежественным аборигеном Земли и встретился с жителем планеты Спик, который похож на двухфутовый комок высущенного шеллака, то я бы задал стрекача. Но если бы на спиканце был костюм из пластиковой плоти, в котором он хотя бы отдаленно походил на

человека, то я бы по крайней мере остановился и поговорил с ним. Так что мне просто хотелось смягчить впечатление от своего появления перед центаврийцами.

Сделав маску, я снянул ее с головы и прикрепил к красивому хвостатому костюму из зеленого пластика. Я искренне порадовался хвосту. Ящеры не носят одежды, а мне надо было взять с собой много электронных приборов. Я натянул пластик хвоста на металлический каркас, пристегнув его к поясу. Потом я заполнил каркас снаряжением, которое могло мне понадобиться, и зашнуровал костюм.

Облачившись, я встал перед большим зеркалом. Зрелище было страшноватое, но я остался доволен. Хвост тянул мое туловище назад и книзу, отчего походка у меня стала утиной, впереди впереди, но это только усиливало сходство с ящером.

Ночью я посадил корабль в горах поблизости от пирамиды на совершенно сухую площадку, куда земноводные никогда не забирались. Перед самым рассветом «глаз» прицепился к моим плечам, и мы взлетели. Мы парили над башней на высоте 2000 метров, пока не стало светло, а потом опустились.

Наверное, это было великолепное зрелище. «Глаз», который я замаскировал под крылатого ящера, этакого карточного птеродактиля, медленно взмахивал крыльями, что, впрочем, не имело никакого отношения к тем принципам, на которых зиждилась его способность летать. Но этого было достаточно, чтобы поразить воображение туземцев. Первый же ящер, который заметил меня, вскрикнул и опрокинулся на спину. Подбежали другие. Сгрудившись, они толкались, влезали друг на друга, и к моменту моего приземления на площади перед храмом появились жрецы.

Я с царственной важностью сложил руки на груди.

— Приветствую вас, о благородные служители вели-

кого бога,— сказал я. Разумеется, я не сказал этого вслух, а лишь прошептал в ларингофон. Радиоволны донесли мои слова до машины-переводчика, которая в свою очередь вещала на местном языке через динамик, спрятанный у меня в челюсти.

Туземцы загадели, и тотчас над площадью разнесся перевод моих слов. Я усилил звук так, что стала резонировать вся площадь.

Некоторые из наиболее доверчивых туземцев простерлись на земле, другие с криками бросились прочь. Один подозрительный тип поднял копье, но после того, как «глаз»-теродактиль схватил его и бросил в болото, никто уже не пытался делать ничего подобного. Жрецы были народ прожененный — не обращая внимания на остальных ящеров, они не трогались с места и что-то бормотали. Мне пришлось возобновить атаку.

— Исчезни, верный конь,— сказал я «глазу» и одновременно нажал кнопку на крохотном пульте, спрятанном у меня в ладони.

«Глаз» рванулся кверху немного быстрее, чем я хотел; кусочки пластика, оборванного сопротивлением воздуха, посыпались вниз. Пока толпа упоенно наблюдала за этим вознесением, я направился к входу в храм.

— Я хочу поговорить с вами, о благородные жрецы,— сказал я.

Прежде чем они сообразили, что ответить мне, я уже был в храме, небольшом здании, примыкавшем к подножию пирамиды. Возможно, я нарушил не слишком много «табу» — меня не остановили, значит, все шло вроде бы хорошо. В глубине храма виднелся грязноватый бассейн. В нем плескалось престарелое пресмыкающееся, которое явно принадлежало к местному руководству. Я заковылял к нему, а оно бросило на меня холодный рыбий взгляд и что-то пробулькало.

Машина-переводчик прошептала мне на ухо:

— Во имя тринадцатого греха, скажи, кто ты и что тебе здесь надобно?

Я изогнулся свое чешуйчатое тело самым благородным образом и показал рукой на потолок.

— Ваши предки послали меня помочь вам. Я явился, чтобы возродить Священный источник.

Позади меня послышалось гуденье голосов, но предводитель не говорил ни слова. Он медленно погружался в воду, пока на поверхности не остались одни глаза. Мне казалось, что я слышу, как шевелятся мозги за его замшелым лбом. Потом он вскочил и ткнул в меня конечностью, с которой капала вода:

— Ты лжец! Ты не наш предок! Мы...

— Стоп! — загремел я, не давая ему зайти так далеко, откуда бы он уже не смог пойти на попятный. — Я сказал, что ваши предки меня послали... я не принадлежу к числу ваших предков. Не пытайся причинить мне вред, иначе гнев тех, кто ушел в иной мир, обратится на тебя.

Сказав это, я сделал угрожающий жест в сторону других жрецов и бросил на пол между ними и собой крохотную гранатку. В полу образовалась порядочная воронка, грохота и дыма получилось много.

Главный ящер решил, что доводы мои убедительны, и немедленно созвал совещание шаманов. Оно, разумеется, состоялось в общественном бассейне, и мне пришлось тоже залезть в него. Мы разевали пасти и булькали примерно с час — за это время и были решены все важные пункты повестки дня.

Я узнал, что эти жрецы появились здесь не очень давно; всех предыдущих сварили в кипятке за то, что они дали иссякнуть Священному источнику. Я объяснил, что прибыл лишь с одной целью — помочь им возродить поток. Жрецы решили рискнуть, и все мы выбрались из бассей-

на. Грязь струйками стекала с нас на пол. В саму пирамиду вела запертая и охранявшаяся дверь. Когда ее открыли, главный ящер обернулся ко мне.

— Ты, несомненно, знаешь закон, — сказал он. — Поскольку прежние жрецы были излишне любопытны, теперь введено правило, которое гласит, что только слепые могут входить в святая святых.

Я готов побиться об заклад, что он улыбался, если только тридцать зубов, торчащих из чего-то вроде щели в старом чемодане, можно назвать улыбкой.

Он тут же дал знак подручному, который принес жаровню с древесным углем и раскаленными докрасна железками. Я с разинутым ртом стоял и смотрел, как он помешал угли, вытянул из них самую красную железку и направился ко мне. Он уже нацелился на мой правый глаз, когда я снова обрел дар речи.

— Порядок этот, разумеется, правильный, — сказал я. — Ослеплять необходимо. Но в данном случае вам придется ослепить меня перед уходом из святая святых, а не теперь. Мне нужны глаза, чтобы увидеть, что случилось со Священным источником. Когда вода потечет снова, я буду смеяться, сам подставляя глаза раскаленному железу.

Ему понадобилось полминуты, чтобы обдумать все и согласиться со мной. Палач хрюкнул и подбросил угля в жаровню. Дверь с треском распахнулась, я проковылял внутрь; потом она захлопнулась за мной, и я очутился один в темноте.

Но недолго... поблизости послышалось шарканье. Я зажег фонарь. Ко мне ощущьюшли три жреца, на месте их глазных яблок виднелась красная обожженная плоть. Они знали, чего я хотел, и повели меня, не говоря ни слова.

Потрескавшаяся и крошащаяся каменная лестница привела нас к прочной металлической двери с табличкой, на которой архаическим шрифтом было написано:

«МАЯК «МАРК-III» — ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Доверчивые строители возлагали свои надежды только на табличку — на двери не было и следа замка. Один из ящеров просто повернул ручку, и мы оказались внутри маяка.

Я потянул за молнию на груди своего маскировочного костюма и достал чертежи. Вместе с верными жрецами, которые, спотыкаясь, шли за мной, я отыскал компату, где был пульт управления, и включил свет. Аварийные батареи почти разрядились, электричества хватило лишь на то, чтобы дать тусклый свет. Шкалы и индикаторы, кажется, были в порядке, они сияли — уж что-то, а непрерывная чистка была им обеспечена.

Я прочел показания приборов, и догадки мои подтвердились. Один из ревностных ящеров каким-то образом открыл бокс с переключателями и почистил их. Он случайно нажал один из них, и это вызвало аварию.

Вернее, с этого все началось. Покончить с бедой нельзя было простым щелчком переключателя, отчего водяной клапан снова заработал бы. Этим клапаном предполагалось пользоваться только в случае ремонта, после того как в реактор впущена вода. Если вода отключалась от действующего реактора, она начинала переливаться через край, и автоматическая предохранительная система направляла ее в колодец.

Я мог легкопустить воду снова, но в реакторе не было горючего.

Мне не хотелось возиться с топливом. Гораздо легче было бы установить новый источник энергии. На борту корабля у меня было устройство, по размерам раз в десять меньше старинного ведра с болтами, установленного на «Марке-III», и по крайней мере раза в четыре мощнее. Но прежде я осмотрел весь маяк. За две тысячи лет что-нибудь да должно было износиться.

Старики, предки наши, надо отдать им должное, строили хорошо. Девяносто процентов механизмов не имело движущихся частей, и износу им не было никакого. Например, труба, по которой подавалась вода с крыши. Стеники у нее были трехметровой толщины... это у трубы-то, в которую едва бы прошла моя голова. Кое-какая работенка мне все-таки нашлась, и я составил список нужных деталей.

Детали, новый источник энергии и разная мелочь были аккуратно сложены на корабле. Глядя на экран, я тщательно проверил все части, прежде чем они были уложены в металлическую клеть. Перед рассветом, в самый темный час ночи, мощный «глаз» опустил клеть рядом с храмом и умчался незамеченный.

С помощью «соглядатая» я наблюдал, как жрецы пытались ее открыть. Когда они убедились, что их попытки тщетны, через динамик, спрятанный в клети, я прогрессировал им приказ. Почти целый день они пыхтели, втаскивая тяжелый ящик по узким лестницам башни, а я в это время хорошо спал. Когда я проснулся, ящик уже вдвинули в дверь маяка.

Ремонт отнял у меня немного времени. Ослепленные жрецы жалобно стонали, когда я вскрывал переборки, чтобы добраться до реактора. Я даже установил в трубе специальное устройство, чтобы вода приобрела освежающую рептилий радиоактивность, которой обладал прежний Священный источник. На этом закончилась работа, которой от меня ждали.

Я щелкнул переключателем, и вода снова потекла.

Несколько минут вода бурлила по сухим трубам, а потом за стенами пирамиды раздался рев, потрясший ее каменное тело. Воздев руки, я отправился на церемонию выжигания глаз.

Ослепленные ящеры ждали меня у двери, и вид у них

был более несчастный, чем обычно. Причину этого я понял, когда попробовал открыть дверь — она была заперта и завалена с другой стороны.

— Решено, — сказал ящер, — что ты останешься здесь навеки и будешь смотреть за Священным источником. Мы останемся с тобой и будем прислуживать тебе.

Очаровательная перспектива — вечное заточение в маяке с тремя слепыми ящерами. Несмотря на их гостеприимство, я не мог принять этой чести.

— Как! Вы осмеливаетесь задерживать посланца ваших предков!

Я включил динамик на полную громкость, и от вибрации у меня чуть не лопнула голова.

Ящеры съежились от страха, а я тонким лучом лазера обвел дверь по косякам. Раздался треск и грохот разваливавшейся баррикады, и дверь освободилась. Я толчком открыл ее. Не успели слепые жрецы опомниться, как я вытолкал их наружу.

Их коллеги стояли у подножия лестницы и возбужденно галдели, пока я намертво заваривал дверь. Пробежав сквозь толпу, я остановился перед главным жрецом, по-прежнему лежавшим в своем бассейне. Он медленно ушел под воду.

— Какая невежливость! — кричал я. Ящер пускал под водой пузыри. — Предки рассердились и навсегда запретили входить во внутреннюю башню. Впрочем, они настолько добры, что источник вам оставили. Теперь я должен вернуться... Побыстрей совершайте церемонию!..

Пыточных дел мастер был так испуган, что не двинулся с места. Я выхватил у него раскаленную железку. От прикосновения к щеке под пластиковой кожей на глаза мне опустилась стальная пластина. Потом я крепко прижал раскаленную железку к фальшивым глазным яблокам, и пластик запах горелым мясом.

Толпа зарыдала, когда я бросил железку и, спотыкаясь, сделал несколько кругов. Признаться, имитация слепоты получилась у меня довольно неплохо.

Боясь, как бы ящерам не пришла в голову какая-нибудь новая светлая идея, я нажал кнопку, и появился мой пластиковый птеродактиль. Разумеется, я не мог его видеть, но почувствовал, что он здесь, когда защелки на его когтях сцепились со стальными пластинками, прикрывавшими мои плечи.

После выжигания глаз я повернулся не в ту сторону, и мой крылатый зверь подцепил меня задом наперед. Я хотел улететь с достоинством, слепые глаза должны были смотреть на заходящее солнце, а вместо этого я оказался повернутым к толпе. Но я сделал все, что мог — отдал ящерам честь. В следующее мгновение я уже был далеко.

Когда я поднял стальную пластинку и проковырял дырки в жженом пластике, пирамида уже стремительно уменьшалась в размерах, у основания ее кипел ключ, а счастливая толпа пресмыкающихся барахталась в радиоактивном потоке. Я стал припоминать, все ли сделано.

Во-первых, маяк отремонтирован.

Во-вторых, дверь запечатана, так что никакого вредительства, нечаянного или намеренного, больше не будет.

В-третьих, жрецы должны быть удовлетворены. Вода снова бежит, мои глаза в соответствии с правилами выжжены, у жреческого сословия снова есть дело.

И в-четвертых, в будущем ящеры, наверно, допустят на тех же условиях нового ремонтника, если маяк снова выйдет из строя. По крайней мере я не сделал им ничего плохого — если бы я кого-нибудь убил, это настроило бы их против будущих посланцев от предков.

На корабле, стягивая с себя чешуйчатый костюм, я радовался, что в следующий раз сюда придется лететь уже какому-нибудь другому ремонтнику.

УЦЕЛЕВШАЯ ПЛАНЕТА

— Но ведь война кончилась, когда я еще и на свет-то не родился! И кого теперь может интересовать одна-единственная торпеда, пущенная так давно?!

Долл младший был чересчур настойчив; ему очень по-вело, что командир корабля Лайан Стейн, человек спокойный и многоопытный, обладал неисчерпаемым запасом терпения.

— Прошло уже пятьдесят лет с тех пор, как мы одержали верх над Большой Рабократией, но это совсем не значит, что она уничтожена,— сказал командир. Он взглянул в иллюминатор, как бы увидев среди звезд призрачные очертания империи, которую они так долго пытались уничтожить.— Больше тысячи лет Рабократии никто не мешал захватывать все новые миры. Но и военное поражение ее не доконало, только разобщенные планеты стали для нас доступнее. Мы теперь стараемся преобразовать их экономику, вывести из состояния рабства, но еще не пройдено и полути.

— Это я давно все знаю,— устало вздохнул Долл младший.— Я работаю на межпланетных трассах с того времени, как пришел в космический флот. Но при чем тут Мозаичная торпеда, за которой мы охотимся? Во время войны такие производили и пускали миллионами. Почему же через столько лет вдруг занялись одной этой?

— Читал бы технические отчеты, тогда не задавал бы таких вопросов, — посоветовал командир Стейн, ткнув пальцем в толстую папку на штурманском столе.

На более строгий выговор командир был попросту не способен. У Долла младшего хватило благоразумия слегка покраснеть, и он принял слушать командира с подчеркнутым вниманием.

— Мозаичная торпеда — орудие межпланетной войны; собственно, это космический корабль, управляемый роботом. Получив задание, он отыскивает цель, если нужно — защищается, а потом, попав в корабль, погибает — там начинается неуправляемая атомная реакция.

— Понятия не имел, что ими управляли роботы, — сказал Долл. — Я всегда думал, что роботы не способны убивать людей, это заложено в их схеме.

— Точнее, запрограммировано, — поправил Стейн. — Мозг робота — всего лишь сложное устройство без моральных устоев. Их придают после. Мы уже давно не делаем роботов внешне похожими на человека, с мозгом, подобным человеческому. Наш век — век специализации, а специализировать робота гораздо легче, чем человека. «Мозг» Мозаичной торпеды не имеет моральных устоев, — если хотите, она психопатична, одержима жаждой убийства. Хотя, конечно, в нее встроен контрольный аппарат, она может убить не более заданного количества людей. Все торпеды, которыми пользовались противники в этой войне, были снабжены детекторами массы, которые их разряжали, если торпеда приближалась к объекту с массой типа планеты, ибо реакция, вызванная торпедой, могла уничтожить не только корабль, но с таким же успехом и целую планету. Теперь тебе, верно, понятно, почему мы так заинтересовались, когда в последние месяцы войны напали на торпеду с зарядом, рассчитанным именно на уничтожение целой планеты. Из ее мозга извлекли все данные и недавно их расшифровали. Торпеда была нацелена на четвертую планету звезды, к которой мы с тобой сейчас приближаемся.

— А есть об этой планете какие-нибудь сведения? — спросил Долл.

— Никаких. Это неисследованная система, по крайней мере в наших записях о ней ничего нет. Но Большая Рабократия, видно, знала о ней достаточно, если задумала ее уничтожить. Для этого-то мы туда и летим — выяснить, почему.

Долл младший наморщил лоб и задумался.

— Только для этого и летим? — спросил он, помолчав. — Ведь мы не позволили им уничтожить планету, чего же нам еще надо?

— Сразу видно, что ты в нижних чинах на корабле, — рявкнул артиллерист Арнилд, входя в рубку. Арнилд ухитрился состариться артиллеристом, а ведь на этой службе мало кто доживает до старости — и с годами стал нетерпим ко всему, кроме своих вычислительных машин и пушек. — Могу я высказать кое-какие предположения, которые даже мне пришли в голову? Во-первых, любой враг Рабократии может стать нашим другом; а может и наоборот — на этой планете засел враг, опасный для всего человечества, и тогда, пожалуй, нам самим придется запустить Мозаичную торпеду, чтобы закончить дело, которое начали рабократы. Или, может, у них тут что-нибудь осталось, какой-нибудь научный центр, и они предпочли бы его уничтожить, лишь бы мы до него не добрались. В любом случае на эту планету стоит поглядеть поближе, верно?

— Через двадцать часов мы войдем в атмосферу, — сказал Долл, скрываясь в нижнем люке. — Мне надо проверить смазку подшипников передачи.

— Ты чересчур снисходителен к мальчишке, — заметил Арнилд, хмуро глядя на приближающуюся планету, слепящий блеск которой уже смягчили выдвинувшиеся фильтры.

— А ты слишком суров с ним,— возразил Стейн.— Так что мы уравновешиваем друг друга. Не забывай, ему не пришлось воевать с рабократами.

Скользя по самому краю атмосферы Четвертой звезды, корабль-разведчик мчался некоторое время по спиральной орбите, потом метнулся назад в безопасную зону космоса, а между тем мозг корабля — робот — обрабатывал и снимал копии с показаний детектора и фотографий. Копии сложили в торпеду-курьер, и, только когда ее отправили назад, на базу, командир Стейн удосужился самолично взглянуть на результаты наблюдений.

— Ну, дело сделано, теперь и без нас обойдется,— сказал он с облегчением.— Так что, пожалуй, спустимся вниз и поглядим, чем там пахнет.

Арнилд буркнул, что согласен, при этом его указательные пальцы как будто нажимали на гашетку невидимого оружия. Оба они склонились над разложенными на столе записями и фотографиями. Долл, вытянув шею, тоже глядел на стол из-за их спины и подбирал снимки, которые они уже посмотрели и отбросили. Он заговорил первым.

— Ничего особенного тут нет. Много воды, а посередине один континент, просто большой остров.

— Ничего, кроме него, пока не видно,— заметил Стейн, откладывая записи в сторону.— Ни радиации, ни крупных скоплений металла на поверхности или под нею, ни энергетических запасов. Незачем было сюда лететь.

— Но раз уж мы прилетели, давайте спустимся и сами поглядим, что к чему,— угрюмо проворчал Арнилд.— Вот подходящее место для посадки.— Он ткнул пальцем в фотографию и сунул ее в увеличитель.— Пожалуй, это обыкновенная деревня, ходят люди, из хижин вьется дым.

— А вот это похоже на овец в поле,— взволнованно прервал его Долл.— А это лодки на берегу. Мы тут наверное что-нибудь да найдем.

— Конечно, найдем,— подтвердил командир Стейн.— Пристегнитесь, мы идем на посадку.

Легко и бесшумно корабль описал плавную дугу и опустился на холме над поселком, на опушке рощи. Моторы постепенно затихли, и все смолкло.

Долл глянул на циферблаты анализатора.

— Атмосфера пригодна для дыхания,— объявил он.

— Оставайся у орудий, Арнилд,— распорядился командир.— Держи нас под прикрытием, но не стреляй, пока я не прикажу.

— Или пока тебя не убьют,— с полнейшим равнодушием возразил Арнилд.

— Или пока меня не убьют,— так же равнодушно подтвердил командир.— В этом случае ты примешь командование.

Они с Доллом приладили походное снаряжение, вышли наружу через люк и задраили его за собой. Их сразу же овеяло теплым, мягким воздухом, напоенным свежестью трав и листвы.

— Ох, и здорово же пахнет! — воскликнул Долл.— Это вам не кислород из баллонов.

— Удивительная способность изрекать всем известные истинны.— Голос Арнилда в наушниках казался еще более скрипучим, нежели всегда.— Видно вам, что происходит в деревне?

Долл полез за биноклем. Командир Стейн не отрывался от своего бинокля с той минуты, как они вышли из корабля.

— Никакого движения,— сказал он Арнилду.— Пошли на разведку Глаз.

Глаз со свистом обогнал их и медленно заскользил над деревней у подножья холма. Они провожали его взглядом. Внизу стояла сотня жалких лачуг, крытых соломой, и Глаз внимательно оглядывал каждую.

— Ни души,— сообщил Арнилд, всматриваясь в экран монитора.— И животные тоже исчезли — те, которых мы видели с воздуха.

— Но люди-то не могли исчезнуть,— заметил Долл.— Кругом пустые поля, нигде никакого укрытия. И от костров еще дымок идет.

— Дымок-то есть, а людей нет,— сварливо отозвался Арнилд.— Сходи туда и погляди сам.

Глаз взмыл вверх и поплыл в сторону корабля. Потом качнулся над деревьями и вдруг застыл в воздухе.

— Стоп! — рявкнул Арнилд, чуть не оглушив их.— Дома пусты, но на дереве, у которого вы стоите, кто-то есть. Метрах в десяти над вами.

Оба еле сдержались, чтобы не задрать голову. И чуть отступили, опасаясь, как бы на них чего-нибудь не сбросили.

— Так, хорошо,— сказал Арнилд.— Я передвину Глаз в такое место, где ему лучше будет видно.

Они услышали слабое жужжанье мотора: Глаз переместился.

— Это девушка. В меховой одежде. Оружия не видно, к поясу подвешен какой-то мешок. Она уцепилась за сук, глаза закрыты. Похоже, боится упасть.

Теперь Стейн и Долл с трудом разглядели сжавшуюся в комок фигурку, прильнувшую к прямому стволу.

— Не подпускай к ней Глаз,— сказал командир.— Включи громкоговоритель. Подключи меня к цепи.

— Готово.

— Мы друзья... Слезай.. Мы не сделаем тебе ничего плохого...— гулко раздалось из парящего над ними громкоговорителя.

— Она слышит, но, видно, не понимает эсперанто,— сказал Арнилд.— Когда ты заговорил, она только еще крепче уцепилась за сук.

Еще во время войны командир Стейн неплохо овладел языком рабократов, и теперь он торопливо вспоминал нужные слова. Перевел все, что уже сказал, и повторил на языке их поверженных врагов.

— Вот это дошло, командир, — сообщил Арнилд. — Она так подскочила, что чуть не свалилась. А потом вскарабкалась еще выше и еще крепче уцепилась за сук.

— Позвольте, я сниму ее оттуда, сэр, — попросил Долл. — Возьму веревку и влезу на дерево. Другого выхода нет. Знаете, как снимают с дерева кошек.

Стейн поразмыслил.

— Пожалуй, другого действительно ничего не придумаешь, — сказал он наконец. — Принеси с корабля метров двести легкого троса и когти. Да не задерживайся, скоро совсем стемнеет.

Когти впились в ствол дерева, и Долл осторожно добрался до нижних ветвей. Девушка у него над головой зашевелилась, перед ним в листве мелькнуло белое пятно ее лица — она глядела вниз, на него. Он полез выше, но тут его остановил голос Арнилда:

— Стоп! Она лезет еще выше. Как раз над тобой.

— Что делать, командир? — спросил Долл, усаживаясь поудобнее в развилке большого сугуба. Карабкаться было даже весело, он вошел во вкус, кожу слегка щекотали струйки пота. Долл рывком распахнул ворот и вздохнул полной грудью.

— Полезай дальше. Выше макушки ей ведь не забраться.

Теперь лезть было легче, ветви стали меньше и росли теснее. Долл не спешил, чтобы не слишком пугать девушку, а не то она еще может сорваться. Земли уже не было видно, она осталась где-то далеко внизу. Они были тут одни, отделенные от всего остального мира колыханием листвы и ветвей; о наблюдателях с корабля напоминала

только серебряная трубка повисшего над ними Глаза. Долл приостановился и очень старательно, не спеша завязал на конце троса надежную петлю. Впервые за все время их полета он чувствовал себя полноправным членом экипажа. Те двое, старые космические волки, товарищи неплохие, но уж очень они подавляют его своим многолетним опытом. А тут, наконец, подвернулось такое дело, где он может заткнуть их за пояс! И, завязывая петлю, Долл даже тихонько настынивал от удовольствия.

Девушка вполне могла вскарабкаться еще выше, ветви выдержали бы ее вес. Но она почему-то двинулась не вверх, а в сторону, по суку. Соседний сук оказался отличной опорой, и Долл медленно пополз вслед за ней.

— Не бойся,— весело сказал он ей и улыбнулся.— Я хочу только спустить тебя вниз и отвести к твоим друзьям. Ну-ка, хватайся за трос!

Девушка задрожала и попятилась от него. Молоденькая, недурна собой, вся одежда — короткая меховая юбка. Волосы длинные, но расчесаны аккуратно и забраны на затылке ремешком. Самая обыкновенная девушка, только уж очень перепуганная. Долл подполз поближе и увидел, что она ничего не соображает от страха. Ноги и руки так и трясутся. Губы побелели, нижняя прокущена и по подбородку сбегает струйка крови. Долл никогда не думал, что человеческие глаза могут так расширяться от ужаса и наполниться таким безмерным отчаянием.

— Да ты не бойся,— повторил он, останавливаясь чуть поодаль. Ветка была тонкая и упругая. Если он попытается схватить ее, как бы им обоим не свалиться. Нет уж, не станет он сейчас портить все дело. Долл медленно размотал конец троса, обвязал себя вокруг пояса и перекинул конец через соседний сук, закрепив его там. Краешком глаза он заметил, что девушка шевельнулась и стала дико озираться вокруг.

— Я друг,— сказал Долл, стараясь ее успокоить. Потом перевел эти слова на язык рабократов — ведь она его, кажется, понимала.— Ноир вен!

Девушка ахнула, ноги ее судорожно дернулись. У нее вырвался ужасный вопль, точно это кричал не человек, а смертельно раненный зверь. Долл, растерявшийся, рванулся к ней, чтобы удержать, но поздно.

Нет, она не упала. Она изо всех сил кинулась с ветки вниз, на верную смерть, лишь бы он ее не коснулся. На краткий миг она словно застыла в прыжке, вся изломанная судорогой и обезумевшая от страха, потом, с треском обламывая сучья, полетела вниз. За ней полетел и Долл, бессмысленно хватая руками воздух.

Его удержал трос, который он раньше благоразумно закрепил на сухе. Ошеломленный, почти не сознавая, что делает, он отполз назад к стволу и ослабил трос. Потом он начал спускаться с дерева, руки у него дрожали. Спускался он очень долго, и, когда наконец встал на ноги, изуродованное тело в траве было уже покрыто одеялом. Незачем было спрашивать, мертвa ли она,— это и так было ясно.

— Я старался ее удержать. Я сделал все, что мог.

Голос Долла срывался.

— Да, конечно,— успокоил его командир Стейн, раскладывая на траве содержимое мешка, который был привязан у девушки к поясу.— Мы все видели с помощью Глаза. Когда она решила прыгнуть, помешать ей было уже невозможно.

— Не к чему было говорить с ней на языке рабократов,— сказал Арнилд, выходя из корабля. Он хотел еще что-то прибавить, но поймал суровый взгляд команда и прикусил язык. Долл тоже заметил этот взгляд.

— Я забыл,— заговорил он, переводя глаза с одного бесстрастного лица на другое.— Помнил только, что она

понимает по-рабократски. Не сообразил, что она испугается. Наверно, это была ошибка, но ведь ошибиться может кто угодно! Я не хотел ее убивать...

Зубы его стучали, он с усилием стиснул челюсти и отвернулся.

— Пойди-ка приготовь что-нибудь поесть, — сказал ему Стейн. И как только за Доллом захлопнулась дверца люка, повернулся к Арнилду. — Закопаем ее тут, под деревом. Я тебе помогу.

Перекусили на скорую руку, есть никому не хотелось. Потом Стейн сидел в штурманском кресле и задумчиво катал пальцем по столу какой-то твердый зеленый плод.

— Вот зачем она забралась на дерево... Потому и не успела удрать, как все остальные. Собирала эти плоды. Больше ничего у нее в мешке не было. Это чистая случайность, что мы остановились под этим деревом и застали ее врасплох.

Командир мельком глянул на Долла и поспешил отвернулся.

— Уже совсем темно. Может, подождем до утра? — спросил Арнилд. Перед ним на столе лежал разобранный пистолет, Арнилд чистил и смазывал его.

Командир кивнул.

— Можно и подождать. Совсем не к чему блуждать в потемках. Оставь над деревней Глаз, включи ультракрасный прожектор и фильтр и веди запись. Может, удастся выяснить, куда они все подевались.

— Я останусь наблюдать за Глазом, — неожиданно вмешался Долл. — Я... Мне совсем не хочется спать. Может, что-нибудь и узнаю.

Командир чуть помедлил, потом кивнул.

— Если что увидишь, разбуди меня. Если нет — подними нас обоих на рассвете.

Ночь прошла спокойно, в молчаливой деревушке ничто

не шелохнулось. С первым проблеском зари командир с Доллом спустился вниз с холма, а над ними, чуть впереди, неусыпно парил Глаз. Арнилд остался в наглухо закрытом корабле, он управлял Глазом.

— Сюда, сэр! — сказал Долл. — Я тут кое-что обнаружил ночью, когда посыпал Глаз в разведку.

Дождь и ветер смягчили и округлили края лощины, по склонам росли исполнинские деревья. В самом низу ее из небольшого пруда торчали ржавые части каких-то машин.

— По-моему, это экскаваторы, — заметил Долл. — Хотя трудно сказать наверняка, они тут, видно, давным-давно.

Глаз спустился к самой воде, подошел вплотную к ржавому оству. Потом нырнул и через минуту появился снова, с него ручьями стекала вода.

— Да, настоящие экскаваторы, — подтвердил Арнилд. — Некоторые перевернуты и наполовину зарылись в ил, точно в какую-то яму провалились. И все они сделаны в Рабократии.

Командир Стейн настороженно поднял голову.

— Ты уверен? — спросил он.

— Я видел фабричную марку.

— Попали дальше, в деревню, — сказал командир, задумчиво покусывая губы.

Куда девались обитатели деревни, выяснил Долл младший. Секрет был очень прост, они открыли его, едва вошли в первую же хижину. Внутри оказался плотно утрамбованный земляной пол, очагом служил выложенный из камней круг. И утварь — самая простая и грубая. Тяжелые горшки из необожженной глины, недубленые шкуры, какие-то подобия ложек и мисок, выструганные из дерева твердой породы. Долл тыкал палкой в кучу циновок за очагом и наткнулся на отверстие в полу.

— Нашел, сэр! — воскликнул он.

Отверстие было диаметром около метра и полого уходило вниз. Пол там был утрамбован так же плотно, как в хижине.

— Тут они и прячутся,— сказал командир Стейн.— Посвети-ка фонариком и погляди, глубоко ли.

Однако узнать это было не так-то просто. Под полом оказался туннель с гладкими стенами, метрах в пяти от входа он круто сворачивал в сторону. Глаз снланировал вниз и, жужжа, повис над отверстием.

— Я заглянул еще в несколько хижин,— послышался из корабля голос Арнилда.— Глаз нашел такой ход в каждой из них. Может, мне посмотреть, что там внутри?

— Да, только поосторожней, не спеши,— сказал командир.— Если там и правда прячутся люди, не надо пугать их еще больше. Пошли его и, если что-нибудь обнаружишь, тотчас вызови обратно.

Глаз нырнул в туннель и вскоре скрылся из виду.

— Там еще туннель,— сообщил Арнилд.— А вот и еще. Не пойму, куда теперь... Не знаю, удастся ли мне вывести его тем же путем, каким он попал туда.

— Ну и шут с ним, обойдемся,— ответил командир.— Пусть идет дальше.

— Вокруг сплошной камень... Сигнал становится все слабее, и мне все труднее за ним следить... Что-то вроде большой пещеры... Стоп! Тут кто-то есть! В боковой туннель метнулся человек!

— За ним! — скомандовал Стейн.

— Это не так просто,— чуть помешкав, ответил Арнилд.— Похоже на тупик. Туннель перегорожен какой-то глыбой. Тот человек, верно, ее откатил, проскочил дальше и задвинул ее на прежнее место... Я отзову Глаз... А, черт!

— Что случилось?

— Еще камень, на этот раз позади Глаза. Они пойма-

ли его в ловушку. Экран погас, вижу сигнал «Вышел из строя».

В голосе Арийлда звучали досада и злость.

— Чисто сработано,— заметил командир Стейн.— Они его заманили, поймали в ловушку и потом, наверно, обрушили свод туннеля. Эти люди очень боятся чужих и здорово наловчились от них избавляться.

— Но почему? — с искренним изумлением спросил Долл, оглядывая убогое жилище.— Что у них есть такого, чего добивались от них рабократы? Ясно же, рабократы потратили уйму сил и времени, пока до них докапывались. А нашли они то, что искали? Почему они пытались уничтожить эту планету? Потому что нашли или, наоборот, потому что не нашли?

— В этом-то весь вопрос,— хмуро отозвался командир.— Знай мы это, нам было бы куда легче сегодня. Мы отправим подробный отчет в Штаб, может, они нам что-нибудь подскажут.

На обратном пути они заметили комья свежей земли в роще. Там, где они похоронили девушку, зияла яма. Вся земля вокруг была разрыта и раскидана. Стволы деревьев были исполосованы какими-то острыми лезвиями... или гигантскими когтями. Человек или зверь приходил сюда за девушкой, выкопал ее тело и, сжигаемый яростью, неистово набросился на землю и на деревья. Следы разрушений привели их к отверстию меж корнями одного из деревьев. Ход косо шел вглубь, его темная пасть была таинственна и загадочна, как и другие туннели.

В тот вечер, перед тем как улечься спать, командир Стейн дважды обошел корабль, проверяя, надежно ли задраены люки и все ли сигналы тревоги включены. Потом он лег, но долго не мог уснуть. Казалось, разгадка — вот она, совсем близко, а в руки не дается. Они видели уже так много, что можно бы и вывод сделать. А где он? На-

конец командир забылся тревожным сном, так и не найдя ответа.

Когда он проснулся, в кабине было еще темно, но командир почувствовал: что-то стряслось. Что его разбудило? Он попытался вспомнить, что потревожило его сон. Словно бы вздох. Воздушная струя. Может быть, открылся воздушный люк? Стараясь побороть внезапный страх, Стейн рывком включил свет и схватил висевший у изголовья пистолет. В дверях, зевая и моргая сонными глазами, появился Арнилд.

— Что происходит? — спросил он.

— Позови Долла, кажется, кто-то вошел в корабль.

— Скорее, вышел из корабля, — хмыкнул Арнилд. — Койка Долла пуста.

— Что-о?

Стейн бросился в рубку управления. Сигнал тревоги был выключен. На приборной доске белел листок бумаги. Командир схватил его. Там стояло одно только слово. Он не сразу понял его, а поняв, охнул и судорожно скомкал листок.

— Болван! — завопил он. — Щенок безмозглый! Выпусти Глаз! Нет, лучше два! Я буду управлять вторым.

— Да что случилось? — изумился Арнилд. — Что он такое натворил?

— Полез под землю. В туннели. Его надо остановить!

Долла нигде не было видно, но на земле, под деревьями, у входа в туннель они заметили свежие следы.

— Я запущу туда Глаз, — сказал командир Стейн. — А ты пусти другой в ближайший ход. Включи громкоговорители. Скажи им, что мы друзья. Говори по-рабократски.

— Но... ты же видел. Долл этим и загубил несчастную девчонку, — возразил растерянный и озадаченный Арнилд.

— Все знаю, — рявкнул командир. — А как быть иначе? Давай, действуй!

Арнилд хотел было спросить что-то еще, но не отважился — в фигуре командира, пригнувшегося к пульту управления, было столько напряженности, что Арнилд поспешно послал Глаз по направлению к деревне.

Если те, кто прятался в подземном лабиринте, и услыхали слова дружбы, они явно им не поверили. Один Глаз тут же попал в ловушку — сзади произошел обвал. Командир Стейн пытался провести его сквозь преграду, но ловушка захлопнулась прочно. Слышно было только, как рушатся все новые и новые пласти группы, заваливая Глаз до самого верха.

Глаз, посланный Арнилдом, обнаружил большую подземную пещеру, заполненную перепуганными, сбившимися в кучу овцами. Людей там не было, но на обратном пути груда камней обрушилась па Глаз и погребла его под собой.

В конце концов командир Стейн вынужден был признать себя побежденным.

— Теперь все зависит от них, мы больше ничего не можем сделать.

— В роще какое-то движение, командир, — вдруг резко сказал Арнилд. — Я поймал это по локатору, но теперь опять все стихло.

Они нерешительно направились к деревьям, держа пистолеты наготове. Над ними алело рассветное небо. Они шли, уже понимая, что они там увидят, но не решаясь в этом признаться, пока еще теплилась надежда.

Но надежды, конечно, никакой не было. Труп Долла младшего лежал у входа в туннель, откуда его только что выбросили. В алых отблесках зари еще ярче алела кровь. Он умер страшной смертью.

— Дьяволы, звери! — закричал Арнилд. — Недаром рабократы...

Тут он ожегся о взгляд командира и умолк.

— Наверно, рабократы так и рассуждали, — сказал Стейн. — Неужели ты не понимаешь, что тут произошло?

Арнилд, точно оглушенный, покачал головой.

— Долл начал догадываться. Только он думал — можно еще что-то исправить. По крайней мере он понимал, в чем опасность. И пошел туда потому, что чувствовал себя виноватым в гибели той девушки. Потому и написал в записке одно только слово «рабы» — на случай, если не вернется.

— Вообще-то все очень просто, — продолжал он, устало прислонясь к дереву. — Мы искали что-нибудь посложнее, что-нибудь по части техники. А столкнулись не с техническими, но скорее с социальными проблемами. Планета эта принадлежала рабократам, они тут все и устроили, как нужно было им.

— Как так? — спросил Арнилд, все еще ошеломленный.

— Им нужны были рабы. Рабократы завоевывали все новые миры, а главной боевой силой у них были люди. Им постоянно нужны были свежие пополнения, и приходилось создавать новые источники. Эта планета была для них очень удобна, будто на заказ сделана. Суши здесь много, лесов мало, и, когда за рабами приходят корабли, спрятаться людям некуда. Рабократы привезли сюда поселенцев, решили проблему питания, а техники никакой не дали. И ушли, предоставив им плодиться и размножаться. И через каждые несколько лет являлись сюда и забирали столько рабов, сколько им требовалось, а остальным предстояло пополнять запасы. Но в одном они просчитались.

Арнилд понемногу выходил из оцепенения.

— Человек ко всему может приспособиться,— сказал он.

— Ну, конечно. Если дать ему достаточно времени, он приспособится к самым невероятным условиям. Вот тебе и отличный пример. Народ без истории, без письменности, отрезанный от всего остального мира, жаждавший лишь одного — выжить. Каждые несколько лет с неба сваливаются какие-то дьяволы и отнимают у них детей. Они пытаются бежать, но бежать некуда. Они строят лодки, но и уплыть тоже некуда. Никакого выхода.

— А потом один умник взял да и выкопал в земле яму, забросал сверху ветками и залез туда со всем своим семейством. И оказалось, это — выход.

— С этого началось,— кивнул командир Стейн.— Другие тоже стали зарываться в землю, делать туннели все глубже и все искуснее, потому что рабократы пытаются извлечь оттуда свою добычу. И наконец, рабы берут верх. Это была, наверно, первая планета, восставшая против Большой Рабократии и не потерпевшая поражения. Рабов невозможно было выкопать из-под земли. Ядовитый газ просто убил бы их, а на что рабократам мертвецы? Посланные за ними машины оказывались в западне, как наши три Глаза. А те, кто по глупости сами спускались туда...

У командаира перехватило горло. Тело убитого перед ними было красноречивее всяких слов.

— Но откуда такая ненависть? — спросил Арнилд.— Ведь девушка предпочла разбиться насмерть, только бы Долл ее не настиг.

— Туннели заменили религию,— пояснил Стейн.— Это понятно. В те годы, что проходили от набега до набега, их надо было оберегать и сдерживать в полном порядке. Ну и ясно, детям внушали, что с неба приходят только демоны, а спасение — под землей. Как раз нечто противоположное всем старым земным верованиям. Ненависть и страх уко-

ренились так глубоко, что и стар и млад твердо знали, что делать, если в небе появлялся корабль. Наверно, входы были повсюду, и, едва завидев корабль, все население скрывалось в своих лабиринтах. И раз мы тоже с неба, значит, мы тоже рабократы, тоже демоны.

— Видимо, Долл кое о чем догадался. Но думал, что сможет их убедить, сможет объяснить им, что рабократов уже нет и прятаться больше незачем. Что с неба прилетают добрые люди. А для них все это — ересь, они бы его убили за одни такие речи. Даже если бы стали слушать.

Космонавты бережно отнесли Долла младшего на корабль.

— Да, нелегко будет добиться, чтобы эти люди нам поверили.— Они на минуту остановились передохнуть.— И все-таки я не понимаю, почему рабократы непременно хотели взорвать эту планету.

— Мы и тут искали какие-то слишком сложные объяснения,— ответил командир Стейн.— Почему армия-победительница взрывает здания и разрушает памятники, когда ей приходится отступать? Да просто от разочарования и от злости. Извечные человеческие чувства. Уж если не мне, так пусть не достанется никому! Эта планета, видно, долгие годы стояла у рабократов поперек горла. Мятеж, который им никак не удавалось подавить. Они снова и снова пытались переловить мятежников, не могли же они признать, что рабы взяли над ними верх! А когда поняли, что проиграли войну, им только и оставалось, что взорвать эту планету, просто чтобы отвести душу. Да ведь и ты почувствовал нечто подобное, когда увидел труп Долла. Так уж устроен человек.

Оба они были старые солдаты и, когда укладывали тело Долла в особую кабину и готовили корабль к взлету, старались не давать воли своим чувствам.

РОБОТ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ВСЕ ЗНАТЬ

Вся беда была в том, что Файлер 13Б-445-К хотел знать все на свете, в том числе и то, что никакого его не касалось. То, чем никакому роботу не положено даже интересоваться, а уж вникать в детали — и подавно. Но Файлер был совсем особенный робот.

История с блондинкой из Двадцать второго отдела должна бы послужить для него хорошим уроком.

Он, гудя, выбрался из хранилища с кипой книг и проходил через Двадцать второй отдел, а она в это время нагнулась к какой-то книге, лежавшей на самой нижней полке.

Робот замедлил ход и в нескольких шагах от нее совсем остановился, не сводя с девушки пристального взгляда. Его металлические глаза странно поблескивали.

Когда девушка нагнулась, ее короткая юбка с редкостью откровенностью явила взору обтянутые нейлоном ножки. Ножки эти, правда на диво соблазнительные, вовсе не должны бы интересовать робота. Однако Файлер заинтересовался. Он стоял и глядел. Заметив его взгляд, она, наконец, обернулась.

— Если бы ты был человеком, Бастер, я бы дала тебе по физиономии, — сказала она. — Но поскольку ты робот, я бы очень хотела знать, во что это ты вперил свои фотоновые глазки.

— У вас шов на чулке перекосился, — ни на миг не задумываясь, ответил Файлер. Потом повернулся и, жужжа, отправился дальше.

Блондинка недоуменно покачала головой, поправила чулок и в который уж раз подумала: какая все-таки тонкая штука эта электроника!

Знай она, на что в самом деле глядел Файлер, изумлению ее не было бы границ. Он ведь и правда смотрел на ее ножки. Конечно, он ей не солгал — роботы лгать просто не способны, — но глядел он отнюдь не только на перекосившийся шов. Файлер столкнулся с проблемой, решать которую не пытался еще ни один робот на свете.

Любовь, романтика, вопросы пола — вот что занимало его час от часу сильнее.

Разумеется, интерес этот был чисто академическим и все же бесспорным. Сама работа будила в нем любопытство к той области бытия, где повелевает Венера.

Роботы системы Файлер необыкновенно умны, и изготавляются их не так уж много. Увидеть их можно только в крупнейших библиотеках, и работают они только с самыми большими и сложными книжными собраниями. Их не назовешь просто библиотекарями — это значило бы представить в ложном свете работу библиотекарей, счтя ее чересчур легкой и простой. Конечно, для того чтобы разместить книги на полках и штемпелевать карточки, большого ума не требуется, но все это давным-давно выполняют простейшие роботы, которые в сущности немногим сложнее примитивных Ай-би-эм на колесах. Приводить же в систему человеческие знания всегда было неимоверно трудно. Задачу эту в конце концов переложили на Файлеров. Их металлические плечи не сгибались под этим бременем, подобно плечам их предшественников — библиотекарей из плоти и крови.

Помимо совершенной памяти, Файлеры обладали и дру-

гими свойствами, обычно присущими только человеческому мозгу. Например, они умели связать и сопоставить отвлеченные понятия. Если у Файлера просили книгу по какому-нибудь вопросу, он тотчас вспоминал книги на смежные темы, которые тут могут пригодиться. Ему достаточно было намека, чтобы возвигнуть законченную систему и предъявить ее в самом реальном виде — в виде груды книг.

Такие способности присущи только *Homo sapiens*, человеку разумному. Именно они-то и помогли ему воеваться над своими сородичами из животного мира. И если Файлер оказался более очеловеченным, чем другие роботы, то винить в этом можно только самого его создателя — человека.

Файлер никого ни в чем не винил; он был просто любознательен. Все Файлеры любознательны — так уж они устроены. К примеру, под рукой у одного из Файлеров, 9Б-367-О, библиотекаря Ташкентского университета, оказалось несметное количество пособий по языкам и он увлекся лингвистикой. Он говорил на тысячах языков и наречий, практически на всех, на которых можно было отыскать хоть какие-нибудь тексты, и в научных кругах считался непревзойденным авторитетом. И все это благодаря библиотеке, где он работал. А Файлер 13Б — тот, что с интересом разглядывал девичьи ножки, — трудился в пропыленных коридорах Нового Вашингтона. Здесь у него был доступ не только к новехоньким микропленкам, но и к тоннам древних книг, напечатанных на бумаге многие века тому назад.

Но больше всего Файлера занимали романы, написанные в те давно минувшие времена.

Поначалу его совсем сбили с толку бесчисленные ссылки и намеки на любовь и романтику, а также страдания души и тела, без которых, как видно, не обходились ни любовь, ни романтика. Он нигде не мог найти сколько-нибудь

вразумительного и полного определения этих понятий и, естественно, заинтересовался ими. Постепенно интерес перешел в увлечение, а увлечение — в страсть. И никто на свете даже не подозревал, что Файлер стал знатоком по части любви.

Уже с самого начала он понял, что из всех форм человеческих отношений любовь — самая тонкая и хрупкая. Поэтому он держал свои изыскания в строжайшем секрете и все, что удавалось узнать, хранил в емких тайниках своего электронного мозга. Примерно в то же время он обнаружил, что в придачу ко всему вычитанному из книг кое-что можно извлечь и из реальной жизни. Это произошло, когда в отделе зоологии он нечаянно набрел на застывшую в объятиях пару.

Файлер мгновенно отступил в тень и включил слуховое устройство на полную мощность. Но разговор, который он затем услыхал, оказался, мягко говоря, прескучным. Всего лишь жалкое, убогое подобие любовных речей, вычитанных им из книг. Сопоставление тоже весьма важное и поучительное.

После этого случая он старался не упускать ни одного разговора между мужчиной и женщиной. Он пытался глядеть на женщин с точки зрения мужчины, и наоборот. Потому-то он и разглядывал с таким любопытством нижние конечности блондинки в Двадцать втором отделе.

И потому он в конце концов совершил роковую ошибку.

Спустя несколько недель один исследователь, которому понадобились услуги Файлера, вывалил на стол груду всевозможных бумажек. Какая-то карточка выскользнула из пачки и упала на пол. Файлер поднял ее и подал владелицу, а тот пробормотал благодарность и сунул карточку в карман. Когда все необходимые книги были подобраны и человек ушел, Файлер уселся и перечитал текст на кар-

точке. Он видел ее всего лишь какую-то долю секунды, да еще вдобавок вверх ногами, но больше ничего и не требовалось. Карточка навеки запечатлелась у него в мозгу. Файлер долго размышлял над нею, пока перед ним не стал вырисовываться некий план.

Карточка была приглашением на костюмированный бал. Файлер хорошо знал этот род развлечений — описания балов то и дело попадались ему на пропыленных страницах старых романов. На такие балы люди обычно ходили, нарядившись романтическими героями.

А почему бы и роботу не пойти на бал, нарядившись человеком?

Раз уж эта мысль пришла ему в голову, избавиться от нее не было никакой возможности. Конечно, подобные мысли роботу вообще не положены, а уж соответствующие постуки — тем более. Впервые Файлер стал догадываться, что ломает преграду, отделяющую его от тайн любви и романтики. И, конечно, это его только еще больше раззадорило. И, конечно же, он отправился на бал.

Купить костюм Файлер, разумеется, не посмел, но ведь в кладовых всегда можно найти какие-нибудь старинные портьеры! В одной книге он прочитал о кройке и шитье, а в другой нашел изображение костюма, который показался ему подходящим. Сама судьба назначила ему явиться в одеянии кавалера.

Превосходно отточенным пером он нарисовал на плотном картоне точную копию пригласительного билета. Смастерить маску — вернее, полумаску с половиной лица в придачу — при его талантах и технических возможностях было делом нехитрым. Задолго до назначенного дня все было готово. Оставшееся время он занимался только тем, что перелистывал всевозможные описания костюмированных балов и старательно изучал новейшие танцы.

Файлер так увлекся своей затеей, что ни разу даже не задумался над тем, как странны для робота его поступки. Он чувствовал себя просто ученым, который исследует особыю породу живых существ. Род человеческий. Или, точнее, женский.

Наконец, наступил долгожданный вечер. Файлер вышел из библиотеки, держа в руках сверток, похожий на связку книг, но, конечно, это были не книги. Никто не заметил, как он скрылся в кустах, что росли в библиотечном саду. А если кто и заметил, то уж никому бы не пришло в голову, что он-то и есть элегантный молодой человек, который через несколько минут вышел из сада с другой стороны. Единственным немым свидетелем переодевания осталась оберточная бумага под кустом.

В своем новом обличье Файлер держался безукоризненно, как и приличествует роботу высшего класса, который в совершенстве изучил свою роль. Он легко забежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и небрежно предъявил свой пригласительный билет. Войдя, он направился прямиком в буфет и опрокинул в пластиковую трубку, подсоединенную к резервуару в его грудной клетке, три бокала шампанского. И только после этого позволил себе лениво оглядеть собравшихся в зале красавиц. Да, этот вечер был предназначен для любви.

Из всех женщин его сразу привлекла одна. Он тотчас понял, что она и есть царица бала и она одна достойна его внимания. Мог ли он согласиться на меньшее, он, преемник пятидесяти тысяч героев давно забытых книг?

Кэрол Энн ван Дэмм, как всегда, скучала. Лицо ее было скрыто под маской, но никакая маска не сумела бы скрыть великолепные формы ее тела. Все ее поклонники в причудливых костюмах толпились тут же, готовые к услугам;

каждый мечтал заполучить ее молодость и красоту и миллионы ее отца в придачу. Все это давно ей надоело, и она едва сдерживала зевоту.

И тут толпу обожателей вежливо, но неотвратимо раздвинули широкие плечи незнакомца. Он заставил всех расступиться и предстал перед нею, точно лев среди стаи волков.

— Этот танец вы танцуете со мной,— многозначительно сказал он глубоким низким голосом.

Почти машинально она оперлась на предложенную руку, не в силах противиться человеку, в чьих глазах таился такой странный блеск. Еще миг — и они уже кружатся в вальсе, и это блаженство! Мускулы его крепки как сталь, но танцует он с легкостью и изяществом молодого бога.

— Кто вы? — шепнула она.

— Ваш принц. Я пришел, чтобы увести вас отсюда,— вполголоса отвечал он.

— Вы говорите, как принц из волшебной сказки,— рассмеялась она.

— Это и есть сказка, а вы — сказочная принцесса.

Слова эти, точно искра, воспламенили ее душу, и всю ее словно пронзил электрический ток. В сущности, это и были мгновенный электрический разряд. Губы его пашечтывали ей слова, которые она всю жизнь мечтала услышать, а ноги, точно по волшебству, увлекали сквозь высокие двери на террасу. В какой-то миг слова претворились в дело, и жаркие губы коснулись ее губ. Да еще какие жаркие — термостат был установлен на сто два градуса!

— Давайте сядем,— выдохнула она, слабея от неожданно захватившей ее страсти.

Он уселся рядом, сжимая ее руки в своих, нечеловечески сильных и все-таки нежных. Они говорили друг другу слова, ведомые только влюбленным, пока не грянул оркестр.

— П полночь, — шепнула она. — Пора снимать маски, любимый. — Она сняла свою, но Файлер, конечно, не шелохнулся. — Что же ты? — сказала она. — Ты тоже должен снять маску.

Слова эти прозвучали как приказ, и робот не мог не повиноваться. Широким жестом он сбросил маску и пластиковый подбородок.

Кэрол Энн сначала вскрикнула, потом зашлась от яости.

— Это еще что такое, отвечай, ты, жестянка!

— Это была любовь, дорогая. Любовь привела меня сюда сегодня и бросила в твои объятия.

Ответ был вполне правильный, хоть Файлер и облек его в форму, соответствующую его роли.

Услышав нежные слова из бездушной электронной пасти, Кэрол Энн снова вскрикнула. Она поняла, что стала жертвой жестокой щутки.

— Кто тебя сюда прислал? Отвечай! Что означает этот маскарад? Отвечай! Отвечай! Отвечай, ты, ящик с железным ломом!

Файлер хотел было рассортировать этот поток вопросов и отвечать на каждый в отдельности, но она не дала ему рта раскрыть.

— Надо же! Послать тебя сюда, обрядив человеком! В жизни надо мной никто так не издевался! Ты робот. Ты ничтожество. Двуногая машина с громкоговорителем. Как ты мог притворяться человеком, когда ты всего-навсего робот!

Файлер вдруг поднялся на ноги.

— Я робот, — вырвались из говорящего устройства отрывистые слова.

Это был уже не ласковый голос влюбленного, но вопль отчаявшейся машины. Мысли вихрем кружились в его

электронном мозгу, но в сущности это была одна и та же мысль.

«Я робот... робот... я, видно, забыл, что я робот... и что делать роботу с женщиной... робот не может целовать женщину... женщина не может любить робота... но ведь она сказала, что любит меня... и все-таки я робот... робот...»

Весь содрогнувшись, он отвернулся и, лязгая и гремя, зашагал прочь. На ходу его стальные пальцы сдергивали с корпуса одежду и пластик — подделку под живую плоть, и они клочками и лохмотьями падали наземь. Путь его был усеян этими обрывками, и через какую-нибудь сотню шагов он был уже голой сталью, как в первый день его механического творения. Он пересек сад и вышел на улицу, а мысли у него в голове все быстрее неслись по замкнутому кругу.

Началась неуправляемая реакция, и вскоре она охватила не только мозг, но и все его механическое тело. Быстрее шагали ноги, стремительней работали двигатели, а центральный смазочный насос в груди метался как сумасшедший.

А потом робот с пронзительным скрежетом вскинул руки и рухнул ничком. Головой он ударился о лестницу, и острый угол гранитной ступени пробил тонкую оболочку. Металл лязгнул о металл, и в сложном электронном мозгу произошло короткое замыкание.

Робот Файлер 13Б-445-К был мертв.

По крайней мере так гласил доклад, составленный механиком на следующий день. Собственно, не мертв, а непоправимо испорчен и должен быть разобран на части. Но, как ни странно, когда механик осматривал металлический труп, он сказал совсем другое.

В осмотре ему помогал другой механик. Он отвинтил болты и вынул из грудной клетки сломанный смазочный насос.

— Вот в чем дело,— объявил он.— Насос неисправен. Поршень сломался, насос заклинило, прекратилась подача масла в коленные суставы, вот он и упал и разбил себе голову.

Первый механик вытер ветошью замасленные руки и осмотрел поврежденный насос. Потом перевел взгляд на зиявшую в грудной клетке дыру.

— Гляди-ка! Прямо разрыв сердца!

Оба рассмеялись, и механик швырнул насос в угол, на кучу других, сломанных, грязных и никому не нужных деталей.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ САГА

Часть первая

I

— Господи, как я попал сюда? Как только я позволил втравить себя в такую историю? — простонал Л. М. Грип-спэн, чувствуя, как после недавнего обеда начинает подавать признаки жизни застарелая язва желудка.

— Вы находитесь здесь, Л. М., потому что вы дальновидный и смышленый бизнесмен. Или, если подойти с другого конца, потому что вам приходится хвататься за соломинку, а если вы не примете срочных мер, то ваш кинотрест «Клаймэтик студиоз» бесследно исчезнет. — Барри Хендриксон попыхивал сигаретой, которую он зажал между пожелтевшими от никотина пальцами, и рассеянно смотрел в окошко из «роллс-ройса», мчавшегося по дну бетонного каньона. — Или, если сформулировать по-иному, вы вкладываете один час вашего драгоценного времени в осмотр изобретения, которое спасет вашу студию от банкротства.

Все внимание Л. М. было поглощено деликатной процедурой раскуривания контрабандной гаванской сигары: он отрезал ее конец золотой карманиной гильотинкой, лизнул отслоившийся табачный лист и стал обжигать ее над крохотным огнем, пока не раскурил. Потом он спокойно затянулся, и изящная зеленая сигара ожила в его руках. Автомобиль с тяжеловесной легкостью затормозил у края тротуара, и шофер обежал вокруг машины, чтобы открыть

дверцу. Л. М. подозрительным взглядом окинул окрестности, не сдвинувшись с места.

— Трущоба. Разве может быть в такой дыре чудо, которое спасет от краха мою студию?

Барни сделал безуспешную попытку вытолкнуть из машины неподвижное, прочно покоящееся тело.

— Не спешите с выводами, Л. М. В конце концов, кто бы осмелился предсказать, что сопливый мальчишка из трущоб Ист-Сайда в один прекрасный день станет владельцем самой большой в мире киностудии?

— Ты что, переходишь на личности?..

— Давайте не будем отвлекаться,— настаивал Барни.— Сначала войдем в дом, посмотрим, что покажет нам профессор Хьюитт, и только потом примем решение.

Л. М. неохотно вылез из машины и, ступив на потрескавшийся асфальт тротуара, позволил подвести себя к двери низкого полуразвалившегося дома. Барни, поддерживая его под локоть, нажал на кнопку звонка. Ему пришлось еще два раза нажать на кнопку, прежде чем перекосявшаяся дверь со скрипом отворилась и па них воззрился маленький человечек с огромной лысой головой и очками в массивной оправе.

— Профессор Хьюитт,— произнес Барни, проталкивая вперед Л. М.,— позвольте представить вам человека, о котором я говорил вам на прошлой неделе,— директора «Клаймэтик студиоз» мистера Л. М. Гринспэна собственной персоной.

— Да-да, конечно, заходите,— профессор заморгал погрыбы и сделал шаг в сторону, пропуская гостей.

Как только дверь за его спиной закрылась, Л. М. с тяжким вздохом покорился и разрешил Барни провести себя вниз по скрипучим деревянным ступенькам. Войдя в подвал, он остановился, глядя на длинный ряд электрических

приборов и аппаратов, закрученных спиралью проводов и гудящих динамо-машин.

— Что это? Декорации к фильму о Франкенштейне?

— Профессор сейчас объяснит нам, — сказал Барни, подтолкнув вперед профессора Хьюитта.

— Это труд всей моей жизни, — начал профессор, махнув рукой куда-то в сторону туалета.

— Вот как? Интересно, что же это за труд?

— Профессор подразумевает машины и аппараты, он просто не совсем точно указал направление, — поспешил объяснить Барни.

Профессор Хьюитт не слышал их разговора. Склонившись над контрольной панелью, он что-то налаживал. Внезапно раздался тонкий пронзительный свист, который все усиливался, и из массивного аппарата у стены полетели искры.

— Вот! — произнес профессор, указывая драматическим жестом, теперь уже более точным, на металлическую платформу, укрепленную на массивных изоляторах. — Это сердце времеатрона, где и происходит перемещение вещества. Я не буду вдаваться в математику или говорить об устройстве времеатрона, которое исключительно сложно. Полагаю, что его работа говорит сама за себя.

Профессор наклонился, пошарил под столом, извлек оттуда пивную бутылку, покрытую толстым слоем пыли, и поставил ее на металлическую платформу.

— А что это за времеатрон? — подозрительно спросил Л. М.

— Минутку терпения, господа. Сейчас я продемонстрирую его в действии. Итак, я помещаю в сферу действия поля простой предмет и включаю аппарат, образующий темпоральное поле. Смотрите.

Хьюитт включил рубильник, электрический ток устремился через стоящий в углу трансформатор к машине, рев

динамо перешел в пронзительный визг. Лампы на контрольной панели ослепительно засверкали, и воздух наполнился резким запахом озона.

Пивная бутылка на неуловимое мгновение исчезла, и шум машины затих.

— Вы заметили перемещение? Эффектно, не правда ли? — профессор, сияя от самодовольства, вытянул из реекордера длинную бумажную ленту с чернильными разводами. — Вот смотрите, здесь все запечатлено. Бутылка семь микросекунд была в прошлом и затем снова вернулась в настоящее!.. Что бы ни говорили мои враги, я добился успеха! Мой времеатрон действует! Я назвал свою машину «времеатрон» от сербского «время» — в честь моей бабушки, родившейся в Мали Лозине. Итак, вы видите перед собой действующую машину времени!

Л. М. вздохнул и собрался было уходить.

— Чокнутый, — сказал он.

— Выслушайте же его до конца, Л. М. У профессора есть оригинальные идеи. Он согласился работать с нами только потому, что все научные учреждения и благотворительные фонды отказались финансировать дальнейшую работу над его машиной. Профессору нужны средства для ее усовершенствования.

— В мире каждую минуту рождается один такой изобретатель. Пошли, Барни.

— Да выслушайте вы его, Л. М., — умолял Барни. — Пусть он покажет вам эксперимент с посылкой бутылки в будущее. Слишком уж это впечатляет.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что любой предмет на пути в будущее преодолевает мощный темпоральный барьер, и для этого требуется несравненно большее количество энергии, чем при перемещении того же предмета в прошлое. Но все же я могу продемонстрировать

этот эксперимент. Прощу вас, внимательно следите за бутылкой.

Еще раз чудо электронной техники столкнулось с силами времени, и в наэлектризованном воздухе заплясали искры. Пивная бутылка чуть заметно дрогнула.

— Пока,— Л. М. повернулся и начал подниматься по лестнице.— Между прочим, Барни, ты уволен.

— Вы не можете уйти вот так, Л. М., не дав профессору возможности объясниться, а мне — рассказать о моих планах.— Барни сердился, сердился на себя, на киностудию, где он работал, находившуюся на грани банкротства, на слепоту директора, на тщету всех человеческих стремлений, на банк, закрывший его счет. Он кинулся вслед за Л. М. и выхватил у него изо рта дымящуюся гаванскую сигару.— Сейчас мы проведем настоящий эксперимент, такой, что вы оцените его по достоинству!

— Эти сигары — по два доллара за штуку! Сейчас же верни...

— Я вам ее отдам, но сначала посмотрите...— Барни швырнул на пол бутылку и положил дымящуюся сигару на платформу.— Какой из приборов регулирует входную мощность? — повернулся он к Хьюитту.

— Вот это — ручка входного реостата, но зачем это вам? Если вы увеличите уровень темпорального перемещения, то оборудование выйдет из строя — раз и все!

— Можно купить новое оборудование, но если нам не удастся убедить Л. М.— вы на мели, сами понимаете. Итак, вперед!

Барни оттолкнул протестующего профессора в сторону и включил реостат на полную мощность. На этот раз эффект был потрясающим. Рев динамо-машины перешел в смертельно пронзительный визг, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки, лампы на панели засверкали всеми огнями ада, все ярче и ярче, по металлическим

поверхностям забегали электрические разряды, а волосы присутствующих встали дыбом и из них посыпались искры.

— Через меня идет ток! — заревел Л. М., и в этот момент напряжение достигло предела, лампы на панели, ослепительно сверкнув, лопнули, и в подвале воцарилась полная темнота.

— Смотрите вот сюда! — закричал Барни, щелкая зажигалкой и поднося ее к машине. Платформа была пуста. Сигара исчезла!

— Ты должен мне два доллара!

— Смотрите, смотрите! По крайней мере две секунды, три, четыре... пять... шесть... семь...

Внезапно на платформе появилась все еще дымившаяся сигара. Л. М. живо схватил ее и как следует затянулся.

— Ну хорошо, это машина времени, теперь я верю. Но какое она имеет отношение к производству фильмов или к спасению моей студии от банкротства?

— Позвольте мне объяснить...

II

В кабинете Л. М. сидело шесть человек, расположившихся полукругом перед письменным столом директора.

— Запереть дверь и перерезать телефонные провода! — распорядился Л. М.

— Сейчас три часа утра, — запротестовал Барни, — кто будет подслушивать в такую рань?

— Если об этом проинюхают банки, я разорен — пиши пропало до самой смерти, а может быть, и дольше. Пере режьте провода!

— Позвольте, я займусь этим, — сказал Эмори Блестэд, вставая со стула и доставая из грудного кармана отвертку с ручкой, обмотанной изоляционной лентой: в «Клаймэк-

тик студиоз» он возглавлял технический отдел.— Вот оно, решение загадки! За последний год мои ребята в среднем по два раза в неделю чинили в этом кабинете перерезанные провода!

Работа спорилась в его руках: он быстро снял крышки с соединительных коробок, и вот уже все семь телефонов, селектор, замкнутая сеть телевидения и телепринт разъединены. Л. М. Гринспэн внимательно следил за ним и не произнес ни единого слова, пока своими глазами не убедился в том, что все десять проводов безжизненно повисли.

— Докладывайте! — рявкнул он, ткнув пальцем в направлении Барни Хендрикsona.

— Итак, все готово и можно приниматься за дело, Л. М. Оборудование для времеатрона установлено в павильоне фильма «Сын чудовища женится на дочери монстра», и все расходы отнесены на бюджет фильма. Между прочим, машина профессора обошлась дешевле обычных декораций.

— Не отвлекайтесь!

— Ладно. Итак, последние съемки «чудовищного» фильма закончены в павильоне сегодня, то есть, я хотел сказать, вчера, и мы поспешили в темпе выпустить оттуда все оборудование. Как только они ушли, мы тут же смонтировали времеатрон в кузове армейского грузовика из картины «Пифиси из Бруклина», профессор проверил оборудование и привел машину в полную готовность.

— Что-то не нравится мне эта история с грузовиком — его могут хватиться.

— Не хватятся, Л. М., мы обо всем позаботились. Во-первых, он считался избыточным армейским снаряжением, и его хотели сбыть с рук. Во-вторых, недавно мы продали его через наш обычный канал сбыта, а здесь его приобрел Текс. Под нас не подкопаешься.

— Текс? Какой еще Текс? И кто вообще все эти люди? — с раздражением произнес Л. М., обведя подозрительным взглядом сидящих вокруг стола. — Ведь я же предупредил, чтобы об этой штуке знало как можно меньше людей, по крайней мере до тех пор, пока мы не убедимся, что она действует. Если только банки пронюхают...

— Ну уж меньше и вовлечь невозможно, Л. М. Смотрите: я, профессор, которого вы знаете, Блестэд, ваш начальник технического отдела, проработавший на студии тридцать лет...

— Знаю, знаю... но кто эти трое? — Л. М. махнул рукой в сторону двух загорелых молчаливых людей, одетых в джинсы и кожаные куртки, и сидящего рядом с ними высокого первого человека со светло-рыжими волосами.

— А, эти... Эти двое — трюкачи с нашей студии Теко Антонелли и Даллас Леви.

— Трюкачи с нашей студии! Послушай, Барни, что за трюк ты собираешься выкинуть с этими ковбойскими мальчиками из Бронкса?

— Ради бога, не волнуйтесь, Л. М. Для нашего проекта понадобятся люди, на которых можно положиться и которые без лишнего шума в случае неприятностей найдут выход из положения. До прихода к нам Даллас служил в армии, а затем выступил в родео. Текс тридцать лет прорубил в морской пехоте, он инструктор по нападению и защите без оружия.

— А кто этот длинный?

— Это доктор Йенс Лин из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, филолог. — Высокий мужчина рывком встал и отвесил короткий поклон в направлении письменного стола. — Он специалист по германским языкам или по чему-то вроде этого. Он будет нашим переводчиком.

— Ну а теперь, когда вы стали членами нашей группы, вам понятно, насколько важен наш проект? — спросил Л. М.

— Мне платят денежки, — сказал Текс, — а я держу язык за зубами.

Даллас молча кивнул, соглашаясь с товарищем.

— Нам предоставляется удивительная возможность, — Лин говорил быстро, с легким датским акцентом. — Я взял отпуск на год и готов сопровождать экспедицию в качестве технического советника даже без предложенного щедрого гонорара. Ведь мы так мало знаем о разговорном старонорвежском...

— Ну хорошо, хорошо, — Л. М. поднял руку, удовлетворившись тем, что услышал. — Так какой же у нас план? Посвятите меня в детали.

— Сначала нам придется совершить пробное путешествие, — заметил Барии. — Надо посмотреть, работает ли машина профессора...

— Да я вас уверяю...

— ...и если она работает, мы сколотим съемочную группу, разработаем сценарий и затем отправимся снимать фильм прямо на месте. И на каком месте! Вся история открыта нам на широком экране! Мы сможем все заснять, записать звук...

— И спасем студию от банкротства. Ни тебе расходов на дополнительные съемки, ни декораций, ни стычек с профсоюзами...

— Эй, поосторожнее! — нахмурился Даллас.

— Конечно, речь идет не о вашем профсоюзе, — извинился Л. М.

— Вся труппа, которая отправится в прошлое из нашего времени, будет получать повышенную ставку с надбавками; я имел в виду участников оттуда — на них мы

сможем сэкономить, верно? А теперь отправляйся, Барни, пока у меня не остыл энтузиазм, и без хороших новостей не возвращайся.

Их шаги, стук каблуков о бетонную дорожку гулко отдавались от гигантских звуковых сцен в огромном помещении, а тени тянулись за ними сначала сзади, а потом выбрасывались вперед, когда они проходили через ярко освещенные круги под редкими лампами. Тишина и одиночество заброшенных студий внезапно напомнили им о величии их замысла, и они инстинктивно приблизились друг к другу, почти касаясь плечами. Перед входом в здание стоял сторож; завидев их, он поздоровался, и его голос разбил мрачные чары тишины.

— Закрыто и опечатано, сэр, никаких происшествий!

— Отлично,— одобрительно отозвался Барни.— Возможно, мы останемся внутри до утра — секретная работа,— смотрите, чтоб никто из посторонних нам не помешал.

— Я уже сказал об этом капитану, и он предупредил ребят.

Барни запер за собой дверь, и тотчас же под крышей вспыхнули ослепительные солнца ламп. Огромное помещение пакгауза было почти пустым, если не считать нескольких пыльных листов фанеры в дальнем углу и грузовика грязно-оливкового цвета с белой армейской звездой на дверце кабинки и брезентовым верхом.

— Батареи и аккумуляторы заряжены,— объявил профессор Хьюитт, взобравшись в кузов грузовика и покрутив несколько ручек. Затем он разъединил массивные кабели, тянувшиеся от зарядного устройства к выводам на стене, и забросил их в грузовик.— Садитесь, джентльмены, мы можем начать эксперимент когда угодно.

— Может быть, мы назовем это не экспериментом, а как-нибудь иначе? — с беспокойством спросил Эмори Бле-

стэд. Он вдруг начал жалеть, что связался с этим пред-
приятием.

— Я, пожалуй, сяду в кабину — там поудобнее, — сказ-
ал Текс Антонелли. — Мне пришлось водить вот такой же
шестиосный все время, пока я служил в Марианне.

Один за другим участники экспедиции забрались вслед
за профессором в кузов грузовика, и Даллас закрыл откид-
ной борт. Ряды электронного оборудования и генератор, спарен-
ный с двигателем внутреннего сгорания, занимали
большую часть кузова, и участникам пришлось сесть на
ящики с припасами и оборудованием.

— У меня все готово, — объявил профессор. — Может
быть, для первого раза побываем в 1500 году?

— Нет! — Барни был непреклонен. — Установите на
своих приборах 1000 год, как договорились, и отправля-
емся.

— Но расход энергии будет меньше, и риск...

— Не трусьте в последнюю минуту, профессор. Нам
необходимо перенестись как можно дальше в прошлое, чтобы
никто не мог опознать нашу машину и причинить нам
какие-нибудь неприятности. К тому же мы решили снимать
фильм о викингах, а не делать новый вариант «Собо-
ра Парижской Богоматери».

— Действие «Собора Парижской Богоматери» происхо-
дит не в шестнадцатом веке, а гораздо раньше, — заметил
Йенс Лин. — Я бы сказал, что события происходят в сред-
невековом Париже примерно...

— Джеронимо! — заворчал Даллас. — Если мы соби-
раемся куда-то отправиться, давайте кончим трепаться и
поехали. Всякая ненужная задержка перед битвой подры-
вает боевой дух войск.

— Вы совершенно правы, мистер Леви, — отозвался
профессор, и его пальцы проворно забегали по кнопкам
контрольной панели.

— Итак, 1000 лет от Рождества Христова — пожалуйста! — Он выругался и стал нащупывать кнопки.— Так много липовых переключателей и приборов, что я совсем запутался,— пожаловался профессор.

— Пришлось сделать такое оборудование, чтобы потом его использовать для съемки фильма ужасов,— извиняющимся голосом сказал Блестэд. Голос его звучал как-то странно, лицо покрылось каплями пота.— Оно должно было выглядеть реалистично.

— И для этого вы сделали его похожим черт знает на что? — сердито пробормотал профессор Хьюитт, заканчивая приготовления. В следующее мгновение его рука протянулась к многополюсному рубильнику и перекинула его вперед.

Под воздействием внезапной нагрузки частота генератора снизилась, звук стал ниже и надсаднее, электрический разряд затрещал, холодные искры заплясали по всем открытым поверхностям, и люди почувствовали, как волосы на их головах встают дыбом.

— Что-то неладно! — раздался дрожащий голос Йенса Лина.

— Абсолютно ничего,— спокойно отозвался профессор Хьюитт, регулируя что-то на контрольной панели.— Это всего лишь вторичное явление, статический разряд, не имеющий никакого значения. Сейчас происходит накопление временного поля, вы должны это чувствовать.

Они действительно почувствовали что-то, явственно ощутили, как их тела охватывает какая-то неприятная клейкая субстанция, как растет напряжение.

— У меня такое ощущение, будто мне в пупок вставили огромный ключ и заводят мои кишки,— заметил Даллас.

— Я просто не могу так здорово выразиться, — заметил Лин, но и у меня те же симптомы.

— Переключил на автомат, — сказал профессор, утопив одну из кнопок и отойдя от пульта управления. — В ту микросекунду, когда поле достигнет своего максимума, селеновые выпрямители автоматически включаются. Вы сможете следить за процессом по этой шкале. Как только стрелка достигнет нуля...

— Двенадцать, — сказал Барни, всматриваясь в шкалу, потом отвернулся от нее.

— Девять, — донесся голос профессора. — Поле быстро растет. Восемь... семь... шесть...

— А как насчет надбавки за боевые условия? — спросил Даллас, но никто даже не улыбнулся.

— Пять... четыре... три...

Напряжение стало ощутимым физически, оно стало частью машины, частью их самих. Никто не мог пошевельнуться. Шесть пар глаз уставились на движущуюся красную стрелку, а профессор продолжал:

— Два... один...

Они не услышали слова «нуль», потому что в этот момент даже звук остановился. Что-то произошло с ними, что-то неуловимое и такое из ряда вон выходящее, что в следующую секунду никто не мог вспомнить, что это было и каковы были их ощущения. В то же мгновение свет прожекторов в пакгаузе померк; тьму раздвигало лишь тусклое сияние трех рядов циферблатов и шкал на контрольной панели. Пространство за открытым задним бортом грузовика, где мгновение назад виднелось ярко освещенное помещение пакгауза, теперь было серым, бесформенным, однобразным; не на чем было глазу остановиться.

— Эврика! — крикнул профессор.

— Не выпить ли нам? — спросил Даллас, извлекая кварту хлебного виски из-за ящика, на котором он сидел, и

тут же последовал собственному совету, нанеся заметный ущерб содержимому бутылки. Кварта начала переходить из рук в руки, даже Текс высунулся из кабины сделать глоток, и все хлебнули для храбрости, за исключением профессора. Он же был слишком занят своими инструментами и что-то радостно бормотал под нос.

— Да-да, несомненно, определенно перемещает в прошлое... скорость легко контролируется... теперь и физическое перемещение возможно... Космическое пространство или Тихий океан... для нас не подходят... не подходят... — Профессор взглянул под козырек серебристого экрана и что-то отрегулировал. Затем он повернулся к остальным: — Господа, теперь держитесь покрепче. Хотя я и старался как можно точнее угадать уровень почвы в месте прибытия, но я боюсь быть слишком точным. Мне бы не хотелось доставить вас под землю, поэтому вполне возможно падение с высоты нескольких дюймов. Все готовы? — Профессор потянул за ручку рубильника.

Сначала о землю ударились задние колеса, а в следующее мгновение на грунт со страшным шумом рухнули и передние. Все попадали друг на друга. Яркий солнечный свет зорвался через открытый задник и заставил всех прищуриться. Свежий соленый ветерок принес откуда-то издалека шум прибоя.

— Черт меня побери! — бормотал Эмори Блестэд.

Серая пелена позади грузовика исчезла, и вместо нее, окаймленный брезентом подобно гигантской картине, показался каменистый океанский берег, о который разбивались огромные волны. Низко над берегом крича парили чайки, и два испуганных тюленя с фырканьем бросились в воду.

— Что-то я не узнаю эту часть Калифорнии, — сказал Барни.

— Это Старый, а не Новый Свет,— с гордостью ответил профессор Хьюитт.— Точнее, Оркнейские острова, где в 1003 году существовало множество поселений норвежских викингов. Вас, несомненно, удивляет способность времеатрона осуществлять не только темпоральное, но и физическое перемещение, однако существует фактор...

— С тех пор как Гувер был избран президентом, меня уже ничто не удивляет,— сказал Барни. Он почувствовал себя в своей тарелке после того, как они наконец прибыли куда-то — или в когда-то.— А теперь за работу. Даллас, подними полог брезента спереди, чтобы нам видеть, куда ехать.

В следующее мгновение перед ними открылся каменистый берег — узкая полоса земли между пенящимся прибоем и отвесными скалами. Примерно в полумиле от грузовика торчал мыс, а за ним ничего не было видно.

— Заводи! — крикнул Барни, наклонившись к кабине.— Давай посмотрим, что там дальше на берегу!

— Точно,— откликнулся Текс, нажимая на кнопку стартера. Мотор заворчал и ожила. Текс включил первую скорость, и грузовик, покачиваясь на камнях, двинулся вперед.

— Хотите? — спросил Даллас, протягивая пистолетную кобуру с ремнем. Барни с неприязнью посмотрел на оружие.

— Попридержи его. Я, наверно, застрелю себя или кого-нибудь из окружающих, если буду играть с этой штукой. Отдай ее Тексу, и пусть у тебя под рукой будет винтовка.

— А разве нам не дадут оружия — для нашей же безопасности? — спросил Эмори Блестэд.— Я знаю, как обращаться с винтовкой.

— Ты дилетант, а мы собираемся строго придерживаться профсоюзных правил. Твое дело, Эмори, помочь профессору — времеатрон сейчас самая ценная вещь. Текс и Дал-

лас позаботятся о вооружении — только так мы будем застрахованы от несчастных случаев.

— Ах ты черт! Вы только посмотрите на это! Неужели я вижу такую красоту собственными глазами? — Йенс Лин, захлебываясь от восторга, показывал вперед.

Грузовик обогнал мыс, и перед ними открылся маленький залив. Грубая почерневшая ладья была вытащена на берег, а чуть выше, подальше от воды, находилась жалкая землянка, сложенная из камня и неровных кусков дерна, крытая тростником и водорослями. Берег казался пустынным, хотя из дыры в крыше землянки поднималась струйка дыма.

— Куда все подевались? — спросил Барни.

— Совершенно ясно, что появление ревущего грузовика напугало жителей, и они спрятались внутри землянки, — объяснил Лин.

— Выключи мотор, Текс. Может быть, нам стоило взять с собой немногого бисера или еще чего для торговли с туземцами?

— Боюсь, что это не те туземцы, мистер Хендриксон...

Как бы в подтверждение слов Лина грубо сколоченная дверь землянки распахнулась, и из нее выскоцил человек. С ужасным криком он прыгнул вверх, ударил топором с широким лезвием по щиту, висевшему на левой руке, и бросился бежать вниз по склону прямо к грузовику. Несколько огромных шагов — и он уже подбежал к экспедиции. На его голове был отчетливо виден черный шлем с рогом; белокурая борода и пышные усы развевались на ветру. Продолжая издавать невнятные звуки, воин начал грызть край щита. На его губах появилась пена.

— Как видите, он явно испуган, однако герою-викингу не подобает выказывать страх перед своими рабами и служителями, которые, несомненно, следят за ним из землянки.

Поэтому он приводит себя в состояние неистовой ярости, подобно берсеркеру...

— Может, подождем с лекцией, а, док? Ну-ка, Даллас и Текс, возьмитесь за этого парня, успокойте его, пока он чего-нибудь не сломал.

— Пуля в брюхо быстро успокоит.

— Ни в коем случае! Студия не может себе позволить такую роскошь, как убийство, даже убийство при самообороне.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, но учтите: в контракте есть специальный параграф об особом вознаграждении за риск.

— Знаю, знаю! Берите быка за рога, пока не...

Слова Барни были прерваны глухим ударом и звоном разбитого стекла, сопровождавшимся громким победным воплем.

— Я понял, что он говорит! — радостно захихикал Йенс Линн. — Он хвалится, что выбил глаз чудовищу...

— Этот буйнопомешанный отрубил фару! — завопил Даллас. — Займись-ка им, Текс, отвлеки его чем-нибудь! Я сейчас вернусь.

Текс Антонелли выскользнул из кабины и кинулся прочь от грузовика. Викинг заметил его и тут же начал преследование. Пробежав около пятидесяти ярдов, Текс остановился и поднял с земли две круглые гальки величиной с кулак. Подбросив одну из них на ладони, словно это был бейсбольный мяч, Текс спокойно ожидал приближения своего яростного преследователя. Когда викинг приблизился к нему на пять ярдов, Текс швырнул камень, целясь в голову, и, как только щит взлетел вверх, чтобы отразить нападение, метнул второй камень прямо в живот викинга. Оба камня оказались в воздухе одновременно, и, пока первый, отскочив от щита, летел куда-то в сторону, второй попал викингу прямо в солнечное сплетение, и тот с шумом

ным «уф!» опустился на землю. Текс отошел на несколько шагов и подобрал еще две гальки.

— Блэйда *! — выдохнул поверженный воин, потрясая топором.

— Да и ты не лучше. Ну-ка, поднимайся!

— А теперь давай упакуем его, — предложил Даллас, который появился из-за грузовика, крутя веревочной петлей над головой. — Профессор трястется над своими железками и хочет побыстрее смотаться отсюда.

— Окей, сейчас мы это организуем.

Текс прибегнул к соленым морским выражениям, но ему не удалось преодолеть лингвистический барьер. Тогда он обратился к латинскому языку жестов, которым овладел еще в юности, и с помощью быстрых движений пальцев и рук сравнил викинга с рогоносцем, кастратом, приписал ему кое-какие грязные привычки и закончил Предельным Оскорблением — его левая рука ударила по правому бицепсу, отчего правый кулак подпрыгнул вверх. Очевидно, какое-то одно — а может быть, и не одно — из этих оскорблений имело свои корни в одиннадцатом веке, потому что викинг заревел от ярости и с трудом поднялся на ноги.

Текс стоял не двигаясь, хотя он казался пигмеем рядом с атакующим его гигантом. Топор взлетел вверх, но в то же мгновение Даллас бросил лассо и поймал им топор, а Текс подставил викингу подножку, и тот тяжело рухнул на землю. Как только викинг упал, Текс с Далласом оседлали его: один вывернул ему руки, а другой молниеносно обмотал его веревкой. Через несколько секунд викинг уже был беспомощен как младенец — руки его были заведены за спину и привязаны к ногам, а сам он ревел от бессильной ярости, пока Даллас и Текс волокли его по гальке к грузовику. В свободной руке у Текса был щит, а у Далласа — топор.

* Трус! (норв.). — Здесь и далее примечания переводчика.

— Я должен поговорить с ним,— настаивал Йенс Лин.— Это редчайшая возможность!

— Мы не можем ждать ни минуты,— торопил их профессор, регулируя один из приборов верньерной ручкой.

— Эй, на нас нападают! — завопил Эмори Блестэд, указывая дрожащей рукой на землянку. Толпа косматых оборванцев, вооруженных разнообразными мечами, копьями и топорами, атаковала грузовик.

— Пора уносить ноги,— распорядился Барни.— Бросьте этого доисторического лесоруба в кузов и поехали. Когда мы вернемся на студию, у вас будет уйма времени для разговора с этим парнем, док.

Текс прыгнул в кабину и, схватив с сиденья револьвер, разрядил его весь в сторону моря, включил двигатель, потом оставшуюся фару и дал гудок. Крики атакующих мгновенно сменились воплями страха, и враги, побросав свое оружие, бросились обратно к землянке. Грузовик развернулся и поехал обратно вдоль берега. Когда они приблизились к выступающему мысу, с другой стороны мыса раздался автомобильный сигнал. Текс едва успел свернуть вправо и въехал прямо в прибой, пропуская мчащийся навстречу им фырчащий грузовик оливково-защитного цвета.

— Извозчик! — крикнул Текс в окошко и дал газ.

Барни Хендриксон взглянул на проезжавший мимо по старому следу грузовик и, посмотрев в открытый задник, окаменел. Он увидел самого себя, с насмешливой улыбкой на лице — он качался, когда грузовик подпрыгивал на камнях. В последний момент, когда автомобиль уже исчезал за поворотом, второй Барни Хендриксон в своем кузове, завидев двойника, приложил большой палец к носу и покачал рукой. Барни бессильно опустился на ящики.

— Вы видели? — с трудом выговорил он.— Что это такое?

— Весьма интересное явление,— сказал профессор

Хьюитт, нажимая кнопку стартера на своем генераторе.— Время гораздо более пластиично, чем я предполагал; оно позволяет удваивать, может быть даже утраивать, темпоральные линии мира. Или даже допускает существование бесчисленного количества временных витков. Открывающиеся возможности просто невероятны...

— Может, вы перестанете нести эту абракадабру и объясните мне, что я видел,— оборвал его Барни, отрываясь от почти пустой бутылки.

— Вы видели самого себя, вернее, мы видели нас, когда мы будем... Боюсь, что грамматика английского языка не позволяет точно описать создавшееся положение. Может быть, правильнее сказать, что вы видели этот самый грузовик и себя в нем так, как это будет выглядеть немногим позже. Я думаю, это достаточно просто для понимания.

Барни со стоном опустошил бутылку и вдруг вскрикнул от боли, когда пришедший в себя викинг изловчился и укусил его в лодыжку.

— Лучше кладите ноги на ящики,— предостерег Даллас,— он все еще психует.

Грузовик сбавил скорость, и из кабины донесся голос Текса:

— Мы приехали туда, откуда стартовали, вот здесь начинаются следы шин. Что дальше?

— Поставьте машину по возможности в то самое положение, в каком она была, когда мы сюда приехали, это облегчит мне наладку приборов. Итак, приготовьтесь, господа, мы начинаем наше обратное путешествие через время.

— Тролль таки юдр олл *! — крикнул викинг.

* «Да будете вы добычей троллей!» — языческий эквивалент выражению «Черт подери!»

— Что случилось? — подозрительно спросил Л. М., когда участники экспедиции вошли в его кабинет и устало опустились на те же стулья, с которых они поднялись восемнадцать веков назад. — Что это значит — десять минут назад вы вышли из моего кабинета и спустя десять минут снова возвращаетесь?

— Это для вас десять минут, Л. М., — ответил Барни, — а для нас прошли часы. Машина профессора действует, так что самое первое и самое трудное препятствие мы преодолели. Теперь нам известно, что времеатрон профессора Хьюитта работает даже лучше, чем можно было ожидать. Перед нами открыт путь к тому, чтобы перенести в прошлое целую съемочную труппу и заснять исторически совершенно достоверный, полнометражный, широкоэкранный, реалистичный, дешевый, высококачественный фильм. Наша следующая задача уже попроще.

— Сценарий.

— Вы правы, как всегда, Л. М. И получилось так, что у нас уже есть сценарий, очень реалистический, более того — патриотический. Если я спрошу вас, Л. М., кто открыл Америку, что вы ответите?

— Христофор Колумб в 1492 году.

— Именно так думают все, но на самом деле честь ее открытия принадлежит викингам!

— Разве Колумб был викингом? А я-то всегда считал, что он из евреев.

— Бог с ним, с Колумбом! Еще за пятьсот лет до его рождения корабли викингов отплыли из Гренландии и открыли землю, которую они назвали Винланд — сейчас доказано, что это была Северная Америка. Первая экспедиция под предводительством Эрика Красного *...

* То есть Эрика Рыжего.

— И думать забудь! Ты хочешь, чтобы нас занесли в черный список за выпуск коммунистического фильма?

— Пожалуйста, выслушайте меня до конца, Л. М. После того как Эрик открыл эту страну, туда приплыли викинги, создали поселение, построили дома и фермы, и все это под водительством легендарного героя, Торфинна Карлсфени...

— Ну что за имена! Их тоже придется менять. Я уже вижу центральную любовную сцену: «...поцелуй меня, мой милый Торфинн Карлсфени,— шепчет она». Нет, не пойдет. Не больно-то здорово, Барни.

— Нельзя переделывать историю, Л. М.

— А чем же еще мы занимались всю жизнь? Сейчас не время на меня наседать. И это ты, Барни Хендриксон, который когда-то был моим лучшим директором и продюсером, пока эти вшивые кретины вконец не разорили нас. Возьми себя в руки! Первоочередная задача кино — совсем не воспитание. Мы продаем развлечения, и если они никого не развлекают, их никто не покупает. Именно так я смотрю на вещи. Вы берете своего викинга, называете его Бенни, или Карло, или другим хорошим скандинавским именем и создаете сагу о его приключениях...

— Именно об этом я и думал, Л. М.

— ...например о дне битвы, в которой он, конечно, побеждает. Но он не находит покоя, такой уж у него характер. Тогда он отправляется вовсю и открывает Америку, затем возвращается и говорит: «Смотрите, я открыл Америку!» И они делают его своим королем. Затем девушка с длинными белокурыми волосами — парик, конечно, — она машет ему рукой каждый раз, когда он отплывает и обещает ей вернуться. И вот теперь он уже постарел, на висках седина и шрамы на лице, он много страдал, и на этот раз, вместо того чтобы отплыть одному, он берет с собой девушку и они вместе отплывают при пламенеющем зака-

те в новую жизнь, как первые пионеры на Плимут-Рок. Ну, как?

— Как всегда потрясающе, Л. М. Вы не утратили своего таланта.

Барни устало вздохнул. Доктор Йенс Лин, у которого глаза чуть не выскочили из орбит, издал звук, как будто его душили.

— Но-но... ничего этого не было, все записано в летописях. И даже мистер Хендриксон не совсем прав, считается, что Винланд открыл Лейф Эриксон, сын Эрика Рыжего. Здесь существуют две разные версии — одна взята из «Хаукбука», а другая из «Флатейярбука» и...

— Достаточно! — проворчал Л. М. — Ты уловил мою мысль, Барни? Даже если в исторических книгах все это немного по-другому, мы можем слегка подправить здесь и там, чуть-чуть изменить в других местах, и перед нами готовый сценарий. Кого ты прочишь на главные роли?

— Раф Хоук будет идеален в роли викинга, если только нам удастся его заполучить. А на женскую роль неплохо бы актрису с выразительными формами...

— Слэйти Тоув. Она сейчас свободна, у нее простой. Последние две недели ее проныра-агент обивает пороги в моей конторе — вот откуда я узнал, что она на мели и обойдется нам по дешевке. Дальше тебе понадобится сценарист; используй для этого Чарли Чанга, у него с нами контракт. Он специалист по таким картинам.

— По библейским сюжетам — может быть, но не по историческим фильмам, — с сомнением сказал Барни. — И если уж говорить откровенно, «Вниз с креста», на мой взгляд, не фонтан. Или другой фильм — «Идя по водам Красного моря».

— Цензура зарезала, вот и все. Я сам одобрил оба сценария, и они были великолепны... — Внезапно за стеной

раздался хриплый рев, и Л. М. замер на полуслове.— Слышили?

— Это наш викинг,— объяснил Текс.— Он все лез в драку, поэтому мы оглушили его, сковали и заперли в душевой вашего заместителя.

— Что еще за викинг? — нахмурился Л. М.

— Из местных жителей,— ответил Барни.— Он напал на грузовик, поэтому мы захватили его с собой, чтобы доктор Лин с ним поговорил. Поставщик информации.

— Ташите его сюда. Вот кто нам нужен — человек, который знаком с местной обстановкой и может ответить на наши вопросы о съемке фильма. До чего нужен туземец, который знает все ходы и выходы, особенно когда снимаешь на натуре!

Текс и Даллас вышли из кабинета и через несколько минут, на протяжении которых слышался звон цепей да звучные удары, ввели викинга. Он остановился на пороге, оглядывая комнату осоловелыми глазами; только тут удалось впервые внимательно рассмотреть его.

Викинг был огромный — почти семи футов ростом даже без рогатого шлема — и волосатый как медведь. Спутанные белокурые волосы свисали ниже плеч, а пышные усы исчезали в волнах бороды, покрывавшей грудь. Его одежда состояла из грубошерстной куртки и штанов, причем все это скреплялось и удерживалось на месте целой системой кожаных ремней. От викинга исходил терпкий запах рыбы, несвежего пота и смолы, однако массивный золотой браслет на его руке не казался лишним. Глаза викинга, голубые, почти небесной синевы, свирепо смотрели на присутствующих из-под густых бровей. Он был избит и закован в цепи, но, очевидно, не сломлен, так как стоял с высоко поднятой головой, расправив плечи.

— Добро пожаловать в Голливуд,— обратился к нему

Л. М.— Садитесь,— налейте ему стаканчик, Барни,— и расположайтесь поудобнее. Как, вы сказали, вас зовут?

— Он не говорит по-английски, Л. М.

Лицо у Л. М. Гринспэна вытянулось.

— Да, Барни, я бы не сказал, что мне это нравится. Не люблю говорить через переводчиков — слишком медленно и ненадежно. Окей, Лин, действуй, спроси его имя.

Йенс Лин забормотал себе под нос спряжения старонорвежских глаголов, а потом заговорил вслух:

— Ват хетир мадрин?

Из горла викинга вырвалось лишь рычание — он игнорировал вопрос переводчика.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Л. М.— Я думал, что ты болтаешь на его наречии? Он что, не поминает тебя?

— Необходимо терпение, сэр. Старонорвежский был мертвым языком почти тысячу лет, и мы знакомы с ним только на основании письменных источников. Единственный современный язык, который стоит ближе всего к старонорвежскому, — исландский, и сейчас я воспользовался исландским произношением и интонацией...

— Ну хорошо, хорошо. Мне не нужны лекции. Успокой его, умасли несколькими стаканчиками виски, и примемся за дело.

Текс подтолкнул стул к пяткам викинга, и тот опустился на него, свирепо озираясь вокруг. Барни взял бутылку «Джека Даниэльса» из бара, скрытого за поддемьным Рембрандтом, и налил половину высокого коктейльного стакана. Но когда Барни поднес стакан к губам викинга, тот резко отдернул голову в сторону и зазвенел цепями, сковывавшими запястья.

— Эйтр! * — огрызнулся он.

* Яд!

— Он думает, что вы хотите его отравить,— объяснил Лин.

— Ну, разубедить его нетрудно,— Барни поднес стакан ко рту и сделал огромный глоток. На этот раз викинг позволил поднести стакан к своим губам и начал пить. По мере того как содержимое стакана исчезало в глотке, глаза у викинга открывались все шире и шире.

— Один ок Фриг*! — радостно завопил он, осушив последнюю каплю и страхивая с глаз слезы.

— Еще бы это ему не понравилось — семь двадцать пять бутылка плюс налог,— проворчал Л. М.— Готов побиться об заклад, что там, откуда он явился, нет ничего подобного. Спроси-ка спаса его имя.

Викинг нахмурился от напряжения, пытаясь понять вопрос, который повторяли ему и так и сяк, и наконец уловил, чего от него хотят.

— Оттар,— ответил он.

— Ну вот, хоть какой-то прогресс,— отозвался Л. М. и бросил взгляд на часы.— Ведь уже четыре часа утра, а мне хотелось бы уладить это дело как можно скорее. Спроси этого Оттара о валютном курсе — кстати, какими деньгами они пользуются, Лин?

— Дело в том, что... в основном у них меновая торговля, хотя упоминается серебряная марка...

— Именно это нам и нужно знать. Сколько марок за доллар, и пусть не пытается ссылаться на инфляцию. Мне нужны цены на свободном рынке, больше меня не проведешь, и, если понадобится, мы купим марки в Танжере...

Внезапно Оттар взревел, рванулся вперед, опрокинув свой стул и отшвырнув попавшегося на пути Барни — тот грохнулся прямо на растения в горшках,— и сграбастал

* Один и Фрейя (скандинавские боги).

обеими руками бутылку виски. Он уже почти поднес ее к губам, когда кастет Текса опустился ему на затылок, и обмякшее тело викинга рухнуло на пол.

— Что это такое? — закричал Л. М. — Убийство у меня в кабинете? В нашей фирме и так хватает сумасшедших — отвезите этого парня обратно и найдите мне другого, кто говорит по-английски; в следующий раз я хочу обойтись без переводчика.

— Ни один из них не говорит по-английски, — угрюмо проворчал Барни, осторожно извлёкая из своего костюма шипы кактуса.

— Тогда научите его — но хватит с меня сумасшедших.

IV

Барни Хендриксон подавил стон и дрожащей рукой поднял к губам бумажный стаканчик черного кофе. Он уже забыл, сколько часов — или веков — он не сомкнул глаз. Затруднения возникали одно за другим, а рассвет следующего дня принес новые проблемы. Пока Барни потягивал кофе, голос Далласа Леви журжал в телефонной трубке подобно рассерженной осе.

— Согласен, Даллас, согласен, — прохрипел Барни едва слышно в ответ — после того, как он выкурил подряд три пачки сигарет, его голосовые связки отказали. — Оставайся с ним и постарайся его успокоить... Около этих старых пакгаузов ни единой живой души... ну хорошо, последние три часа ты получал двойную ставку... ладно, теперь получишь тройную, я дам расписку. Только не выпускай его из-под замка, пока мы не решим, что с ним делать. И передай доктору Лину, чтобы он пришел ко мне как можно быстрее. Пока.

Барни опустил телефонную трубку и попытался скон-

центрировать свое внимание на лежащем перед ним листочке бумаги с бюджетом съемочной группы. Пока что чуть не около каждой строчки стояли вопросительные знаки — будет нелегко протащить этот бюджет через бухгалтерию. А что будет, если полиция разнюхает о том, что у них в старом пакгаузе заперт викинг? Может ли быть законным обвинение в похищении человека, умершего почти тысячу лет назад?

— Голова кругом идет, — пробормотал он и протянул руку за новым стаканом кофе.

Профессор Хьюитт, свеженький как огурчик, ходил взад и вперед по кабинету, крутил ручку карманной счетной машинки и записывал результаты в записную книжку.

— Ну как дела, проф? — спросил Барни. — Сможем ли мы послать в прошлое что-нибудь большее по размеру, чем наши грузовики?

— Терпение, наберитесь терпения. Природа раскрывает свои секреты очень неохотно, и открытие может не состояться лишь из-за того, что запятая в десятичной дроби оказалась не на месте. Ведь кроме обычных четырех измерений физического пространства и времени необходимо принять во внимание три дополнительных измерения — перемещение в пространстве, массу, кумулятивную ошибку, которая, по моему мнению, вызывается энтропией...

— Избавьте меня от деталей, проф, мне нужен всего лишь ответ.

Селектор на его столе загудел, и Барни велел секретарше провести доктора Лина прямо в кабинет. Лин отказался от предложенной сигареты и, согнув длинные ноги, опустился в кресло.

— Ну, выкладывайте дурные новости, — сказал Барни, — или это ваше обычное выражение лица? Неполадки с викингом?

— Как вы сами выразились, неполадки. Перед нами стоит проблема коммуникации, поскольку степень моего владения старонорвежским языком далека от совершенства и в придачу Оттар не проявляет никакого интереса к тому, о чем я пытаюсь с ним говорить. Тем не менее мне кажется, что с помощью известных поощрительных мер его можно убедить в том, что он должен овладеть английским языком.

— Поощрительных мер?..

— Денег или их эквивалента в одиннадцатом столетии. Подобно большинству викингов, он падок на деньги и готов на что угодно, лишь бы добиться высокого положения и богатства, хотя он, разумеется, предпочитает достичь этого с помощью убийств и насилия.

— С этим не будет никаких затруднений. Мы готовы платить ему за уроки, бухгалтерия уже разработала валютный курс — разумеется, в нашу пользу, но как насчет времени? Вы можете научить его говорить по-английски за две недели?

— Это совершенно исключено! С человеком, который стремится овладеть языком, этого можно добиться, но не с Оттаром. Мягко выражаясь, у него полное отсутствие такого стремления, да плюс к тому он отказывается делать что бы то ни было, пока его не освободят. А это тоже немаловажно.

— Немаловажно! — сказал Барни и почувствовал вдруг непреодолимое желание вырвать у себя клок волос. — Представляю себе этого волосатого психа с его топором на углу Голливуд-стрит и Вайн. Об этом не может быть и речи!..

— Если мне позволят внести предложение... — сказал профессор Хьюитт, внезапно прекратив свое бесконечное хождение и повернувшись к Барни. — Если доктор Лин вернется с этим аборигеном в его время, то у него поя-

вится отличная возможность вести обучение английскому языку в привычной для викинга обстановке, что должно ободрить и успокоить его.

— Однако это совсем не ободрит и не успокоит меня, профессор,— холодно заметил Лин.— Жизнь в те времена была жестокой и очень короткой.

— Я уверен, что можно принять предохранительные меры, доктор,— сказал профессор, возвращаясь к своим вычислениям.— Мне кажется, что филологические перспективы в данном случае значительно перевешивают фактор личной безопасности...

— В этом вы, несомненно, правы,— согласился Лин, устремив свой невидящий взгляд в дебри существительных, корней, падежей и склонений, давным-давно скрытых под пластами времени.

— ...не говоря уже о том, что в этом случае временной фактор может быть изменен так, как это нужно нам. Господа, мы можем сокращать время или растягивать его до бесконечности! Доктор Лин может потратить на обучение Оттара десять дней, десять месяцев или десять лет, оказавшись в эре викингов, а после того как мы вернемся за ним, с нашей точки зрения, пройдет несколько минут.

— Двух месяцев будет достаточно,— огрызнулся Лин,— если вас интересует *моя* точка зрения.

— Ну вот и отлично,— сказал Барни.— Лин отправится в прошлое с викингом и научит его английскому языку, а мы прибудем со съемочной группой через два месяца по викинговскому времени и приступим к съемкам фильма.

— Я еще не дал своего согласия,— настаивал Лин.— Опасность...

— Интересно, насколько это приятно — быть величайшим и единственным во всем мире специалистом по старорвежскому языку? — вкрадчиво спросил Барни, уже

успевший приобрести некоторый опыт в общении с академическим умом, и отсутствующее выражение на лице Лина показало, что стрела попала точно в цель.— Отлично! Подробности мы обдумаем позже. А теперь почему бы вам не отправиться к Оттару и не попробовать объяснить ему все это? Не забудьте упомянуть про деньги. Мы заставим его подписать контракт и включим статью о неустойке, так что вы будете в полной безопасности, пока у него не угаснет желание получать монеты.

— Ну, это можно,— согласился Лин, и Барни понял, что доктор поймал на крючок.

— Отлично! Отправляйтесь к Оттару и объясните, чего мы от него хотим, а, пока вы будете его обрабатывать, я свяжусь с отделом контрактов и попрошу их составить один из тех, на первый взгляд законных, пожизненных каторжных контрактов, которыми они славятся.— Барни нажал на рычажок селектора.— Соедини-ка меня с контрактным, Бетти. И где же, наконец, мой бензедрин?

— Я звонила в амбулаторию час назад,— проквакал селектор.

— Позвони еще раз, если хочешь, чтобы я не протянул ноги после полудня.

Как только Йенс Лин вышел из кабинета, в дверях появился миниатюрный человек восточного типа с кислым выражением физиономии, одетый в розовые брюки, вишневого цвета рубашку и спортивную куртку из твида.

— Привет, Чарли Чанг,— рявкнул Барни, протягивая руку.— Не видел тебя сто лет.

— Действительно, сто лет,— согласился Чарли, широко улыбаясь и тряся протянутую руку.— Счастлив снова работать с тобой.

Они терпеть не могли друг друга, и как только их руки освободились, Барни зажег сигарету, а на лице Чанга

улыбка превратилась в обычную кислую гримасу.— Что-нибудь наклевывается, Барни? — спросил он.

— Широкоэкранный фильм на три часа с солидным бюджетом, и ты — единственный человек, который мог бы написать сценарий.

— У нас уже не хватает книжных сюжетов, Барни, но я всегда считал, что «Песня Соломона», полнаяекса, по без примеси порнографии, была бы...

— Сюжет для фильма уже выбран — совершенно новая идея об открытии Америки мореплавателями-викингами.

Выражение лица Чанга стало еще более кислым.

— Звучит нехорошо, Барни, но ты же знаешь, на какие темы я пишу. Не думаю, что викинги по моей линии.

— Ты отличный писатель, Чарли, а это значит, что все по твоей линии. К тому же ты подписал контракт, — прибавил Барни, вытаскивая из ножен на несколько дюймов кинжал угрозы так, чтобы собеседник его заметил.

— Конечно, нельзя забывать о контракте, — холодно произнес Чарли. — Я всегда мечтал написать сценарий для исторического фильма.

— Великолепно! — воскликнул Барни, снова придвигая к себе листочек с бюджетом фильма. Дверь распахнулась, и рассыльный вкатил тележку, доверху нагруженную книгами. Барни показал на них. — Вот тебе из библиотеки все, что нужно по викингам, — быстренько просмотря, и через минуту мы с тобой обсудим набросок сценария.

— Через минуту, да, да, — сказал Чарли, мрачно разглядывая несколько десятков толстенных томов.

— Пять тысяч семьсот семьдесят три и двадцать восемь сотых кубических фута с нагрузкой двенадцать тысяч семьсот семьдесят семь и шестьдесят две сотых килограмма при условии увеличения затраты энергии на

двадцать семь целых две десятых процента,— внезапно сообщил профессор Хьюитт.

— О чём это вы говорите? — рявкнул Барни.

— Это те данные, о которых вы меня спрашивали,— какой груз может быть перенесен времеатроном в прошлое при увеличении подачи электроэнергии.

— Великолепно! А теперь не будете ли вы так любезны перевести это на обычновенный язык?

— Грубо говоря,— профессор закатил глаза и что-то быстро-быстро забормотал про себя на едином выдохе.— Я полагаю, что во времени и пространстве может быть перемещен груз весом в четырнадцать тонн и размерами двенадцать на двенадцать на сорок футов.

— Вот это понятнее. Похоже, сюда вместится все, что нам будет нужно в прошлом.

— Контракт, который вы просили,— сказала Бетти, опуская на письменный стол документ на восьми листах.

— Хорошо,— сказал Барни, перелистывая страницы хрустящей меловой бумаги.— Пригласи сюда Далласа Леви.

— В приемной ждет мисс Тоув со своим импресарио. Ей можно войти?..

— Только не сейчас! Скажи ей, что у меня разыгралась проказа и я никого не принимаю. И где, наконец, мои бенни? Я не продержусь до полудня на одном кофе!

— Я уже три раза звонила в амбулаторию. Сегодня у них, кажется, не хватает персонала.

— Тогда лучше сходи сама и принеси бензедрин.

— Барни Хендриксон, я не видела тебя столько лет...

Эти слова, произнесенные хрипловатым голосом, пронеслись по кабинету, и в нем тотчас воцарилась тишина. Злые языки говорили, что Слэйти Тоув обладает актерскими способностями марионетки, у которой порваны ни-

точки, умом обезьяны чихуахуа и нравственностью Фани Хилл. И они были совершенно правы. Тем не менее эти достоинства, вернее их отсутствие, не могли объяснить потрясающий успех фильмов, в которых Слайти снималась. Единственным достоинством, которым она обладала в избытке, было ярко выраженное женское начало плюс ее удивительная способность вступать в контакт, если можно так выразиться, на гормональном уровне. Слайти распространяла вокруг себя не столько аромат секса, сколько аромат сексуальной доступности. И это также соответствовало действительности. Причем этот аромат был настолько силен, что с минимальными потерями просачивался сквозь барьеры пленки, линз и проекторов и захлестывал зрителя потоками горячей дымящейся страсти с серебряного экрана кинематографа. Ее картины делали сборы. Женщины, как правило, не любили ходить на них. Теперь этот специфический аромат, свободный от препятствий в виде пространства, времени и целлулоида кинопленки, ворвался в кабинет, заставив всех мужчин повернуться к Слайти. Казалось, если бы в кабинете стоял счетчик Гейгера, он трещал бы уже не переставая.

Бетти громко фыркнула и вылетела из комнаты, но в дверях, в которых боком стояла актриса, ей пришлось сбавить скорость. Правду говорили, что у Слайти самый большой бюст в Голливуде...

— Слайти... — произнес Барни, и голос его сел. Конечно, из-за того, что было выкурано слишком много сигарет.

— Барни, дорогой, — произнесла актриса, пока гидравлические поршни ее округлых ног медленно и плавно несли ее через комнату, — я не видела тебя целую вечность.

Опершись на край письменного стола, Слайти наклонилась вперед. Сила земного тяготения тут же потянула

вниз тонкую ткань ее блузки, и не меньше девяноста восьми процентов ее монументальной груди появилось в поле зрения продюсера.

— Слайти... — сказал Барни, мгновенно вскакивая на ноги. — Я хотел поговорить с тобой о роли в картине, которую мы будем делать, но ты видишь, я сейчас занят...

Нечаянно он взял ее руку, которая тут же запульсировала в его пальцах как огромное, горячее, бьющееся сердце, и актриса наклонилась еще больше. Барни отдернул руку.

— Если ты подождешь несколько минут, я займусь тобой, как только освобожусь.

— Тогда я сяду вот здесь около стекни, — раздался низкий голос, — и не буду никому мешать.

— Вы меня звали? — спросил Даллас Леви, с порога обращаясь к Барни и в то же время пожирая глазами актрису. Гормоны вступили в контакт с гормонами, и Слайти глубоко вздохнула. Даллас удовлетворенно улыбнулся.

— Да, — сказал Барни, извлекая контракт из-под горы бумаг на столе. — Отнеси вот это Лину и передай ей, чтобы его друг подставил. У тебя еще какис-то неприятности?

— После того как мы обнаружили, что ему нравится пережаренный бифштекс и пиво, никаких. Всякий раз когда он начинает волноваться, мы суем ему в пасть еще один бифштекс и кварту пива, и он сразу успокаивается. Пока что выведено в расход восемь бифштексов и восемь кварт пива.

— Давай, пусть подпишет, — сказал Барни, и его взгляд случайно упал на Слайти, которая опустилась в кресло и скрестила обтянутые шелком ноги. На ее подвязках были маленькие розовые бантики...

— Ну, что ты скажешь, Чарли? — спросил Барни, сильно опускаясь в свое вращающееся кресло и делая поворот на сто восемьдесят градусов. — Уже есть идея?

Чарли Чанг поднял двумя руками толстую книгу и показал Барни.

— Пока я на тринадцатой странице первого тома, и осталось еще порядочно.

— Это всего лишь иллюстративный материал, — сказал Барни. — Я думаю, мы сможем набросать план в общих чертах сейчас, а детали ты вставишь позже. Л. М. предложил сделать сагу, и, мне кажется, это отличная мысль. Действие начнется на Оркнейских островах примерно в 1000 году, когда происходит масса событий. Там у тебя будут норвежские поселенцы, и грабители-викинги, и атмосфера, накаленная до предела. Может быть, стоит начать с рейда викингов — корабль с головой дракона медленно скользит по черной воде, представляешь?

— Вроде как в вестерне, когда бандиты, готовясь к ограблению банка, молча въезжают в спящий город?

— Примерно так. Дальше: главный герой — вождь викингов или, может быть, главарь поселенцев на берегу, ты сам сообразишь, как лучше. Происходит бой, затем еще какая-нибудь битва, поэтому герой решает вместе со своим племенем переселиться в новую страну — Винланд, об открытии которой он только что узнал.

— Что-то вроде покорения Запада?

— Точно. Затем путешествие, штурм, кораблекрушение, высадка на берег, первое поселение, битва с индейцами. И думай пошире, потому что у нас будет много массовых сцен. И заключение на высокой ноте — в свете заходящего солнца.

Чарли Чанг, слушая Барни, торопливо записывал свои заметки на титульном листе книги и кивал головой в знак согласия.

— Еще один вопрос,— сказал он, выставив вперед книгу.— Некоторые имена в хронике — один смех. Вот послушай только, здесь есть Эйольф Вонючий. И дальше Пиг Полярный Медведь, Рагнар Волосатые Штаны — и миллион таких же. Конечно, можно их вставить для смеха...

— Это серьезный фильм, Чарли, самый серьезный из всех, какие тебе приходилось делать.

— Конечно, Барни, ты — босс. Это просто предложение. Будет любовная линия?

— Да, и начни ее пораньше — ты знаешь, как это делается.

— Эта роль создана для меня, Барни, милый,— прошептали ему в ухо, и теплые руки обвили шею продюсера.

— Не позволяй ему улестить тебя, Слэйти,— раздался приглушенный голос.— Барни Хендриксон мой друг, мой очень старый друг, но он бизнесмен до мозга костей, хитрый и проницательный, и что бы ты ему ни обещала — хотя мне и не хочется этого говорить,— я должен буду внимательно изучить все контракты, перед тем как ты их подпишешь.

— Айвэн,— прохрипел Барни, пытаясь вырваться из душистого осьминожьего плена,— будь добр, оттащи свою клиентуру в сторону на несколько минут, и потом я займусь вами. Не знаю, сумеем ли мы договориться, но тогда мы по крайней мере сможем говорить.

Айвэн Гриссини, несмотря на свой горбатый нос, черные волосы и мятый покрытый перхотью костюм, что делало его похожим на классический тип мошенника, был настоящим мошенником. Он чуял запах долларов за десять миль против ветра во время грозы с градом и всегда носил с собой шестнадцать авторучек, которые он неизменно наполнял каждое утро, перед тем как отправиться к себе в контору.

— Посиди рядом со мной, бэби,— сказал он, направляя Слайти в угол привычным отработанным движением. Поскольку Слайти не была набита зелененькими, Гриссини оставался невосприимчивым к ее чарам.— Барни Хендриксон всегда делает то, что обещал, и даже еще больше.

Телефон зазвенел в ту самую минуту, когда в дверях появился Йенс Лин, размахивая контрактом.

— Оттар не может это подписать,— сказал он.— Ведь контракт на английском языке.

— Так переведите ему, вы же технический советник. Одну минутку,— проговорил он в трубку.

— Я могу перевести контракт, это чрезвычайно трудно, но возможно, однако зачем это? Ведь Оттар не умеет читать.

— Подождите минутку, Лин. Нет, это я не тебе, Сэм. Знаю, Сэм... Конечно, я видел предварительные расчеты, ведь я сам их составил. Нет, не нужно спрашивать меня, где я достаю ЛСД... Будь реалистом, Сэм. Согласен, мы не вчера родились, ни ты, ни я... Как ты не понимаешь, что этот фильм может быть снят в пределах той цифры, которую я дал тебе, плюс или минус пятьдесят тысяч... Не говори, что это невозможно, Сэм. Помнишь поговорку — мы делаем и невозможное, просто для этого требуется немного больше времени? Что? Прямо по телефону? Сэм, будь благоразумен. У меня в кабинете сейчас настоящий цирк, да-да, Барнум и Бейли, я просто не могу сейчас входить в детали... Отделаться? Я? Никогда! Да-да, конечно, спроси его. Л. М. в курсе дел с самого начала, он следит за каждым шагом, и ты увидишь, что он поддерживает меня по каждому пункту... Верно... И тебе того же самого, Сэм.

Барни опустил трубку, и Чарли Чанг сказал:

— Её взяли в плен, когда пираты напали на поселение; в начале картины она сопротивляется ему с ненавистью, но затем вопреки ее собственной воле ненависть переходит в любовь.

— Меня еще никогда не брали в плен пираты, — прокричела Слайти из угла.

— Отличная мысль, Чарли, — согласился Барни.

— И даже если бы он мог читать — он все равно не умеет писать, — продолжал Лии.

— У нас не раз возникала такая же проблема с иностранными актерами, — повернулся к нему Барни. — Под коли к контракту перевод, заверенный двуязычным нотариусом, затем пусть Оттар обмакнет большой палец в чернила и приложит его в конце каждого документа. Когда отпечаток его пальца заверят два нейтральных свидетеля, этот документ будет признан действительным в любом суде мира.

— Не так-то просто найти нотариуса, владеющего в равной степени английским и старонорвежским языками...

— Обратись в отдел кадров, они могут найти кого угодно.

В открытую дверь вошла секретарша и водрузила на письменный стол пузырек, полный таблеток бензедрина.

— Вот ваши бенни, мистер Хендриксон.

— Слишком поздно, — прошептал Барни, глядя перед собой неподвижным взглядом, — слишком поздно.

Телефон и селектор зазвенели одновременно. Барни вытряхнул из пузырька на ладонь пару таблеток и запил их холодным, пахнущим картоном кофе. Затем он нажал на рычажок селектора.

— Хендриксон слушает.

— Барни, сейчас же зайди ко мне, — раздался голос Л. М.

Бетти подняла телефонную трубку.

— Это секретарша Л. М. Гринспэна,— сказала она Барни.— Л. М. хочет, чтобы вы зашли к нему.

— Понятно.

Барни с трудом поднялся из-за стола — болели мускулы — и подумал, сколько времени потребуется, чтобы бензедрин начал действовать.— Навались на работу, Чарли, мне понадобится конспект сценария — пара страниц, и как можно скорее.

Когда он проходил мимо Гриссини, проворные руки импресарио устремились к лацкану его пиджака, но Барни с искусством, рожденным многолетней практикой, ловко увернулся.

— Подожди минутку, Айвэн, я поговорю с тобой сразу после возвращения от Л. М.— Хор голосов мгновенно стих, отрезанный захлопнувшейся дверью.— Будь добра, Бетти, дай мне свое полотенце,— попросил он.

Бетти протянула ему полотенце, и Барни набросил его на плечи, тщательно подоткнув его край за воротник рубашки. Затем он наклонил голову, подсунул ее под водопроводный кран и чуть не задохнулся, когда Бетти открыла кран. В течение нескольких секунд струя ледяной воды текла на затылок и шею продюсера, затем он выпрямился и вытер голову и шею полотенцем. Бетти одолжила ему свой гребешок. После ледяного душа он чувствовал себя слабее, но все-таки лучше и, когда посмотрел в зеркало, увидел, что выглядит почти как человек. Почти.

— Запри за собой дверь,— распорядился Л. М., когда Барни вошел в его кабинет, затем, хрюкнув от напряжения, перекусил кусачками последний телефонный провод.

— Больше нет, Сэм?

— Этот был последний,— сказал Сэм серым бесцветным голосом. Внешне Сэм тоже выглядел весьма серым и

бесцветным, что было, несомненно, защитной окраской, ибо Сэм был личным персональным бухгалтером Л. М., и о нем ходила слава как о самом большом в мире специалисте по корпоративным финансам и увиливанию от уплаты налогов. Он прижал к груди папку с документами и посмотрел на Л. М.— В этом уже нет необходимости,— сказал он.

— Может быть, может быть,— Л. М. опустился в кресло, отдуваясь.— Но стоит мне только произнести слово «банк», когда у меня в кабинете не перерезаны провода, как мое сердце начинает биться с перебоями. У меня плохие новости для тебя, Барни.— Он откусил конец сигары.— Мы разорены.

— Что это значит? — Барни перевел взгляд с одного непроницаемого лица на другое.— Это что, шутка?

— Л. М. имеет в виду,— уточнил Сэм,— что «Клай-мэйтк студиоз» в ближайшее время обанкротится.

— Сели на мель, загублено дело всей моей жизни,— сказал Л. М. глухим голосом.

Сэм механически кивнул, подобно кукле чревовещателя, и сказал:

— В общих чертах положение таково. Обычно мы только через три месяца шлем свой финансовый отчет в банки, которые, как ты знаешь, держат контрольный пакет нашей студии. Однако по неизвестным для нас причинам они присыпают своих ревизоров для проверки бухгалтерских книг уже на следующей неделе.

— Ну? — спросил Барни и внезапно ощутил легкое головокружение. Тишина стала невыносимой; он вскочил и начал ходить по кабинету.— Ну и они обнаружат, что студия на мели, что все прибыли — только на бумаге,— Барни повернулся к Л. М. и драматическим жестом указал на него,— и что все деньги перекачаны в фонд Л. М. Гринспэна, не облагаемый налогом. Не удивительно,

что вы не переживаете, Л. М. Пусть себе студия катится под откос, а Л. М. Гринспэн будет идти вперед!

— Поосторожнее выражайтесь! Разве можно так разговаривать с тем, кто вывел тебя в люди...

— Вывел в люди — а теперь выводит! — Барни ударили себя по шее ребром ладони сильнее, чем это входило в его планы.— Послушайте, Л. М., — сказал он умоляющим голосом, потирая ушибленное место, — мы не должны сдаваться! Пока не опустится топор, у нас еще остается шанс! Ведь вы считали, что еще есть надежды на спасение, иначе бы вы не связались с профессором Хьюиттом и его машиной. Вы, наверно, думали, что большие кассовые сборы уменьшат давление со стороны банков, снова сделают фирму платежеспособной. И мы все еще можем сделать это!

Л. М. с мрачным видом покачал головой.

— Не хочу сказать, что приятно пожимать руку человеку, который вот-вот вонзит тебе нож в спину, но что я могу сделать? Конечно, финансовый успех фильма, даже просто отснятая, но не вышедшая на экраны большая картина позволила бы нам смеяться над банковской ревизией, но ведь мы не можем сделать фильм за неделю.

Мы не можем сделать фильм за неделю! Эти слова шевелились в отупевшей от кофеина, никотина и бензедрина голове Барни, будя какие-то далекие смутные воспоминания.

— Л. М., — сказал Барни, сопровождая свои слова драматическим жестом, — у вас будет инфаркт!

— Типун тебе на язык! — охнул Л. М. и схватился за мощный пласт жира где-то в районе сердца. — И не произноси больше этого слова. Одного инфаркта мне вполне достаточно.

— Послушайте. Вы отправляетесь вместе с Сэмом к себе домой, чтобы поработать над бухгалтерскими книгами, и, конечно, берете их с собой. Сегодня вечером вы заболеваете. Может быть, это расстройство желудка, а может, инфаркт. Ваш доктор говорит, что он подозревает инфаркт. В благодарность за все те деньги, которые он получил от вас, он должен оказать вам эту маленькую любезность. Несколько дней все бегают туда-сюда и кричат, бухгалтерские книги временно забыты, затем подходит уикэнд, и никому и в голову не придет смотреть книги раньше понедельника, может быть, даже вторника.

— Понедельника, — твердо сказал Сэм. — Ты не знаешь банков, Барни. Если в понедельник мы не представим книг, они пошлют на дом к Л. М. автобус с врачами.

— Ну хорошо, в понедельник. У нас все равно достаточно времени.

— Пусть понедельник — что от этого изменится? Откровенно говоря, я озадачен, — Л. М. нахмурился и принял озадаченный вид.

— А вот что, Л. М. Утром в понедельник я доставлю вам в кабинет отснятую картину. Картина, которая принесет вам два-три миллиона только из-за продолжительности, широкоскраннысти и цвета.

— Ты сошел с ума!

— Ничуть, Л. М. Вы забыли про времеатрон. Машина профессора Хьюитта действует. Помните, вчера вечером вы еще подумали, что мы отлучились на десять минут? — Л. М. неохотно кивнул головой. — Так оно и было — по вашему времени. Но по времени викингов мы провели в прошлом более часа! И мы можем все повторить. Отправим съемочную группу со всем необходимым в прошлое, и пусть она остается там столько времени, сколько ей нужно для того, чтобы сделать фильм.

— Ты хочешь сказать...

— Совершенно верно. Когда мы вернемся обратно с отснятым фильмом, вам будет казаться, что прошло всего десять минут!

— Почему же никто не подумал об этом раньше? — прошептал Л. М. с блаженной улыбкой на лице.

— Тут много причин...

— Так ты хочешь сказать, — Сэм подался вперед так, что чуть не упал с кресла, и какой-то намек на выражение, может быть, даже на улыбку появился на его лице. — Так ты хочешь сказать, что мы будем платить только за десять минут производства фильма?

— Я имел в виду совсем не это, — огрызнулся Барни. — И вообще хочу сразу предупредить, что с точки зрения бухгалтерии здесь будет масса трудностей. Тем не менее, чтобы ободрить вас, я гарантирую, что мы произведем все съемки на местности — со многими массовыми сценами — за одну десятую стоимости фильма, снятого в Испании.

Глаза Сэма сверкнули.

— Я незнаком с подробностями этого проекта, Л. М., но некоторые детали кажутся там весьма интересными.

— И ты сможешь сделать это, Барни? Сможешь снять такой фильм?

— Я сделаю это, только если вы окажете мне всяческое содействие и не будете задавать вопросов. Сегодня вторник. Пожалуй, к субботе мы сможем закончить всю подготовку. — Барни начал загибать пальцы. — Нам нужно подписать контракты с главными исполнителями, запастись достаточным количеством пленки, набрать технический персонал, взять по крайней мере две дополнительные съемочные камеры... — Он продолжал бормотать себе под нос, перечисляя все необходимое. — Да, — сказал он наконец, — мы можем сделать это.

— И все-таки не знаю... — задумчиво сказал Л. М. — Уж больно сумасшедшая идея...

Будущее грандиозного боевика висело на волоске, и Барни отчаянно пытался найти довод, который убедил бы Л. М.

— Еще одно, Л. М. Если мы будем вести съемки в течение шести месяцев, то придется, конечно, платить заработную плату за все шесть месяцев. Однако если взять кинокамеры и остальное съемочное оборудование напрокат, то мы заплатим ренту лишь за несколько дней!

— Барни, — сказал Л. М., выпрямляясь в кресле, — ты назначаешься режиссером и продюсером этой картины.

V

— Вы еще услышите о Синекитте, мистер Хендриксон...

— Барни...

— ...еще услышите, Барни, эта история еще не окончена. После войны итальянцы создали неореалистическое искусство, затем ему на смену пришел кухонный реализм английской кинематографии. Но понимаешь, Барни, Рим еще не умер. Такие ребята, как я, приезжают ненадолго в Голливуд, совершенствуют технику, схватывают на лету новые приемы...

— А попутно и солидные гонорары...

— Не отрицаю, их привлекают доллары. Да, знаешь, Барни, вряд ли мы сумеем заснять что-нибудь на цветную пленку в это время дня. — Он взмахнул своим восьмимиллиметровым Болексом, висящим на ремешке на запястье. — Нужно было зарядить камеру черно-белым три-экс. Ведь уже пять часов вечера.

— Не беспокойся, Джино, ручаюсь, что у тебя будет

сколько угодно света,— Барни поднял голову и увидел, как из двери пакгауза вышел Эмори Блестэд.— Подойди-ка сюда, Эмори,— окликнул он инженера.— Познакомься, это наш кинооператор Джино Каппо. Джино, это Эмори Блестэд, наш инженер.

— Очень рад познакомиться,— сказал Эмори, пожимая руку итальянца.— Меня всегда интересовало, как вам удалось добиться этих отталкивающих киноэффектов в «Осенней любви».

— Вы имеете в виду «Порко мондо»? Это не киноэффекты, именно так выглядят некоторые районы Югославии.— Он повернулся к Барни.— Даллас просил меня передать, что они приведут Оттара через пять минут.

— Давно пора. Пусть профессор прогревает свою машину.

Барни, болезненно морщась, вскарабкался в кузов армейского грузовика и опустился на ящики. Ему все-таки удалось соснуть с часок на кушетке в своем кабинете, но его разбудил очередной срочный вызов Л. М., и Барни поднялся в его кабинет для продолжительного спора из-за бюджета фильма. Истощение начинало сказываться.

— Я заново отрегулировал все свое оборудование,— сообщил ему профессор Хьюитт, радостно похлопывая по контрольной панели времеатрона.— И начиная с этого дня могу гарантировать будущим путешественникам максимальную точность, как во времени, так и в географическом плане.

— Великолепно. Отрегулируйте все так, чтобы мы прибыли на то же место, что и раньше, в тот же день и в тот же час. Тогда было превосходное освещение.

Дверь распахнулась, и пакгауз наполнился громкими гортанными звуками. В помещение пошатываясь ввалился Оттар в сопровождении Йенса Лина и Далласа Леви, которые не столько сдерживали, сколько поддерживали ви-

кинга — Оттар был в стельку пьян. За ними шествовал Текс, кативший перед собой тележку, доверху нагруженную ящиками. Понадобились совместные усилия всех троих, чтобы забросить викинга в кузов грузовика, где он тотчас же впал в забытье, что-то бормоча с блаженным видом. Оттара со всех сторон забаррикадировали ящиками.

— Что это в них? — поинтересовался Барни.

— Товары для обмена, — ответил Лин, с трудом перекидывая ящик с надписью «Виски Джек Даниэльс» через задний борт грузовика. — Оттар подписал контракт, я ужасно удивился, что здесь удалось разыскать исландского нотариуса...

— В Голливуде можно найти что угодно.

— ...и Оттар согласился учить английский язык после того, как его доставят домой. У него появился заметный интерес к алкогольным напиткам двойной очистки, и мы заключили соглашение — за каждый день учебы по бутылке виски.

— Неужели вы не могли всучить ему какой-нибудь сивухи? — спросил Барни, когда второй ящик «Джека Даниэльса» исчез в кузове. — Как же я буду выкручиваться перед бухгалтерией?

— Мы пробовали, — вставил Даллас, перекидывая через борт третий ящик. — Попытались всучить ему пойло вроде «Оулд Оуверкоут» — 95-градусный хлебный спирт, но он сделал отворот поворот. Изысканный вкус у этого дикаря! Два месяца обучения, пять ящиков виски — та-ковы условия.

Йенс Лин вскарабкался в кузов, и Барни с восхищением уставился на его высокие, до колен, саперные сапоги, краги, охотничью куртку с множеством карманов и ножны с огромным ножом.

— А зачем этот костюм для джунглей? — спросил он.

— Просто чтобы остаться в живых и для удобства,— объяснил Лин, освобождая место для спального мешка и огромного сундука, который Даллас с трудом втащил в кузов.— Здесь у меня ДДТ против вшей, которых там, конечно, хоть пруд пруди, таблетки для питьевой воды и запас консервов. Питание в те времена не отличалось разнообразием, и современному человеку оно, конечно, не годится. Поэтому я решил принять простейшие меры предосторожности.

— Очень предусмотрительно,— заметил Барни.— Эй вы, влезайте сюда и закрывайте задний борт, пора отправляться!

Хотя времеатрон по-прежнему завывал и искры бегали по его поверхности с той же интенсивностью, обстановка в машине была далеко не такой напряженной. Условные рефлексы человека, живущего в мире машин, одержали победу, и путешествие во времени казалось теперь таким же обыкновенным, как подъем в скоростном лифте, полет на реактивном самолете, спуск в подводной лодке или взлет в космической ракете. Только Джино, для которого это путешествие было первым, проявил признаки беспокойства, бросая быстрые взгляды то на ряды электронных инструментов, то на закрытую дверь пакгауза. Однако явное спокойствие других пассажиров — Барни ухитрился заснуть во время путешествия, а Даллас и датский филолог затеяли спор из-за того, что одна из бутылок виски оказалась открытой и, стало быть, терялся один день обучения английскому языку,— благотворно подействовало на оператора. В момент перехода от одного темпорального состояния в другое Джино, потрясенный, привстал, однако тут же сел, когда ему в руки сунули бутылку. Тем не менее, когда за грузовиком появилось сверкающее

голубое небо и соленый морской воздух наполнил легкие, у него глаза на лоб полезли.

— Ловкий трюк, а? — сказал он, глядя на свой экспонометр. — Как это у вас получается?

— Подробности можешь узнать у профа, — выдохнул Барни, проглотив лошадиную порцию виски. — Очень сложно. Что-то вроде перемещения во времени.

— А, понятно, — радостно кивнул головой Джинно, устанавливая диафрагму на цифре 3,5. — Вроде временных зон, когда летишь из Лондона в Нью-Йорк. Такое впечатление, будто солнце не двигается, и ты прилетаешь в то же самое время, в которое взлетел.

— Что-то вроде этого.

— Великолепная освещенность. С таким светом можно дать хорошие краски.

— Если ты собираешься вести машину, не напивайся, — сказал Даллас, протягивая полупустую бутылку Тексу, сидящему за рулем грузовика. — Один глоток, приятель, и в дорогу.

Стартер взревел, мотор ожила, и Барни, выглянув через переднее окошко кузова, увидел, что они едут по следам другого грузовика, отчетливо видным на мокром песке и гальке. Смутное воспоминание забрезжило у него в голове, несмотря на усталость, и он застучал по металлической крышке кабины прямо над головой Текса.

— Подай сигнал! — крикнул он изо всех сил.

Грузовик подъехал к мысу и начал облезжать его. Тутто и раздался автомобильный гудок. Спотыкаясь о ящики, наступив на бок спящего викинга, Барни бросился к заднему борту грузовика. Послышался нарастающий рокот мотора, и армейский грузовик, похожий на их машину как две капли воды, промчался мимо, двигаясь в противоположном направлении. У самого борта Барни поспешил протянуть руку и схватился за стойку у себя

над головой. В удалявшемся грузовике он успел разглядеть самого себя с бледным лицом, выпученными глазами и широко открытым, как у кретина, ртом. Испытывая садистское удовлетворение, он приложил большой палец свободной руки к носу и покачал рукой, насмехаясь над потрясенным Барни в другой машине, которая тотчас же скрылась за мысом.

— Здесь большое движение? — поинтересовался Джино.

Оттар сел, потирая бок и бормоча под нос проклятия. Йенс быстро успокоил его добрым глотком из бутылки, и через минуту грузовик остановился, проехав несколько футов по мелкой гальке.

— Примроуз-коттедж! — крикнул из кабины Текс. — Конечная остановка.

Вонючий дым по-прежнему поднимался из дыры на крыше приземистой землянки, однако ее обитателей не было видно. Оружие и примитивные орудия труда все еще были разбросаны на земле. Оттар не то вывалился, не то выпрыгнул из грузовика и заорал что есть мочи, изо всех сил скав голову руками, словно в порыве горя:

— Хвар эрут пер ракка? Комит ут *!

Он снова схватился за голову и стал искать глазами бутылку, которую Йенс Лин с мудрой предусмотрительностью успел припрятать. Из дома начали выходить дрожащие слуги.

— Ну, за дело! — распорядился Барни. — Разгружайте ящики и поставьте их куда покажет доктор Лин. Нет-нет, Джино, не суйся, ты пойдешь со мной.

Они вскарабкались на невысокий холм сразу позади хижинки, с трудом прокладывая путь по короткой жесткой траве и то и дело спотыкаясь о косматых, диких на вид

* Где вы, собаки? Выходите сейчас же!

овец, которые мемекая шарахались в сторону. С вершины мыса они отчетливо увидели изогнутую дугу залива, уходящую вдаль по обе стороны, и сланцево-серое безбрежье океана. Длинная волна накатилась на берег, разбилась о гальку и с шипением поползла по камням обратно в море. Посреди залива стоял мрачный остров с отвесными скалистыми берегами, под которыми пенился океанский прибой, а еще дальше, на горизонте, виднелось темное пятно другого острова, уже пониже.

— Сделай-ка панораму на все 360 градусов, мы изучим ее позднее. И возьми крупным планом этот остров.

— А почему бы не пойти в глубь материка и не посмотреть, что там находится? — спросил Джино, глядя в видеокамеру.

— Потом, если останется время, сходим. Ведь мы собираемся снимать морскую картину, и мне хочется использовать виды открытого моря.

— Ну тогда пройдемся хотя бы вдоль берега — посмотрим, что там за мысом.

— Ладно, только не ходи один. Возьми с собой Текса или Далласа — они выручат тебя в случае нужды. И не отлучайся больше чем на пятнадцать минут, чтобы мы могли найти тебя, когда придет время отправляться обратно.

Барни взглянул на берег и заметил лодку; схватив Джино за руку, он указал на нее.

— У меня идея. Возьми Лина в качестве переводчика, прихвати пару туземцев, и пусть они отвезут тебя подальше в море. Сделай несколько снимков — как это место выглядит с моря...

— Эй, Барни, — крикнул Текс, появляясь на вершине холма, — ты нужен в хижине. Там своего рода производственное совещание.

— Ты как раз вовремя, Текс. Оставайся с Джино и присмотри за ним.

— Я прилипну к нему как банный лист. Вабуона, э кумпа?

Джино подозрительно посмотрел на него.

— Вуи саресте итальяно?

Текс засмеялся.

— Я? Нет, я американо, но у меня полно родственников-макаронников вдоль всего Неаполитанского залива.

— Ди Наполи! Со наполетано пуро! — радостно закричал Джино.

Оставив Джино и Текса, которые восторженно жали друг другу руки и вспоминали общих знакомых, Барни направился к хижине. Свесив ноги, в кузове грузовика сидел Даллас. В его руке дымилась сигарета.

— Все уже там, — сказал он, — а я решил для верности присмотреть за грузовиком, чтобы было на чем ехать обратно. Лин сказал, чтобы ты сразу заходил.

Барни без всякого энтузиазма взглянул на низкую дверь, ведущую в хижину. Она была приоткрыта, и из щели шло больше дыма, чем из отверстия в крыше, служившего дымоходом.

— Не спускай глаз с машины, — вырвалось у Барни. — В такой дыре не хватает только этих неприятностей.

— И я подумал то же самое, — пробормотал Даллас и извлек из кармана автоматический пистолет. — Десять зарядов. И я стреляю без промаха.

Широко распахнув дверь, Барни нагнулся и вошел в хижину. Дым, что поднимался от тлеющего очага, висел на уровне его головы серой пеленой, и Барни был почти рад этому, так как запах дыма заглушал остальные ароматы, щедро наполнявшие помещение. Принюхавшись,

Барни различил запах тухлой рыбы, смолы, пота и еще множество других, которые ему и распознавать не хотелось. В первое мгновение он почти ослеп, попав в полуницу после яркого солнечного света, потому что единственными источниками освещения в хижине были открытая дверь и несколько отверстий, пробитых в стенах.

— Яйе, куннинги! Пу скалт дрекка мед мер*!

Хриплый голос Оттара потряс воздух, и, когда Барни немного освоился в полуничке, он смог различить группу людей, сидящих вокруг стола из толстых досок. У одного его конца сидел Оттар, колотивший по столу кулаком.

— Он хочет, чтобы ты выпил с ним, — сказал Лин. — Это очень важный шаг, гостеприимство, хлеб-соль, понимаешь?

— Оль**! — рявкнул Оттар, поднимая небольшой бочонок с земляного пола.

— Выпил чего? — спросил Барни, глядя в темноту.

— Эля. Они делают эль из ячменя — это у них основная культура. Эль — изобретение северных германских племен, можно сказать, предок нашего пива. Даже само слово допло до нас, правда, в слегка измененном виде...

— Дрекк***! — приказал Оттар, наливая до краев рог и протягивая его Барни. Присмотревшись, Барни увидел, что это действительно коровий рог, изогнутый, потрескавшийся и далеко не первой чистоты. Йенс Лин, профессор и Эмори Блестэд также держали в руках по рогу. Барни поднес рог к губам и сделал глоток. Жидкость была кислой, водянистой, выдохшейся и ужасной на вкус.

— Замечательно! — сказал он, надеясь, что в темноте выражение его лица не будет видно.

* Хай, мой друг! Ты должен выпить со мной.

** Эль.

*** Пей!

— Я, готт ок вель*! — согласился Оттар, и новая порция отвратительной жидкости хлынула в рог Барни, перелилась через край и потекла по его руке.

— Если тебе не нравится напиток, — глухим голосом произнес Эмори, — то подожди, когда очередь дойдет до еды.

— Вот как раз что-то несут.

Профессор показал на дальний угол комнаты, где один из слуг копался в большом деревянном сундуке. Выпрямившись, слуга инул один из темных холмиков, разбросанных по земляному полу. Раздалось обиженное мычание.

— Скот?.. — удивился Барни.

— Вот именно. Его держат в доме, — разъяснил Эмори. — Он придает здешней атмосфере особо тонкий аромат.

Слуга, которому длинные светлые волосы, ниспадавшие до плеч и закрывающие глаза, придавали сходство с неухоженной овчаркой, направился к столу, сжимая в своих почерневших от грязи лапах по какой-то большой глыбе. Подойдя, он бросил глыбы на стол перед Барни, и они стукнулись о дерево, словно камни.

— Что это такое? — спросил Барни, подозрительно скосив глаза на лежащие перед ним глыбы. Одновременно он переложил рог в другую руку и пытался вытряхнуть ручеек эля из рукава своего пиджака.

— Слева — это сыр местного производства, а справа — кнекброд, твердый хлеб, — пояснил Йенс Лин. — А может быть, наоборот.

Барни попробовал их надкусить, вернее, постучал зубами по их гранитной поверхности.

— Великолепно, просто великолепно, — сказал он, бросая их обратно на стол и глядя на светящийся цифер-

* Да, великолепный эль!

блат своих часов.— Освещение меняется, и скоро нам нужно отправляться. Мне бы хотелось поговорить с тобой, Эмори, давай выйдем на улицу, если только ты можешь оторваться от пира.

— С удовольствием,— ответил Эмори. Содрогаясь от отвращения, он дошил эль и выплеснул остатки на пол.

Солнце село за полоску ледяных облаков, и с моря подул холодный ветер; Барни зябко поежился и поглубже засунул руки в карманы.

— Мне нужна твоя помощь, Эмори,— сказал он.— Составь список всего необходимого для съемки фильма на местности в этой обстановке. По-видимому, здесь не удастся воспользоваться местными ресурсами в области съестного...

— Клянусь богом, ты прав!

— ...поэтому придется все захватить с собой. Кроме того, я хочу смонтировать фильм прямо здесь, так что в одном из прицепов должно быть помещение для монтажа.

— Ты хочешь нажить себе неприятности, Барни. Будет чертовски трудно сделать здесь даже черновой монтаж. А как относительно тонировки? А музыка?

— Мы сделаем все что можем. Найдем композитора и пару музыкантов, может быть, используем местный оркестр.

— Представляю себе местную музыку!

— Неважно, если потом придется изменить почти все звуковое сопровождение. Мы должны привезти готовый фильм, вот что важно...

— Мистер Хендриксон,— позвал Йенс Лин, открывая дверь и подходя к ним. Он порылся в нагрудном кармане своей охотничьей куртки и протянул Барни измятый конверт.— Я только что вспомнил, меня просили передать вам записку.

— Что еще такое? — спросил Барни.

— Не имею представления. Насколько мне известно, она конфиденциальная. Ваша секретарша передала ее мне как раз когда мы отправлялись.

Барни разорвал конверт. Внутри был лист желтой бумаги с коротким машинописным текстом, гласившим:

Л. М. СООБЩИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ: ОПЕРАЦИЯ ОТМЕНЯЕТСЯ, ВСЯ РАБОТА ПО СЪЕМКЕ ФИЛЬМА ПРЕКРАЩАЕТСЯ. ПРИЧИНА НЕ УКАЗАНА.

VI

Барни отшвырнул от себя журнал, однако его обложка прилипла к руке и наполовину оторвалась. Он нетерпеливо отодрал от ладони бумагу и еще раз пожалел о том, что у него не хватило времени помыть руки после викингова пива. Надо же — съемка отменяется!

— Мисс Закер, — сказал он, — Л. М. ждет меня. Он так сказал. Он оставил записку. Я уверен, что он с нетерпением ожидает...

— Мне очень жаль, мистер Хендриксон, но он дал мне самые строгие указания ни в коем случае не беспокоить его во время совещания. — Пальцы секретарши на мгновение замерли над клавишами машинки, и даже челюсти прекратили жевательные движения. — Как только представится возможность, я сейчас же сообщу о вашем приходе. — Стук машинки возобновился, и в такт с ним опять начали двигаться челюсти.

— Вы могли бы по крайней мере позвонить ему и сообщить о моем приходе.

— Мистер Хендриксон! — воскликнула секретарша тоном матери-настоятельницы, облыжно обвиненной в содержании публичного дома.

Барни вышел в коридор, вымыл воды, затем вымыл липкие ладони. Когда он вытирал руки о лист бумаги, раздалось жужжание интеркома, и мисс Закер кивнула ему.

— Теперь можете войти, — сказала она ледяным тоном.

— Что случилось, Л. М.? — спросил Барни, едва переступив порог. — Что значит эта записка?

Сэм сидел в своем кресле чурбан чурбаном, а напротив него съежился на стуле взопревший Чарли Чанг. Выражение лица у него было разнесчастное.

— Что это значит, а? Он еще спрашивает, что это значит! Это значит, что ты, Барни Хендриксон, провел меня за нос. Ты добился от меня согласия на съемку фильма, когда у тебя даже сценария не было!

— Ну конечно, у меня нет сценария! Как у меня может быть сценарий, когда мы только что решили делать фильм? Ведь это же чрезвычайный случай, правда?

— Правда, правда. Но чрезвычайный случай — это одно дело, а съемка фильма без сценария — совсем другое. Может быть, во Франции и делают фильмы по принципу тяп-ляп, так что не поймешь, есть у них сценарий или нет. Но в нашем «Клаймэтике» так дела не делаются!

— Да, непорядок, — согласился Сэм.

Барни изо всех сил пытался сохранить самообладание.

— Послушайте, Л. М. Будьте благоразумны. Ведь это критический момент, вы забыли? Утопающий хватается за соломинку. Особые обстоятельства...

— То есть банк. Называй вещи своими именами. Теперь это можно.

— Не будем уточнять, потому что мы еще можем провести их. Мы можем сделать картину. Вы вызвали моего сценариста...

— У него нет сценария.

— Конечно, у него нет сценария. Только вчера вы и я окончательно договорились об идее фильма. Теперь, когда вы поговорили с ним и объяснили ему свои требования...

— У него нет сценария.

— Ради бога, выслушайте меня, Л. М. Чарли — хороший сценарист, вы сами его нашли и взрастили. Если кто-то может сделать то, что нам требуется, так это старый добрый Чарли. Если бы сейчас у вас в руках был сценарий этого фильма, написанный Чарли Чангом, вы ведь дали бы разрешение на съемки, верно?

— У него нет сце...

— Л. М., вы не слушаете меня. Если. Это важное слово. Если бы я сейчас вошел в кабинет и вручил вам написанный Чарли Чангом сценарий этого эпохального фильма под названием... под названием «Викинг Колумб», дали бы вы разрешение на его производство?

На лице Л. М. застыло непропицаемое выражение. Он взглянул на Сэма, который едва заметно опустил голову.

— Да,— тотчас же ответил Л. М.

— Ну вот, дело пошло на лад,— поспешил подхватил Барни.— Если я передам вам этот сценарий через час, вы дадите добро на производство фильма. Никакой разницы, верно?

Л. М. пожал плечами.

— Ну хорошо, для меня — никакой. Ну а какая для тебя разница?

— Ждите меня здесь, Л. М.— Барни вскочил и, схватив удивленного Чарли Чанга за рукав, стал тащить его в коридор.— Поговорите с Сэном о бюджете, выпейте по коктейлю. Я вернусь ровно через час. «Викинг Колумб» уже почти готов к производству.

— У меня есть знакомый психиатр, который принимает вечером, — сказал Чарли, едва за ними захлопнулась дверь кабинета. — Поговори с ним, Барни, а? Мне приходилось слышать много склонялительных обещаний в нашем скоропалительном деле, но такого...

— Помолчи, Чарли. Тебе предстоит большая работа. — Барни, не переставая говорить, вывел упирающегося сценариста в коридор. — Скажи, сколько времени потребуется тебе на то, чтобы состряпать черновой вариант сценария для этого фильма, если работать на полную катушку? Сколько времени?

— Это огромная работа. По крайней мере шесть месяцев.

— Отлично. Шесть недель. Концентрация усилий, первоклассный материал.

— Я сказал не недель, а месяцев.

— Если тебе понадобится шесть месяцев, у тебя будет шесть месяцев. Поверь моему слову, у тебя будет столько времени, сколько тебе потребуется. И кроме того, спокойное, тихое место для работы. — Они проходили мимо висевшей на стене фотографии, и Барни, внезапно остановившись, ткнул в нее пальцем. — Вот здесь. Остров Санта-Каталина. Масса солнечного света, освежающая морская ванна особенно приятна, когда у тебя мозги пересохнут.

— Я не смогу там работать, Барни. Остров так и кишит людьми, ночью в каждом доме вечеринки с танцами.

— Это ты так думаешь. А тебе понравится работать на Санта-Каталине, если вокруг не будет ни души и весь остров будет принадлежать тебе одному? Подумай только, что можно написать в таких условиях!

— Барни, честное слово, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Поймешь, Чарли. Через несколько минут все поймешь.

— Пятьдесят стопок бумаги, ящик копирки, стул для печатания — один, стол для машинки — один, пишущая машинка...

— Это допотопный образец, Барни, — прервал его Чарли. — На этом античном чуде приходится самому нажимать на клавиши. Я могу работать только на электрической модели Ай-Б-М.

— Боясь, что в той части острова, где разместится твой лагерь, снабжение электричеством будет не очень надежным. Ничего, ты сам увидишь, с какой быстротой твои пальцы обретут прежнюю сноровку, — утешил его Барни. Когда в кузов грузовика впихнули огромный сундук, Барни поставил галочку в длинном списке. — Один комплект сафари.

— Один комплект чего?

— Один комплект сафари «сделай сам» из отдела бутифории и реквизита. Палатка, складная постель, стулья, сетки от москитов, походная кухня — и все в отличном рабочем состоянии. Ты расположишься с удобствами, как доктор Ливингстон, только в два раза комфортабельнее. Пятидесятигаллонные бочки с водой — три, часы-табель пружинные с набором карточек — один комплект.

Ничего не понимая, Чарли Чанг смотрел на то, как самые разнообразные вещи одна за другой исчезали в кузове армейского грузовика. Все происходившее было бессмыслицей, включая седого старикашку позади всего этого барахла, который колдовал над радиоустановкой из фильма о Франкенштейне. Когда в кузов погрузили древние красного дерева часы-табель с римскими цифрами на циферблате, Чарли схватил Барни за руку.

— Ничего не понимаю, а уж это — и вовсе. Зачем мне часы-табель?

— Профессор Хьюитт объяснит тебе все самым подробным образом через несколько минут, а пока прими

мои слова на веру. Часы играют важную роль, ты в этом убедишься. Не забудь пробивать карточку каждое утро.

— Мистер Хендриксон,— послышался голос его секретарши,— вам здорово повезло.— Она появилась в дверях пакгауза, ведя за руку озадаченного негра в белом халате и высоком поварском колпаке.— Вы сказали, что вам нужен повар, только сейчас же, и я тут же отправилась на кухню и нашла там Клайда Роулстона. Оказалось, что он не только повар, но знает стенографию и машинопись.

— Ты настоящий ангел, Бетти. Закажи еще одну машинку...

— Сейчас ее доставят. А как с аптечкой скорой помощи?

— Уже погрузили. Ну, тогда все. Клайд, это Чарли, Чарли, это Клайд. Позже вы сумеете познакомиться поближе. А теперь, пожалуйста, залезайте оба в грузовик.

— Я полезу, как только мне объяснят, что здесь происходит,— заявил Клайд, бросив па Барни вызывающий взгляд.

— Чрезвычайное положение, вы нужны «Клаймэнтику», и я уверен, что вы оба, как преданные служащие, помогите нашей компании. Профессор Хьюитт вам все объяснит. Это займет немного времени. Обещаю вам, что мы с вами увидимся на этом самом месте ровно через десять минут по моим часам. А теперь, если вы переслезете через эти ящики, я подниму задний борт.

Успокоенные уверенным голосом Барни, они влезли в кузов, и профессор Хьюитт наклонился через их плечи к Барни.

— Мне кажется, кембрийский период подходит больше всего,— сказал он.— Знаете, ранний палеозой. Здоровый, умеренный климат, тепло и удобно, позвоночные еще не появились, так что опасность не угрожает. Моря

кишат простыми трилобитами. Хотя для продолжительного пребывания, пожалуй, слишком тепло. Может быть, немного позже, в девонский период. Достаточно большие позвоночные все еще не появились...

— Профессор, вы специалист, поступайте, как считаете нужным. Нам предстоит масса работы, по крайней мере на нашем конце. Доставьте их на Каталину, выгрузьте со всем барахлом, затем передвиньтесь на шесть недель вперед и доставьте обратно. Барахло бросьте на острове, оно может нам понадобиться позднее. Отправляйтесь, у нас осталось всего пятнадцать минут.

— Считайте, что фильм у нас в руках. С каждым новым путешествием во времени мне все легче и легче налаживать приборы, так что теперь их точность очень высока. Ни одного мгновения не будет потрачено даром, буквально ни одного.

Профессор Хьюонт вернулся к своим приборам, и генератор надрывно заревел. Чарли Чанг открыл было рот, но его слова не донеслись до Барии, так как грузовик исчез. Исчез, а не растаял, исчез мгновенно, как исчезает изображение на киноэкране, когда рвется лента. Барни собрался было поговорить с секретаршей, но только он обернулся, как грузовик появился снова.

— Что случилось? — спросил Барни, как вдруг увидел, что все припасы из кузова исчезли. Клайд Роулстон стоял рядом с профессором у контрольной панели, а Чарли Чанг сидел на пустом ящике, сжимая в руках толстую пачку машинописной бумаги.

— Ровным счетом ничего, — ответил профессор. — Просто я рассчитал наше возвращение с максимальной точностью.

На Чарли больше не было куртки, его рубашка по-

мялась и выцвела, особенно на плечах, где она стала совершенно белесой. Волосы у него отросли, а щеки были покрыты густой черной щетиной.

— Ну, как дела? — спросил Барни.

— Неплохо, принимая во внимание обстоятельства. Правда, я еще не закончил сценария, потому что там в воде плавают эти твари. Такие зубы! Глаза...

— Сколько еще времени тебе понадобится?

— Две недели будет вполне достаточно. Но эти глаза, Барни...

— Там нет таких больших тварей, которые могли бы быть для тебя опасными, — так сказал проф.

— Может быть, они не такие большие, но в океане их столько и у них такие зубы...

— До свидания. Отправляйтесь, профессор. Две недели!

На сей раз путешествие было таким коротким, что если бы Барни в этот миг моргнул, он мог бы совсем не заметить исчезновения грузовика. Однако теперь Чарли и Клайд сидели рядом на другой стороне грузовика, и пачка печатных страниц стала заметно толще.

— «Викинг Колумб», — крикнул Чарли, размахивая сценарием над головой. — Шедевр на широком экране! — Он протянул пачку Барни, и тот увидел, что к задней обложке прикреплена пачка карточек. — Это карточки учета нашего рабочего времени, и если ты посмотришь на них, то увидишь, что мы пробивали их каждый день, и мы с Клайдом требуем двойной оплаты по субботам и тройной — по воскресеньям.

— Другой бы стал спорить, — сказал Барни, со счастливой улыбкой взвешивая на ладони пухлый том. — Пойшли, Чарли, мы немедленно обсудим твой сценарий.

Выйдя из пакгауза, Чарли понюхал вечерний воздух.

— Какая здесь вонь, — заметил он. — Я никогда рань-

ше этого не замечал. А какой удивительный воздух был у нас на острове! — Затем он посмотрел на свои ноги. — Как непривычно снова ходить в ботинках!

— Странник вернулся, — сказал Барни. — Я пойду отнесу сценарий, а ты тем временем сменишь живописные лохмотья бродяги на что-то более приличное и быстренько побреешься. Когда будешь готов, сразу иди в кабинет Л. М. Как ты думаешь, получился хороший сценарий?

— Может быть, пока еще рано говорить, но я думаю, это лучшее, что мне удалось написать. Работал в такой обстановке, когда тебя ничто не отвлекает — если не считать глаз! Да и Клайд здорово помогал, он печатал чисто и быстро. Ты знаешь, он к тому же и поэт.

— Я думал, он повар.

— Он оказался паршивым поваром, и кончилось тем, что я все стряпал сам. Он работал в кухне студии только для того, чтобы раздобыть денег на оплату квартиры. А вот поэт он действительно отличный и хорошо пишет диалоги. Он мне здорово помог. Как ты думаешь, мы можем упомянуть про его участие в фильме?

— Не вижу, почему бы нет. Не забудь побриться!

Барни вошел в кабинет Л. М. и положил сценарий на письменный стол.

— Готово! — сказал он.

Л. М. осторожно взвесил рукопись на обеих руках, затем отставил ее в сторону, чтобы лучше видеть обложку.

— «Викинг Колумб». Хорошее название. Впрочем, придется его изменить. Да, Барни, ты доставил сценарий, как и обещал. Может быть, теперь ты раскроешь нам секрет, как за один час написать сценарий. Расскажи Сэму, ему тоже хочется послушать.

Сэм, почти неразличимый на фоне темных обоев, стал виден, только когда он кивнул головой.

— Никакого секрета, Л. М., это времеатрон. Вы видели, как он работает. Чарли Чанг отправился в прошлое, в спокойное уединенное местечко, где он и написал сценарий. Он оставался в прошлом столько времени, сколько ему потребовалось, затем мы вернули его в настоящее почти тотчас же после того, как он отправился. С нашей точки зрения, прошло совсем немного времени, поэтому мы и считаем, что на создание полного сценария потребовался всего один час.

— Сценарий за час! — на лице Л. М. появилась счастливая улыбка. — Да это же настоящая революция в кинопромышленности! Давай не будем скупиться, Барни. Дадим этому парню самую высокую ставку, какая у нас есть, а затем увеличим ее в два раза! Я не скупердяй. Мне хочется поступить по справедливости, и уж я позабочусь о том, чтобы Чарли Чанг получил самую высокую почасовую оплату, которая когда-либо была выплачена сценаристу за один час его времени!

— Вы не совсем поняли меня, Л. М. Может быть, это с вашей точки зрения прошел всего один час, но Чарли Чанг трудился как ишак над этим сценарием более двух месяцев, включая субботы и воскресенья, и ему придется заплатить за все это время.

— Он не сможет этого доказать! — Л. М. сделал свирепую гримасу.

— Нет, сможет. Каждый день он пробивал карточку на часах-табеле, и к сценарию приложены все его карточки.

— Тогда пусть обращается в суд! На работу потребовался один час, и я заплачу ему за один час.

— Сэм, — взмолился Барни, — поговорите с ним. Скажите ему, что в этом мире ничего нельзя получить да-

ром. Ведь деньги за восемь недель работы — это гроши за такой великий сценарий!

— Мне больше нравится одночасовой сценарий, — заметил Сэм.

— Нам всем они больше нравятся, только одночасовых сценариев на свете не бывает. Это просто новый метод работы, однако нам придется платить ту же самую сумму за работу, что бы ни случилось.

Зазвонил телефон, Л. М. схватил трубку, приложил ее к уху, несколько раз однозначно хрюкнул в ответ, затем бросил трубку.

— Сейчас придет Раф Хоук, — сказал он. — Мне кажется, мы сможем использовать его для главной роли, но я подозреваю, что он заключил контракт с независимой студией на другую картину. Прощай его, Барни, до прихода его менеджера. А теперь — насчет этого часа...

— Давайте обсудим этот час потом, Л. М. Я уверен, что все уладится.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел Раф Хоук. Он замер на мгновение на пороге, повернув голову так, чтобы дать возможность присутствующим полюбоваться его профилем. Он был действительно хорош. Раф выглядел так хорошо потому, что его внешность составляла главное содержание его жизни. И когда во всем мире, в бесконечном количестве кинотеатров миллионы женских сердец начинали биться чаще при виде Рафа, заключающего какую-нибудь счастливую звезду в свои твердые мужские объятия, ни одна из этих миллионов не знала, что ее шансы быть заключенной в эти объятия практически равнялись нулю. Раф не любил женщин. Впрочем, подозрения насчет его ненормальности были тоже безосновательны. Он не любил ни мужчин, ни женщин, ему не нравились ни овцы, ни плащи, ни ветряки, ни любые

другие предметы. Рафу нравился только Раф, и отблеск любви в его глазах был лишь отражением самовлюбленного восхищения.

До встречи с продюсером Раф был просто обычным загорелым куском мяса на Пляже Мускулов. Но тут обнаружилось, что Раф может играть. То есть не то чтобы играть, а делать то, что ему говорят. Он точно выполнял все данные ему инструкции, снова и снова повторяя одни и те же слова и жесты с бесконечным терпением барана. В перерывах между съемками он отдыхал, глядя в зеркало.

Полное отсутствие таланта у него так и не было обнаружено, потому что в тех картинах, где он играл, прежде чем кто-либо успевал его раскусить, начиналась атака индейцев, или на экран врывалось стадо динозавров, или рушились стены Трои, или происходило что-нибудь еще, отвлекающее внимание зрителей. Поэтому Раф был счастлив, а когда продюсеры взирали на кассовые сборы, они тоже были счастливы, и все утверждали, что Раф сделает еще немало картин, прежде чем у него отрастет брюшко.

— Привет, Раф,— воскликнул Барни,— вот кого нам хотелось видеть!

Раф поднял руку, приветствуя собравшихся, и улыбнулся. Он не любил говорить, когда ему заранее не подсказывали, что нужно говорить.

— Я не намерен ходить вокруг да около, Раф, и просто хочу сказать, что мы собираемся снимать величайшую в мире картину, и когда зашла речь о главном герое, было упомянуто твое имя, и я сразу сказал, что если мы хотим снимать фильм о викингах, то Раф Хоук — самый викинговый викинг, и лучшего нам не найти.

Раф не выказал признаков удовольствия или интереса при подобном откровении.

— Ведь ты слышал о викингах, не правда ли, Раф? — спросил Барни.

Раф сдержанно улыбнулся.

— Помнишь, — продолжал Барни, — высокие парни с огромными топорами и рогами на шлемах, которые все время плавают на кораблях с деревянными драконами на носу...

— О да, конечно, — оживился наконец Раф, поняв, что к чему. — Я слышал о викингах. Я еще никогда не играл викинга.

— Но где-то в глубине сердца ты всегда хотел сыграть викинга! Я знаю, Раф, иначе и быть не могло. Эта роль создана для тебя, ты себя покажешь, ты будешь просто великолепен перед камерой в костюме викинга!

Густые брови медленно поднялись вверх, образовав морщину.

— Я всегда великолепен перед камерой.

— Конечно, Раф, конечно, именно поэтому мы и сбрались здесь. У тебя ведь нет никаких обязательств? Ты не собираешься сниматься в других картинах, а?

Раф еще больше нахмурился, с трудом припоминая что-то.

— В конце следующей недели начинаются съемки фильма, что-то про Атлантиду.

Л. М. Гринспэн оторвал взгляд от сценария, нахмутившись не хуже Рафа.

— Так я и думал. Извинись перед своим менеджером, но нам придется поискать кого-нибудь другого.

— Л. М., — вмешался Барни, — читайте лучше сценарий. Наслаждайтесь им. Но позвольте мне поговорить с Рафом. Вы забываете о том, что в понедельник наш фильм будет лежать у вас на столе, так что у Рафа оста-

нется еще три дня для отдыха перед гибелью Атлантиды.

— Хорошо, что ты упомянул про сценарий, Барни, потому что в нем есть грубые ошибки.

— Откуда вы знаете, ведь вы прочитали только десять страниц. Почитайте еще, и тогда мы его обсудим. Автор ожидает в приемной. Все необходимые изменения будут сделаны в одно мгновение, пока вы тут сидите.— Барни повернулся к Рафу.— Твоя мечта исполнится, и ты сможешь сыграть роль викинга. Видишь ли, мы разработали новый технический процесс, при котором фильм снимается на местности, и хотя мы вернемся через пару дней, ты получишь оплату как за полнометражный художественный фильм. Ну, что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что вам лучше поговорить с моим менеджером. Если дело касается денег, я предпочитаю помалкивать.

— Именно так и следует поступать, Раф, как раз для этого и существуют менеджеры, и я не согласился бы действовать помимо него.

— Нет, это никуда не годится,— сказал Л. М. грустным голосом.— Я ожидал лучшего от Чарли Чанга. Начало никуда не годится.

— Сейчас я приглашу сюда Чарли, Л. М., мы все обговорим, выявим недостатки и устраним их.

Барни взглянул на часы. 8.00. А еще необходимо разыскать менеджера этого мускулистого манекенщика. И бороться за каждое предложение в сценарии. И отправить Чарли обратно на Каталину к этим глазам и зубам — заканчивать работу. И найти актеров для остальных ролей. И подобрать все необходимое оборудование и снаряжение, которое может понадобиться для двух месяцев съемок на местности, затем перебросить всю съемочную группу в одиннадцатый век. И снять картину в

этом столетии, для чего потребуется решить целый ряд весьма интересных проблем совершенно иного плана. И доставить отснятый фильм к утру понедельника. А сейчас среда, восемь часов вечера. Масса времени!

Конечно, нечего беспокоиться, еще масса времени.

Тогда почему он весь в поту?

VII

— Организаторское чудо, только так это и можно назвать, мистер Хендриксон, ухитриться собрать все это меньше чем за четыре дня! — восхищенно сказала Бетти, идя вместе с Барни вдоль длинной колонны грузовиков и трейлеров, вытянувшейся по бетонной ленте дороги, ведущей к съемочному павильону Б.

— Я бы назвал это несколько иначе, — ответил Барни, — но при дамах я всегда очень осторожен в выражениях. Какие результаты дала проверка по списку?

— Все готово. Все отделы представили контрольные списки завершенными и подписанными. Они тоже великолепно потрудились.

— Отлично, но куда девались люди?

Они прошли мимо почти всех магазинов, и Барни убедился, что, кроме нескольких шоферов, там никого не было.

— После того как вы вчера вечером отправились за пленкой, все сидели в павильоне, не хотели расходиться и все такое. Ну, знаете ли, одно к одному...

— Нет, не знаю. Что одно к чему одному?

— Было очень весело, и нам очень не хватало вас. Сначала Чарли Чанг заказал два ящика пива с интендантского склада — сказал, что он уже год не пробовал пива, затем еще кто-то принес выпивки и закуски, и скоро началось настоящее веселье. Вечеринка продолжалась

до поздней ночи, так что, я думаю, все еще не очухались и спят в трейлерах.

— Ты в этом уверена? Кто-нибудь проверил их по списку?

— Охранники не пили, и они утверждают, что никто не выходил с территории, значит все должно быть в порядке.

— Будем надеяться,— сказал Барни, пожав плечами и окидывая взглядом длинный ряд молчаливых трейлеров.— Сразу же по прибытии проверим всех по списку, и если кто-нибудь отсутствует, придется послать за ним профессора. Пусть люди поспят во время путешествия, это, наверно, самый лучший выход. Да и ты сама должна отдохнуть, ведь ты всю ночь была на ногах.

— Спасибо, босс. Если понадоблюсь, я в трейлере № 12.

Из распахнутых дверей съемочного павильона доносился стук молотка — плотники заканчивали сооружение настила на платформе машины времени. Барни остановился у входа, зажег сигарету и попытался пробудить в себе восторженное отношение к наспех сколоченному сооружению, которое должно было доставить съемочную группу к месту съемок на Оркнейских островах.

Прямоугольная железная рама была сварена по чертежам профессора, затем на нее была настлана платформа из толстых досок. Как только передняя часть настила была закончена, на ней соорудили контрольную рубку, и профессор Хьюитт начал руководить монтажом увеличенного времеатрона, который отличался не только гигантскими размерами, но и гораздо большим количеством сверкающих катушек и проводов, чем первоначальный вариант. К тому же у него был мощный дизель-генератор. Почти две дюжины огромных автомобильных покрышек было прикреплено к дну платформы для смягчения

удара при приземлении, по краям платформы были соружены поручни, и над ней было воздвигнуто нечто вроде клетки из тонких труб для обозначения границ действия временного поля.

Все сооружение выглядело каким-то иллюзорным, не-настоящим, и Барни решил, что лучше всего ему не думать об этом.

— Включай! — крикнул профессор Хьюитт, выползая из-под своего аппарата с дымящимся паяльником в руках. Механик склонился над дизелем, машина застонала, повернулась, затем выплюнула струю синего дыма и деловито застучала.

— Ну, как дела, профессор? — спросил Барни через открытую дверь. Хьюитт обернулся и прищурившись посмотрел на него.

— А, доброе утро, мистер Хендриксон. Я полагаю, что вы интересуетесь состоянием моего времеатрона-2, и рад ответить, что он работает отлично. Мы готовы начать операцию в любое время, все цепи проверены; ждем ваших указаний.

Барни посмотрел на плотников, забивающих последнее гвозди в настил платформы, затем ногой отбросил щепку.

— Мы отправимся немедленно, как только обсудим проблему возвращения.

Хьюитт покачал головой.

— Я провел эксперименты с времеатроном, чтобы выяснить, нельзя ли пересечь временной барьер, однако это оказалось невозможным. Когда мы возвращаемся назад, нам приходится описывать дугу в континууме, используя дополнительную энергию для деформирования наших собственных временных линий по сравнению с мировыми.

Обратное путешествие после визита в прошлое независимо от того, как долго мы в нем оставались, происходит вдоль того же временного вектора, который был создан первоначальным движением во времени; в определенном смысле обратное путешествие можно назвать эндотемплическим поглощением временной энергии, тогда как первоначальное путешествие в будущее или прошлое — процесс экзотемплический. Таким образом, мы не можем вернуться в момент, который был раньше момента нашего отправления из мировой временной материи, так же как мячик не может подпрыгнуть выше того уровня, с которого его уронили. Поняли?

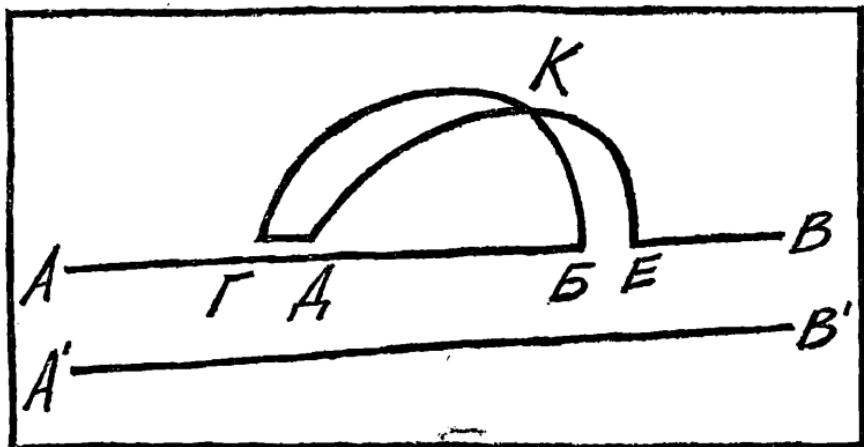
— Ни единого слова. Не могли бы вы снова все объяснить, но на этот раз выражаться по-человечески?

Профессор Хьюитт поднял кусок фанеры, лизнул кончик своей шариковой ручки и начертил простой рисунок.

— Взгляните сюда, — сказал он, — и вам тотчас все станет ясно. Линия A^1B^1 — это линия мирового времени, где A^1 — прошлое, а B^1 — будущее. Точка Б — это наше сознание сегодня, теперь, наше «сейчас» во времени. Линия AB — временная линия времеатрона, совершающего путешествие, или наши собственные временные линии, когда мы путешествуем вместе с ним. Обратите внимание, что мы оставляем линию мирового времени в точке Б и движемся по дуге через экстратемпоральный континуум обратно по времени, прибывая, ну, скажем, в 1000 год, в точку Г. Таким образом, мы путешествуем по дуге BG . Мы возвращаемся в мировое время в точке Г и остаемся там, двигаясь вместе с мировым временем, и продолжительность нашего визита в прошлое обозначена линией GD . Вы следите за моими рассуждениями?..

— Пока да,— сказал Барни, проводя указательным пальцем вдоль линий.— Продолжайте, профессор, пока я еще не забыл, что к чему.

— Конечно. Теперь обратите внимание на дугу ДЕ, наше обратное путешествие во времени к тому моменту, которое отстоит всего на долю секунды от момента наше-

го первоначального отправления, т. е. точки Б. Я могу контролировать наше прибытие в точку Е при условии, что она будет находиться после точки Б, однако я никогда не смогу вернуться перед точкой Б. Чертеж всегда будет давать БЕ, и никогда — ЕБ.

— Почему?

— Я рад, что вы задали этот вопрос, потому что это центральный вопрос всей проблемы. Посмотрите снова на чертеж, и вы увидите, что при пересечении дуги БГ с дугой ДЕ возникает точка К. Эта точка К обязательно должна существовать, иначе будет невозможно совершить обратное путешествие, ибо К является точкой обмена

энергией, где происходит уравнивание масштабов времени. Если у вас точка Е будет между Б и Д, дуги не пересекутся, независимо от того, насколько близко друг от друга они пройдут, обмена энергией не произойдет, и путешествие во времени не состоится.

Барни нахмурился и потер лоб.

— Или, попросту говоря, мы не можем вернуться раньше, чем отправились, — сказал он.

— Совершенно точно.

— Иными словами, все время, которое мы потратили на этой неделе, безвозвратно пропало.

— Правильно.

— Значит, если мы хотим, чтобы картина была готова к десяти часам утра в понедельник, мы должны отправиться в прошлое и оставаться там до тех пор, пока она не будет закончена.

— Да я сам не смог бы короче сформулировать этот тезис.

— Тогда давайте отправим этот цирк в дорогу, потому что сейчас утро субботы. Плотники уже кончили свою работу, пора трогать.

Первым автомобилем в колонне был джип; Текс спал на переднем сиденье, а Даллас на заднем. Барни подошел к машине, нажал на сигнал и в следующее мгновение замер, глядя как зачарованный в дуло длинноствольного кольта, который сжимала дрожащая рука Текса.

— У меня ужасно трещит голова, — прохрипел Текс, — и я не советовал бы нас беспокоить. — Он неохотно опустил револьвер в кобуру.

— Какие-то нервные все сегодня, правда? — сказал Барни. — Ничего, свежий морской воздух будет вам на пользу. Поехали!

Текс нажал на стартер, двигатель взревел, и джип въехал по металлическим сходням, установленным Далласом, на платформу времеатрона. Как только джип замер на платформе, Даллас втащил за собой обе металлические полосы.

— На первый раз достаточно,— сказал Барни.— Мы найдем ровную полянку и вернемся обратно за остальными. Поехали, профессор,— то же самое место, что и раньше, но спустя два месяца.

Хьюитт пробормотал что-то себе под нос, устанавливая цифры на приборах, затем включил механизмы времеатрона. Вторая модель была усовершенствованным образцом в том отношении, что она в какое-то неуловимое мгновение давала возможность ощутить все симптомы казни на электрическом стуле и тошноты, но все это кончалось чуть не раньше того, как началось. Казалось, пассажиры были струнами арфы, на которой некий палец небожителя взял аккорд. Съемочный павильон исчез, вместо него уже были соленые брызги и чистый освежающий воздух. Текс застонал и доверху застегнул молнию на своем костюме.

— Похоже, вон та лужайка для нас подойдет,— заметил Барни, указывая на довольно ровное поле, плавно опускающееся к берегу.— Отвези меня туда, Текс, а Даллас останется с профессором.

Джип на самой малой скорости с трудом взобрался на вершину холма, грохот его выхлопа вызвал переполох среди черноголовых чаек, которые с криком начали кружиться над их головами.

— Пожалуй, здесь хватит места,— сказал Барни, вылезая из джипа и сковыривая носком ботинка кочку с пучком травы.— Двигай обратно и скажи профу — пусть прыгнет чуть-чуть вперед и посадит платформу рядом со

мной — так ему будет легче отыскать это место, когда мы примемся за переброску остальной группы.

Барни сунул руку в карман, извлек пачку сигарет, но она оказалась пустой. Он смял ее и бросил на землю, а тем временем Текс лихо развернулся и стремительно направил джип обратно к платформе. Сходни были все еще опущены, джип въехал по ним и остановился. Барни отчетливо видел, как Даллас убрал сходни и профессор повернулся к времеатрону.

— Эй!.. — начал Барни, но в то же мгновение платформа исчезла; на земле остались только следы джипа и отпечатки автомобильных покрышек на траве, где раньше покоялась платформа. Барни не хотел отправлять Текса вместе с остальными.

Облако закрыло солнце, и Барни вздрогнул от холода. Чайки снова сели на воду у самого берега; первозданную тишину нарушал лишь шум прибоя, разбивавшегося о берег. Барни взглянул на смятую пачку сигарет — единственный знакомый предмет среди этого чуждого окружения — и снова поежился.

Он не смотрел на часы, но, конечно, прошло не более одной-двух минут. И все же за это короткое время он хорошо понял, каково было Чарли Чанг, заброшенному на доисторический остров Каталина со всеми этими глазами и зубами вокруг него. Барни надеялся, что Йенс Лин не чувствовал себя слишком несчастным во время своего двухмесячного пребывания с Оттаром. Если бы за многие годы работы в кино Барни не утратил совести, он мог бы почувствовать жалость к ним. Но теперь он испытывал жалость только по отношению к самому себе. Облако скрылось, теплые лучи солнца снова упали на Барни, однако ему все еще было холодно. В течение этих минут он чувствовал себя таким одиноким и таким забытым, как никогда раньше.

Платформа снова появилась и упала с высоты нескольких дюймов на лужайку рядом с ним.

— Давно пора! — крикнул Барни, расправив плечи и почувствовав, как к нему снова возвращается уверенность. — Где вы пропадали?

— В двадцатом столетии, где же еще? — ответил профессор. — Вы ведь не забыли о точке К, верно? Для того чтобы переместиться на несколько минут вперед в вашем относительном времени, мне пришлось сначала вернуться в то время, из которого мы прибыли, и уже затем обратно к вам с соответствующим физическим и времененным сдвигом. Как вы считаете, сколько времени мы отсутствовали?

— Не знаю, несколько минут, пожалуй.

— По-моему, это очень хорошо для путешествия туда и обратно продолжительностью в две тысячи лет. Ну-ка посмотрим, пять минут дадут нам микроскопически малую ошибку по отношению к...

— Ну ладно, проф, вы рассчитаете это в свободное время. Нам нужно сейчас перебросить сюда всю группу и приняться за работу. Вы двое съезжайте с платформы и оставайтесь здесь. Мы начнем перевозить автомобили по одному, и сразу после прибытия вы должны отводить их в сторону, чтобы освободить место для других. Поехали.

На этот раз Барни вернулся вместе с платформой и даже на мгновение не задумался о том, как чувствовали себя те двое, которые остались позади.

Переброска происходила довольно гладко. После того как были перевезены первые машины, грузовики и трейлеры начали как по конвейеру двигаться через двери

съемочного павильона и бесследно исчезать в прошлом. Неудача постигла только грузовик, стоявший третьим в очереди: он не поместился на платформе, и когда платформа с грузовиком исчезла, два дюйма выхлопной трубы и половина номерного знака со стуком упали на пол. Барни поднял кусок трубы и с любопытством посмотрел на сверкающий срез, гладкий и ровный, будто отполированный. Очевидно, этот кусок оказался за границами временного поля и просто остался на месте. То же самое легко могло случиться с рукой.

— Во время путешествия все, кроме профессора, должны находиться внутри трейлеров и грузовиков. Только несчастных случаев нам не хватало!

Последним рейсом переправили трактор с катером на прицепе и грузовик-холодильник, и Барни вскарабкался на платформу вслед за ними. Он бросил последний взгляд на калифорнийский пейзаж, залитый солнцем, и подал профессору знак отправляться. На часах было 11.57 — до полудня субботы оставалось три минуты, когда двадцатый век мигнул и исчез и появилось одиннадцатое столетие. Барни облегченно вздохнул. Теперь время — в том веке, который они покинули, — остановилось. И как бы долго они ни снимали свой фильм, там, в Калифорнии, время останется неизменным. Когда они вернутся с отснятым фильмом, в Голливуде все еще будет полдень субботы — почти два дня до рокового понедельника. Впервые спешить было некуда.

Несколько секунд Барни стоял, расслабившись, чувствуя, как напряжение покидает его. Но вот он вспомнил, что ему предстоит снять целую картину со всеми вытекающими отсюда проблемами и неприятностями, и ответственность снова внезапным бременем опустилась ему на плечи, и только что исчезнувшее напряжение вновь навалилось на него.

Где-то рядом взревел двигатель трактора, и воздух наполнился отвратительным запахом выхлопных газов. Барни отошел в сторону, пока по сходням осторожно спускали прицеп с катером, и оглядел лужайку. Грузовики и трейлеры были разбросаны как попало, хотя некоторые из них образовали что-то вроде круга, подобно повозкам переселенцев, готовящихся отразить атаку индейцев. Здесь и там бродили одинокие фигуры, однако большинство еще спало. Барни пожалел, что не относится к их числу, однако тут же решил, что не смог бы заснуть, даже если бы попытался. «Ну что ж, — подумал он, — пора приниматься за дело».

Барни подошел к Тексу и Далласу как раз тогда, когда они устраивались на траве, подложив под голову сиденья, вытащенные из джипа.

— Лови! — сказал он, бросая монету, которую Даллас поймал на лету. — Кидайте жребий. Один из вас отправится со мной за Йенсом Лином, а другой может дрыхнуть.

— Решка — идешь ты, — сказал Даллас и выругался, когда монета улеглась на траве, глядя на него портретом Джорджа Вашингтона. Текс засмеялся, затем опустился на траву.

— Знаешь, — сказал Даллас, когда они отъехали от лагеря и спускались к берегу моря, — я не имею ни малейшего представления, где мы находимся.

— На Оркнейских островах, — ответил Барни, провожая взглядом чаек, которые стремительно проносились над их головами и выкрикивали проклятия по их адресу.

— Я всегда был слаб в географии.

— Это маленькая группа островов к северу от Шотландии, примерно на одной широте со Стокгольмом.

— К северу от Шотландии — кончай шутить! Когда шла война, моя часть находилась в Шотландии, и за все

время я видел солнце только несколько раз в просвете между облаками, и к тому же я там чуть не замерз...

— Не сомневаюсь, но ведь это было в двадцатом веке. А сейчас мы в одиннадцатом веке, в середине так называемого Малого Климатического Оптимума. По крайней мере так назвал его профессор, и если тебе хочется знать больше, спроси у него. Короче говоря, в одиннадцатом веке климат был... точнее, сейчас он мягче, чем в двадцатом.

— Трудно этому поверить,— пробормотал Даллас, глядя на солнце с таким подозрением, как будто ожидал, что оно может исчезнуть в любую минуту.

Дом был точно таким, каким они оставили его два месяца назад. На пороге сидел один из слуг и точил нож. Когда джип подъехал, слуга испуганно вскочил, уронив точильный камень, и исчез внутри хижины. Через минуту на пороге появился Оттар, вытирая рукавом рот.

— Добро пожаловать,— рявкнул он, когда джип остановился.— Рад видеть вас снова. Где Джек Даниэльс?

— Похоже, что уроки языка возымели свое действие,— заметил Даллас,— но побороть его пристрастие к Джеку они не могли.

— Виски у нас сколько угодно,— успокоил Оттара Барни.— Но сначала я хочу поговорить с доктором Лином.

— Он там, в хижине,— сказал Оттар и вдруг заревел:— Йенс, иди сюда!

Йенс Лин появился из-за угла хижины, волоча ноги, согнувшись под тяжестью грубого деревянного бочонка. Он был бос и оброс грязью до пояса. Нечто похожее на мешок с куском кожи вокруг поясницы заменяло ему одежду; спутанная борода и ниспадающие до плеч волосы

сы делали его похожим на Оттара. Увидев джип, он замер как вкопанный, его глаза расширились, изо рта вырвался хриплый крик. Подняв бочонок над головой, он побежал к джипу. Даллас выпрыгнул из машины и принял положение боевой готовности.

— Осторожнее, док,— сказал он.— Опустите бочонок, пока кого-нибудь не ушибли.

Слова, а может быть, фигура Далласа, приготовившегося к прыжку, обуздали ярость Лина. Он остановился и опустил бочонок.

— Что случилось? — крикнул он.— Где вы все пропадали?

— Готовились к съемкам фильма, где же еще? — ответил Барни.— Прошло всего два дня с тех пор, как я доставил вас сюда, то есть для нас это было два дня, и я понимаю, что для вас прошло целых два месяца.

— Два месяца! — завопил Йенс.— Прошло больше года! Что случилось?

Барни пожал плечами.

— Наверно, профессор сделал какую-нибудь ошибку. Все эти приборы, знаете...

Йенс Лин заскрипел зубами с такой силой, что скрежет было слышен на расстоянии нескольких шагов.

— Ошибка... Для вас это всего лишь ошибка. А я оказался здесь с этими вшивыми варварами, ухаживал за их вонючим скотом. Через пять минут после вашего отъезда Оттар стукнул меня кулаком по голове и забрал всю мою одежду, все снаряжение и все виски.

— Зачем работать за виски, когда можно его взять просто так,— сказал Оттар, следуя элементарной логике викинга.

— Ну, что сделано, не воротишь,— сказал Барни.— Вы пробыли здесь год, но я позабочусь о том, чтобы вы получили все сполна. Ваш контракт все еще в силе, и

вы получите жалованье за весь год. Не так уж плохо за два дня работы, и вам все еще предстоит академический отпуск, за который вы тоже получите годовой оклад. Вы выполнили свою задачу и научили Оттара английскому языку...

— Любовь к виски его научила. Он непрерывно пил в течение месяца, а когда очухался, вспомнил об уроках английского языка. Он заставил меня учить его каждый день, чтобы, если вы вернетесь, потребовать плату за каждый день обучения.

— Оттар говорит очень хорошо, это верно. Где виски?

— У нас неограниченный запас, Оттар, не волнуйся, — сказал Барни и снова повернулся к Лину. У него в голове зашевелились мрачные мысли о судебном процессе, который может возбудить доктор. — Послушайте, док, давайте будем квиты, а? Годовое жалованье за обучение Оттара английскому языку, и вы будете помогать нам, пока снимается фильм. Я уверен, что это был незабываемый год...

— А-а-а-а!

— И вы его не скоро забудете, да к тому же вы узнали массу нового насчет грамматики старонорвежского...

— Гораздо больше, чем мне бы хотелось.

— Так что давайте не будем ссориться. Как ваше мнение?

Йенс Лин несколько мгновений стоял, стиснув кулачки и тяжело дыша, затем бросил бочонок на землю и свирепо поддал его ногой, так что бочонок тут же разлетелся на куски.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — У меня нет выбора. Но я и пальцем не пошевельну, пока мне не будут предоставлен душ, полная дезинфекция и свежая смена белья.

— Конечно, док. Через несколько минут мы доставим вас в лагерь, он вон за тем холмом...

— Ничего, я найду его сам, если вы не против,— Иенс Лин повернулся и зашагал по берегу.

— Виски,— напомнил Оттар.— Дайте мне немного...

— Работа,— в тон ему ответил Барни.— Если ты у нас на водочном жалованье, то постараися его отработать. Съемки начинаются завтра утром, и мне хотелось бы сначала кое-что узнать.

— Конечно. Заходи в дом.

— Никогда в жизни! — воскликнул Барни, отпрянув в сторону.— Я слишком хорошо помню, что случилось с парнем, который зашел к тебе до меня.

VIII

— Не шевелись,— закричал Джино.— От тебя требуется только одно — стоять неподвижно, а ты не можешь сделать даже этого.

— Хочется выпить,— пробурчал Оттар и нетерпеливо дернул за длинные спутанные волосы слугу, который стоял рядом, изображая Слайти. Слуга взвигнул и чуть не упал.

Джино выругался и оторвался от окошечка видеокамеры.

— Барни,— замолился он,— поговори с этими кретинами из каменного века. Мы снимаем любовную сцену, а они слоняются взад и вперед по всему склону, будто это матч по борьбе. Это самые плохие статисты, каких мне только приходилось видеть.

— Ты просто заметь место, Джино, через минуту мы будем готовы,— ответил Барни, поворачиваясь к своим звездам.

Раф стоял, сложив руки на груди и устремив в пространство отсутствующий взгляд. В костюме викинга и со светлой бородой он выглядел очень импозантно. Слайти откинулась на спинку походного кресла, пока ей расчесывали парик, и выглядела еще более импозантно со своими двумя кубическими футами округлой плоти, выпирающей из-под низкого выреза платья.

— Повторяю все еще раз,— сказал Барни.— Вы любите друг друга, Раф отправляется на битву, и ты, может быть, больше никогда не увидишь его, поэтому вы прощаетесь на холме, страстно обнимая друг друга.

— А я-то думала, что ненавижу его,— сказала Слайти.

— Это было вчера,— разъяснил ей Барни.— Наши сцены снимаются не в том порядке, в каком они будут в фильме, я уже два раза объяснял это сегодня утром. Давайте я повторю еще раз, кратко — если соизволите осчастливить меня своим вниманием, мистер Хоук. Действие начинается с того, что Тор, роль которого исполняет Раф, вместе с бандой викингов нападает на ферму, где живешь ты, Слайти. Тебя зовут Гудрид, и ты дочь хозяина дома. В бою все убиты, кроме тебя, и Тор захватывает тебя в качестве трофея. Ночью он приходит к тебе, но ты борешься с ним, потому что ненавидишь его. Однако постепенно он завоевывает твое сердце, и в конце концов ты полюбила его. В это время он уходит с викингами в очередной рейд, и ты ждешь его возвращения. Это как раз та сцена, которую мы снимаем сейчас. Он уходит, ты бежишь за ним, окликаешь его, он поворачивается, ты подбегаешь к нему и обнимаешь, прямо здесь. Надеюсь, теперь это понят...

— Смотрите,— прервал его Раф, указывая на море,— подходит корабль.

Они повернулись к морю — действительно, ладья викингов только что обогнула мыс и вошла в залив. Парус

был свернут, однако голова дракона на носу корабля вздымалась и опускалась в такт ритмичным движениям гребцов.

— Завтра! — закричал Барни. — Лин, где ты? Разве вы с Оттаром не договорились, что этот Финнбогги приведет свой корабль завтра?

— У них очень приблизительное представление о времени, — ответил Лин.

Барни швырнул шляпу на землю и побежал к оператору.

— Как ты думаешь, Джино, это стоит заснять? Ты можешь взять корабль?

Джино повернул туррет, направил длинную трубу телескопа в море и прильнул к видоискателю.

— Неплохо, — сказал он, — великолепный кадр.

Оттар и другие норвежцы уже бежали вниз по склону и не обратили никакого внимания на крики Барни, который хотел, чтобы они убрались из кадра.

— Что это они делают? — спросил Барни, когда скандинавы начали выбегать из хижины, держа в руках оружие.

— Если бы я только знал, — недоуменно сказал Лин. — Может, это какой-то неизвестный мне обряд приветствия?

Оттар со своими людьми стоял у самой воды, что-то крича, и люди с корабля кричали ему в ответ.

— Снимай все происходящее, Джино, — распорядился Барни. — Если кадры будут хорошими, мы вставим эти сцены в сценарий.

Несколько взмахов веслами, и корабль викингов уткнулся в берег. Голова дракона высилась над стоящими на берегу людьми. Не успел корабль остановиться, как вновь прибывшие схватили щиты, висевшие вдоль бортов, и попрыгали в воду. Подобно стоящим на берегу, они

тоже размахивали над головой самыми разномастными мечами и топорами. В следующее мгновение обе группы столкнулись.

— Ну, как это выглядит в кадре? — спросил Барни.

— Санта Мария! — крикнул Джинио. — Они убивают друг друга.

Звон металла смешался с хриплыми боевыми криками воинов. Зрители, стоявшие на холме, не могли различить деталей, множество борющихся фигур сливалось в общую массу, пока из гущи боя не вырвался человек, который, спотыкаясь, побежал вдоль берега. Он был безоружен и казался раненым, а следом за ним бежал его противник, вовсю размахивая топором с длинной рукояткой. Преследование было коротким, а конец — внезапным. Как только расстояние между преследуемым и преследователем сократилось, топор, описав широкую дугу, отрубил убегавшему голову, которая покатилась вдоль берега.

— Да, они вошли в роль, — выдавил из себя Барни.

— Мне кажется, это не Финнбогги со своими людьми, — сказал Лин. — Я думаю, что это совсем другой корабль.

Барни был человеком действия, но подобные действия были не в его духе. Звуки битвы и зрелище обезглавленного трупа, валяющегося на окровавленном песке, парализовали его. Как поступить? Это был не его мир, не его методы борьбы. Вот Текс или Даллас в такой ситуации оказались бы в своей тарелке. Кстати, где же они?

— Радио, — пробормотал он, с опозданием вспомнив о приемнике-передатчике, висевшем у него на плече; он включил радио и спешно вызвал к себе обоих трюкачей.

— Он заметил пас, поворачивается, он бежит к нам, — звонкованно закричал Джинио. — Какие великолепные кадры!

Вместо того чтобы вернуться в гущу боя, убийца бежал вверх по склону, размахивая топором и что-то хрипло крича. Группа артистов, стоявших на вершине холма, следила за его приближением, но не двигалась с места. Все было настолько чуждо им, что они не могли представить себя ничем иным, кроме зрителей, не могли вообразить, что могут быть вовлечены в ужасную бойню, развернувшуюся на берегу. Атакующий викинг подбегал все ближе и ближе, пока не стали отчетливо видны темные пятна океанских брызг и пота на грубой красной шерсти его рубахи и зловещие багровые пятна крови на топоре и руках.

Тяжело дыша, викинг бежал прямо на Джино, очевидно считая съемочную камеру каким-то оружием. Оператор оставался на посту до последнего мгновения, снимая своего разъяренного противника, и отскочил в сторону только в тот момент, когда топор обрушился вниз. Широкое лезвие ударило по ноге треножника, согнув ее и чуть не опрокинув съемочную камеру на землю.

— Эй, поосторожнее с оборудованием! — крикнул Барни и тут же пожалел об этом, когда обезумевший от ярости викинг повернулся в его сторону.

Джино пригнулся, выставив перед собой руку с ножом, поблескивающим в лучах солнца, и спокойно ожидая новой атаки — тут, несомненно, чувствовался опыт юношеских лет, проведенных в трущобах Неаполя. Стоило викингу на мгновение отвлечься, как Джино нанес удар.

Он не промахнулся, однако викинг, несмотря на свои огромные размеры, оказался быстрым как кошка. Он успел повернуться, и нож вместо живота скользнул по боку. Заревев от внезапной боли, викинг продолжал наступление, и рукоятка топора обрушилась на голову итальянца, сбив его с ног. Все еще яростно крича, викинг схва-

тил Джино за волосы, отогнул его голову назад, обнажив шею, и взмахнул топором, чтобы нанести роковой удар.

Воздух разорвал щелчок пистолетного выстрела, и тело викинга, в грудь которого попала пуля, судорожно дернулось. Он повернулся, открыв рот, на лице его застыла гримаса молчаливой боли, и Текс — они даже не знали, что подъехал джип, — положив руку с револьвером на руль, выстрелил еще два раза. Обе пули попали викингу в лоб, и он рухнул на землю, отдав богу душу еще до того, как его тело коснулось земли.

Джино оттолкнул от себя безжизненное тело викинга и, встав на ноги, весь дрожа, наклонился над камерой. Текс снова включил двигатель джипа. Остальные были настолько потрясены внезапностью атаки, что стояли как вкопанные.

— Хотите, я поеду к берегу и помогу нашим статистам? — сросил Текс, вкладывая патроны в барабан колыта.

— Да, — сказал Барни. — Необходимо прекратить это безобразие, пока еще кого-нибудь не убили.

— Не могу гарантировать, что этого не случится, — зловеще пробормотал Текс и повернулся джип вниз по склону холма.

— Кончай съемку! — крикнул Барни оператору. — Мы можем вставить в наш фильм что угодно, только не джипы.

Текс заклинил чем-то кнопку гудка, так что тот ревел не переставая, и держал мотор на самой низкой передаче — он гудел как бешеный, а коробка передач выла, готовая разорваться. Со скоростью пять миль в час джип устремился к месту битвы.

Оттар и его люди видели джип довольно много раз и успели привыкнуть к нему, однако этого нельзя было сказать про викингов с нападающего корабля. Они увидели, как на них мчится какое-то ревущее чудовище, и по вполне понятным причинам не стали ждать его приближения, а разбежались влево и вправо. Текс, резко развернув джип у самой кромки воды, успел поддать буфером в зад одному из них, который не проявил достаточного проворства. Оттар и его люди собирались позади джипа и перешли в решительное наступление на рассеянного по берегу противника. Морские викинги дрогнули и обратились в бегство, поспешно карабкаясь на корабль и хватаясь за весла.

На этом и пришел бы конец попытке вторжения, если бы Текс не был охвачен боевой лихорадкой. Не успел корабль викингов сдвинуться с места, как он выскочил из-за руля, подбежал к переднему бамперу и вытащил оттуда барабан лебедки с намотанным на него стальным тросом. На его конце была петля. Вытянув трос достаточноной длины, он вскочил на капот джипа и начал размахивать тросом. При этом он издавал воинственный клич, разносившийся по всему берегу. Все шире и шире становились круги, и, наконец, трос взвился в воздух и петля опустилась прямо на голову дракона на носу корабля викингов. Текс дернул за трос, накрепко затянув петлю, и, спрыгнув на землю, неторопливо залез обратно в кабину.

Весла взбили белой пеной воды залива, и корабль медленно и плавно отошел от берега. Текс закурил сигарету, предоставив тросу разматываться. Вот корабль отошел на двадцать, вот уже на тридцать футов от джипа. Один из викингов, стоя на носу, рубил топором стальной трос, но не добился ничего, разве что совершенно затупил топор. Текс ногой очень быстро переключил лебед-

ку на обратное вращение. Трос поднялся из воды, натянулся подобно струне, корабль дрогнул и остановился. Затем медленно, но верно он двинулся обратно к берегу. Бесла, отбрасывая брызги, погружались глубоко в воду, но тщетно.

Теперь оставалось только довершить разгром. После текстова маневра первоначальный пыл, с которым атакующие бросились на берег, полностью испарился. Оружие посыпалось в воду, и захватчики подняли руки вверх — они сдавались. Только один из них жаждал сразиться — тот самый, который пытался разрубить стальной трос. Держа топор в одной руке и круглый щит в другой, он спрыгнул на берег и кинулся к джипу. Текс взвел курок револьвера и ждал, но в схватку вступил Оттар, отразивший атаку. Оба викинга начали описывать круги возле самой воды, выкрикивая оскорблений по адресу друг друга. Когда Текс увидел, что все остановились, он осторожно спустил взвешенный курок и сунул револьвер в кобуру, следя за схваткой двух богатырей.

Оттар, взмокший от пота и предельно возбужденный битвой, будил в себе безумие берсеркера, грыз край щита, что-то хрюшило крича. Он вбежал по колено в воду и продолжал идти к своему противнику. Вождь атакующих замер в нескольких ярдах от него, бросая на Оттара яростные взгляды из-под нависшего на глаза железного шлема и выкрикивая ответные оскорблений. Оттар несколько раз плашмя ударил топором по своему щиту, затем внезапно ринулся вперед, взмахнув топором, и обрушил сокрушительный удар на голову противника. Тот успел поднять щит, чтобы отразить удар, однако он был нанесен с такой силой, что викинг рухнул на колени.

С радостным воплем Оттар снова и снова наносил безжалостные удары топором, не замедляя ритма, как дровосек, валящий дерево. Викинг стоял на коленях и не

мог поднять свой топор — он опирался на него, чтобы не упасть под градом мощных ударов. От его щита летели щепки, и огромная волна окутала сражавшихся туманом мелких брызг.

Вдруг ритмичные удары по щиту прекратились — Оттар поднял топор как можно выше и со всей силой обрушил его прямо вниз, на голову противника. Щит взлетел вверх, однако не сумел предотвратить сокрушительный удар. Топор соскользнул по щиту, едва замедлив движение, и глубоко вонзился в бедро викинга. Тот взывал от боли и взмахнул топором, стремясь нанести ответный удар. Однако Оттар, увернувшись, легко отскочил назад и остановился на мгновение посмотреть на дело рук своих. Раненый с трудом встал, перенося весь свой вес на здоровую ногу, и было ясно видно, что его бедро перерублено почти наполовину и из раны хлещет поток крови. При этом радостном зрелище Оттар отбросил от себя щит и меч и издал победный клич. Раненый викинг сделал неловкую попытку атаковать его, однако Оттар, смеясь, увернулся. Все скандинавы, стоявшие на берегу, да и большая часть викингов на корабле тоже смеялись над бессильной яростью раненого викинга. Он продолжал ползти к Оттару, пытаясь повалить своего противника.

Должно быть, Оттар понял, что эта забава может кончиться только смертью его противника от потери крови, потому что он подбежал к поверженному врагу и вспрыгнул ему на спину, погрузив его лицо в пенящуюся воду. Затем, встав одной ногой на правую руку викинга, которая все еще сжимала топор, он обеими руками схватил его голову, ткнул ее в песок и мелкую гальку и держал до тех пор, пока тело викинга не перестало дергаться. Враг утонул в нескольких дюймах пенившейся воды. Все воины на берегу и корабле приветствовали победу Оттара радостным криком.

На вершине холма царила потрясенная тишина, только Раф Хоук нетвердым шагом отошёл в сторонку: его рвало. Барни впервые заметил, что Джино снова склонился над камерой.

— Ты успел заснять схватку? — спросил он, мучась от того, что его голос дрожит и срывается.

— До последнего момента! — ответил Джино, похлопывая по диску с заснятым фильмом. — Хотя я не уверен, что мне удалось запечатлеть все подробности с такого расстояния.

— Все к лучшему, — сказал Барни. — На сегодня мы закончим, все равно вот-вот начнет темнеть, да я и не думаю, что кто-нибудь из нас сможет работать в таком окружении, — он кивком головы указал на мрачное зреющее внизу, у берега.

— А меня это нисколько не волнует, — беззаботно ответила Слайти. — Это напоминает мне бойню, на которой работал мой отец, когда мы жили в Чикаго. Я каждый день приносила ему ленч.

— Ну, не все могут похвастаться таким хладнокровием, — сказал Барни. — Завтра ровно в 7.30 начнем с того, где кончили сегодня.

Он направился вниз по склону холма к шумной толпе на берегу.

Убитых и раненых из обеих групп сволокли в одно место, туда, где волны не могли их достать, и победители уже грабили захваченное судно, начав с эля. Уцелевшие викинги стояли под стражей, и перед ними расхаживал взад и вперед Оттар, что-то крича и размахивая кулаками для пущей выразительности. По-видимому, его слова возвысили действие, потому что, когда Барни спустился с холма, скандинавы, побежденные и победители, повернулись и вместе двинулись по направлению к хижине. Только один человек не двинулся с места. Оттар обру-

шил ему на голову мощнейший удар, и человек рухнул как подкошенный. Двое слуг подняли и унесли его. Оттар вошел в море и начал шарить по дну, разыскивая свой топор, когда Барни подошел к нему.

— Может быть, ты скажешь мне, что все это значит? — спросил Барни.

— Ты видел, как я рубанул его по ноге? — торжествующе крикнул Оттар, размахивая найденным топором над головой. — Крак! Отрубил почти начисто!

— Хорошо сыграю. Я видел все. Прими мои поздравления. Но кто он такой и что они здесь делали?

— Его имя Торфи. Виски?! — это уже был триумфальный возглас, потому что Текс бросил на песок освобожденный трос и извлек из-под сиденья джипа поллитровую бутылку.

— Виски, — согласился Текс. — Правда, не твой любимый сорт, но этот тоже неплох. А хорошо у тебя получился этот удар с размаху!

Предвкушая паслаждение, Оттар стал вращать глазами, затем, поднеся к губам бутылку, зажмурился и осушил ее до дна.

— Вот бы мне так научиться, — с завистью сказал Текс.

Барни подождал, пока бутылка не опустела и Оттар с победным криком не запустил ее в море, а затем спросил:

— Так вот этот Торфи. Кто он такой?

Усталость после битвы — и последствия виски — внезапно обрушились тяжелым бременем на плечи Оттара, и он опустился на гальку, тряся огромной головой.

— Торфи, сын Вальбранда, — сказал он, как только снова смог набрать воздуху в легкие, — сына Вальтофа сына Орлуга пришел к Свайни... Торфи убил за один раз двенадцать людей Кроппа. Он убил и семью Холсменов,

и он был в Хеллисфитаре вместе с Иллуги Черным и Стурли Добрый, когда там убили восемнадцать пещерных людей. Они также сожгли Аудуна, сына Смидкела, в его собственном доме в Бергене.— Оттар остановился и с глубокомысленным видом кивнул головой, будто сообщил сведения огромной важности.

— Ну и что? — озадаченно спросил Барни.— Что все это значит?

Оттар посмотрел на него и нахмурился.

— Смидкел был женат на Тородде, моей сестре.

— Да, конечно,— воскликнул Барни.— Как только это вылетело у меня из головы! То есть у этого Торфи были нелады с твоим шурином, а значит, и с тобой, и, когда он попытался тебя прикончить, ты его опередил. Ну и жизнь. А кто были его воины?

Оттар пожал плечами и с трудом поднялся на ноги, опираясь на переднее колесо джипа.

— Викинги, грабители. Собирались грабить Англию. Им не нравился Торфи, потому что он решил плыть сначала сюда, вместо того чтобы сразу отправиться в Англию. Теперь они отправятся со мной грабить Англию. Мы подлывем на моем новом корабле.

Он указал топором на свой корабль, украшенный изображением дракона, и весь зашелся от смеха.

— А тот, который не хотел присоединиться к вам?

— Это Хаки, брат Торфи. Я сделаю его рабом. Продам его собственной семье.

— Ну что за парни,— сказал Текс.— Они не очень-то церемонятся.

— Ты совершенно прав,— подтвердил Барни, в изумлении уставившись на викинга, который в этот момент показался ему гигантом.— Лезь в джип, Оттар, мы отвезем тебя домой.

— Оттар поедет в чипе,— с энтузиазмом воскликнул викинг, бросил в джип свой топор и щит и полез в кабину.

— Только не на сиденье водителя,— сказал Текс.— Всему свое время.

В число припасов, снятых с захваченного корабля, входила дюжина бочонков эля, большая часть которых была открыта и стояла перед хижиной, где уже начался пир в ознаменование победы. По-видимому, воины Оттара не питали злых чувств к своим бывшим противникам, потому что те смеялись с победителями и не уступали им по количеству выпитого эля. Единственным человеком, который не наслаждался пиром, был Хаки, связанный по рукам и ногам и брошенный под скамью. Пиরующие шумными криками приветствовали Оттара, который тут же направился к бочонку с выбитым дном, зачерпнул рукой эль из бочонка и начал его пить.

Когда крики стихли, снаружи послышался шум мото-ра, и Барни увидел пикап, который шел вдоль берега к дому. Машина затормозила, осыпав Барни дождем из мелкой гальки, и из нееглянула Даллас.

— Мы добрых десять минут пытались связаться с тобой по радио, а может быть, и больше,— сказал он.

Барни взглянул вниз на свой радиоприемник и увидел, что он был выключен.

— Все в порядке,— успокоил он Далласа.— Просто я по ошибке выключил эту штуку.

— Зато в лагере не все в порядке, вот почему мы и пытались вызвать тебя...

— Что... Что случилось?

— Да Раф Хоук. Он вернулся страшно взволнованный, не смотрел под ноги и в темноте наступил на

овцу — знаешь, такие грязно-серые, очень похожи на валуны, — споткнулся, упал и сломал ногу.

— Ты хочешь сказать, что на третий день съемок фильма наш главный актер сломал себе ногу?

Даллас не без сочувствия посмотрел ему прямо в глаза, затем медленно кивнул головой.

Часть вторая

IX

Вокруг трейлера Рафа Хоука собралась толпа, и Барни пришлось основательно поработать локтями.

— Расходитесь, — рявкнул он. — Это вам не представление! Дайте мне дорогу!

Раф лежал на кровати, лицо у него было серым и покрылось мелкими капельками пота. Он все еще был в костюме викинга. Правая нога ниже колена была забинтована, сквозь белую марлю местами проступала кровь. У изголовья стояла медицинская сестра — вся в белом, готовая к действиям.

— Ну как он? — спросил Барни. — Это серьезно?

— Настолько серьезно, насколько это возможно, — информировала его медсестра. — У мистера Хоука сложный перелом ноги, то есть его нога ниже колена сломана в нескольких местах, и острый конец кости пробил кожу.

Эти слова исторгли у Рафа, лежавшего с закрытыми глазами, театральный стон.

— Мне кажется, дело обстоит не так уж трагично, — с отчаянием в голосе заметил Барни. — Сейчас ему нужно сложить сломанные кости, и он в два счета встанет на ноги.

— Мистер Хендриксон, — начала медсестра ледяным тоном. — Я не доктор и поэтому не могу предписывать курс лечения. Я оказала пациенту первую помощь: наложила стерильную повязку на рану, чтобы предупредить заражение, и сделала укол новокaina, чтобы облегчить

боль. Я выполнила свой долг. А теперь мне хотелось бы знать, когда прибудет врач.

— Конечно, этим случаем немедленно займется врач. Где моя секретарша?

— Я здесь, мистер Хендриксон,— раздался голос из-за двери.

— Бетти, возьми пикап, он стоит здесь, у самой двери. Текс отвезет тебя. Найди профессора Хьюитта, пусть он, не теряя ни секунды, доставит тебя на платформе обратно в студию. Он знает, как это сделать. Там разыщи нашего врача и немедленно возвращайся с ним сюда.

— Не надо доктора, отправьте меня обратно... обратно,— застонал Раф.

— За дело, Бетти, быстрее,— Барни, широко улыбаясь, повернулся к Рафу и похлопал его по плечу.— А теперь забудь обо всех неприятностях. Мы не постоим перед расходами, к твоим услугам будут все чудеса современной медицины. Сейчас хирурги чего только не делают — ставят на кость металлические стержни и так далее. Они живо поставят тебя на ноги, и ты будешь как огурчик.

— Нет! Я не хочу сниматься в этой картине. Теперь моей работе с вами конец, я уверен, что именно так сказано в моем контракте. Я хочу домой!

— Успокойся, Раф. Не волнуйся, отдохни. Сестра, останьтесь с ним, я сейчас выгоню всех отсюда. Я убежден, что все будет в порядке.

Однако в словах Барни было не меньше фальши, чем в улыбке. Он рявкнул на любопытных, и трейлер тотчас опустел.

Не прошло и пяти минут, как вернулся пикап. В трейлер вошли доктор и двое служителей, несших ящики с медицинскими принадлежностями.

— Я прошу всех, кроме сестры, покинуть помещение,— сказал доктор.

Барни пытался было протестовать, затем пожал плечами. Все равно пока здесь нечего было делать. Выйдя из трейлера, он подошел к профессору, который копался во внутренностях времеатрона.

— Не вздумайте разбирать его,— предостерег Барни.— Мне нужно, чтобы эта ваша машина времени круглые сутки была в состоянии боевой готовности.

— Я прости проверяю отдельные участки проводки. Боюсь, что в спешке многие провода были соединены и изолированы кое-как и на них в течение длительного времени нельзя будет полагаться.

— Как долго длилось ваше последнее путешествие? То есть я хочу сказать, сколько сейчас времени в Голливуде?

Профессор посмотрел на указатели приборов.

— Если брать с точностью до нескольких микросекунд, то сейчас 14,3552 часа, суббота...

— Черт побери, уже половина третьего субботы! Куда же делось все это время?

— Уверяю вас, я здесь совершенно ни при чем. Я ждал у платформы, прескверно позавтракал у одного из автоматов, пока не вернулся пикап. Насколько я понял, доктор куда-то отлучился, его искали, и, кроме того, нужно было запастись медицинским оборудованием.

Барни невольно потер живот: у него возникло такое ощущение, будто в желудке образовался кусок льда величиной с пушечное ядро.

— Я должен сдать готовый фильм в понедельник утром. Сейчас половина третьего субботы, а мы отсняли материала всего на три минуты, и главный герой лежит

со сломанной ногой. Времени, времени у нас в обрез.— Барни как-то странно взглянул на профессора.— А почему у нас нет времени? Времени должно быть сколько угодно, правда, профессор? Можно найти уединенное местечко, вроде такого, куда мы посыпали Чарли Чанга, и там можно закончить лечение Рафа!

Не ожидая ответа профессора, Барни вскочил и кинулся к Рафу, спотыкаясь о разбросанное повсюду съемочное оборудование. Без стука он ворвался в трейлер. Нога Рафа была уложена в лубок, и доктор измерял его пульс. Он недовольно посмотрел на Барни.

— Дверь была закрыта совсем не случайно,— заметил он.

— Я знаю, доктор, и я вам гарантирую, что больше никто не войдет через нее. Здорово вы его обработали... я надеюсь, вы не обидитесь, если я спрошу, через сколько времени вы поставите его на ноги?

— До тех пор, пока я не помешу его в госпиталь...

— Ага, совсем ненадолго!

— ...там я сниму шину и наложу гипс, и он будет лежать в гипсе по крайней мере двенадцать недель — это минимальный срок. А потом пациент будет ходить на костылях не меньше месяца.

— Ну что ж, это отнюдь не плохо, то есть я хочу сказать, совсем здорово, просто здорово. Я надеюсь, вы сделаете все, чтобы он вылечился, и сможете сами отдохнуть в то же самое время, каникулы, так сказать. Мы найдем для вас обоих милое уединенное местечко, где вы оба сможете отдохнуть.

— Я не знаю, о чем вы говорите, но то, что вы предлагаете мне, совершенно неосуществимо. У меня обширная практика, и я не могу оставить ее на двенадцать недель или даже на двенадцать часов. Сегодня вечером у меня очень важная встреча, и я должен немедленно от-

правляться назад. Ваша секретарша заверила меня, что я буду дома вовремя.

— Так оно и случится,— уверенно сказал Барни. Ему уже пришлось один раз объяснять все это Чарли, и теперь он знал, как это делается.— Вас доставят вовремя для важной встречи сегодня вечером, в понедельник вы прибудете на работу без опоздания, и все остальное будет в полном порядке. Вдобавок вы сможете отдохнуть — разумеется, за наш счет — и получите трехмесячное жалованье. Ну разве это не великолепно? Сейчас я объясню вам, как это делается...

— Нет! — взвизгнул Раф. Он приподнялся на постели и с трудом показал Барни кулак.— Я знаю, что вы хотите сделать, но я решительно отказываюсь. Я не хочу иметь ничего общего ни с этой картиной, ни с этими сумасшедшими варварами. Я видел, что случилось сегодня на берегу, и с меня хватит.

— Успокойся, Раф...

— Не пытайся уговаривать меня, Барни, я все равно не изменю решения. Я сломал ногу, и у меня с этой картиной все кончено. И даже если бы я не сломал ногу, я все равно отказался бы от участия. Ты не можешь заставить меня играть.

Барни открыл рот — у него на языке вертелись выражения, ярко характеризующие игру Рафа,— но неожиданно для себя, что было не в его привычках, сдержался.

— Мы поговорим об этом завтра, а сейчас отдохни как следует,— пробормотал он, не разжимая губ, затем повернулся и вышел из трейлера.

Он знал, что, закрывая за собой дверь трейлера, он закрывал дверь для всей картины. И для своей карьеры. Ясно, что Раф не изменит своего решения. Мало что проникало через мускулы и кости в его крошечный мозг, но то, что проникало, оставалось там навсегда. Барни

не мог заставить этого кретина с чрезмерно развитой мускулатурой отправиться для лечения на какой-нибудь доисторический остров — а значит, фильму пришел конец.

Барни споткнулся и, подняв голову, увидел, что он пересек весь лагерь и вышел к берегу, сам того не заметив. Он был один на холме, который поднимался над берегом и над заливом. Солнце уже склонилось к самому горизонту, освещая полосу низких облаков золотым светом заката, а закат отражался от поверхности воды, образуя дрожащие блики с каждой новой волной. На этом мире, свободном от людей, лежал отпечаток первозданной красоты, но Барни ненавидел этот мир и все, что его окружало. Он заметил камень у себя под ногами и, размахнувшись, бросил его, как бы стремясь разбить зеркало моря. Но, бросая его, он сделал неловкое движение, повредил руку, и камень, не долетев до воды, упал на прибрежную гальку.

Итак, картины не будет. Он громко выругался.

— Что ты сказал? — раздался позади него низкий голос Оттара. Барни резко повернулся.

— Я сказал — убирайся отсюда, волосатый болван!

Оттар пожал плечами и протянул огромную руку, в которой он держал две бутылки виски.

— По-моему, ты плохо выглядишь. Выпей глоток!

Барни открыл рот, чтобы сказать что-то обидное, но потом вспомнил, с кем говорит, ответил: «Спасибо!» и приложился к бутылке. Основательно подзаправившись, Барни почувствовал себя немного лучше.

— Я пришел сюда за своей бутылкой, а тут Даллас сказал, что он на собственные деньги поставит мне еще одну — за сегодняшний бой. Сегодня большой день!

— О да, большой день. Дай-ка бутылку. И это последний день, потому что фильм окончен, погиб, капут. Ты знаешь, что это значит?

— Нет, — раздалось продолжительное бульканье.
— Да откуда тебе знать, тебе, чистому дитяти природы, неиспорченному варвару. В каком-то смысле я тебе просто завидую.

— Я не дитя природы. Был человек по имени Торд — Лошадиная Голова, он был моим отцом.

— Да, я завидую тебе, потому что ты — хозяин мира. То есть хозяин своего мира. Сильная рука, неутолимая жажда, великолепный аппетит и никаких сомнений. А мы постоянно сомневаемся сами в себе, мы этим живем. Готов поспорить, что ты даже не знаешь, что значит сомневаться в себе.

— Это что-то вроде самоубийства?

— Конечно, это тебе незнакомо.

Викинг уже сидел на земле, и Барни опустился рядом с ним, чтобы легче доставать бутылку. Солнце село, и ярко-красное небо на горизонте незаметно переходило в серые облака, а потом в темный мрак над головой.

— Понимаешь, Оттар, мы делаем фильм, картину. Развлечение и большой бизнес, слитые воедино. Деньги и искусство — они не смешиваются, но мы их смешиваем уже давным-давно. Я занимался этим делом еще тогда, когда на мне были короткие штанишки, и вот теперь, в период ранней зрелости, когда мне сорок пять, я покончил с кино. Потому что без этого шедевра «Клаймэктик» пойдет ко дну, а вместе с ней ко дну пойду и я. А знаешь почему?

— Выпей-ка еще.

— Спасибо. Я тебе скажу, почему. Потому что за всю свою долгую и богатую событиями жизнь я сделал семьдесят три картины, и каждая из них была забыта, едва она сошла с экрана. Если я уйду из «Клаймэктика», мне

конец, потому что в мире множество продюсеров и режиссеров, которые лучше меня, и они претендуют на ту же работу, на какую буду претендовать я.

Оттар, придав лицу благородное и героическое выражение, орлиным взором посмотрел на море, улыбнулся и кивнул. Барни одобрительно кивнул и снова приложился к бутылке.

— Ты — умный человек, Оттар. Я скажу сейчас тебе то, чего я еще никому не говорил, потому что я напился на твою дневную зарплату, а ты, наверно, понимаешь только одно слово из десяти. Знаешь ли ты, кто я? Я — посредственность. А ты имеешь представление, какое ужасное признание я сделал? Если ты ни на что не способен, ты быстро узнаешь об этом, и тебя отовсюду гонят, и ты идешь работать заправщиком на автостанцию. Если ты гений, ты тоже знаешь это, и твоя жизнь сделана. А вот если ты посредственность, ты никогда не можешь до конца этому поверить, сваливаешь все на обстоятельства и пытаешься сделать еще одну картину, пока не отснимаешь семьдесят третью бездарную ленту. А вот семьдесят четвертой не бывать. Но самое смешное заключается в том, что этот семьдесят четвертый действительно мог стать хорошим фильмом. И уж по крайней мере, клянусь богом, он не был бы похож на остальные. Все погибло. Картина умерла, не успевши родиться, бедная картина попала в царство кинематографического забвения. Картина умерла, нет картины...

— Что такое картина?

— Я уже объяснял, произведение искусства. Развлеченье. Вроде этих вапших, как вы их называете, саг...

— Хочешь, я спою песню из саги? Я хорошо пою.

Не ожидая ответа, Оттар встал, глотнул из бутылки, чтобы прочистить горло, и запел громовым голосом, сливающимся с шумом прибоя:

Рази, рази, меч,
Место в моем сердце, где живет червь!
Гневные лица — мои сыновья — принесут месть.
У смерти нет страха. Голос Валкирии
Сыывает новых гостей в пивной зал Одина.
Приходит смерть. На столе — пир.
Жизнь окончена. Я умираю, смеясь!

Оттар замер на мгновение, затем взревел с новой силой.

— Это была песня Рагнара перед тем, как король Аэлла убил его, и Аэлла умер. Как жаль, что мне не удалось сделать это!

Оттар погрозил кулаком недоброму небу.

У Барни в глазах двоилось, но он обнаружил, что, если закрыть один глаз, он достаточно четко видел вторым. Оттар возвышался над ним, гигант на заре существования мира, в кожаной одежде, с развевающимися волосами. Последние багровые отсветы заката легли на его лицо. Сага была для него жизнью, искусство и жизнь сливались в одно целое. Песня была битвой, а битва — песней.

Мысль, пришедшая в голову Барни, была настолько неожиданной, что он тихо охнул.

А почему бы нет? Если бы он не налакался, распивая виски на берегу древнего моря с человеком, который умер тысячу лет назад, эта идея никогда не пришла бы ему в голову. Почему бы нет? Вся история со съемкой этой картины — безумие, так почему не добавить к ней еще один, последний штрих? В его руках была свобода и власть — и ведь все равно картина погибла, хуже не будет. Почему же нет?

— Пошли со мной,— пробормотал Барни, с трудом встав на ноги и пытаясь поднять с земли неподвижную громаду викинга.

— Зачем?

— Смотреть кино.— На Оттара это не произвело впечатления, и он остался сидеть.— Ну тогда пошли за виски.

Это пришлось Оттару больше по душе, и они отправились в лагерь. Барни то и дело опирался на своего спутника, который даже не замечал этого.

— Экстры готовы? — спросил Барни, просовывая голову в трейлер кинолаборатории.

— Сейчас вынимаем из сушилки, мистер Хендриксон,— ответил техник.

— Отлично! Установите экран снаружи и давайте их сейчас просмотрим. Сначала покажите вчерашнюю порцию, а потом то, что было снято сегодня.

— А виски? — спросил Оттар, и Барни ответил:

— Да, да, посиди немного, сейчас принесу.

Было совсем не просто найти в темноте свой трейлер, да к тому же повсюду было разбросано на редкость много всякого хлама, о который Барни то и дело спотыкался; затем возникла проблема, как найти нужный ключ из множества ключей в связке. Когда Барни вернулся обратно с бутылкой виски в руках, складной экран был уже установлен и парусиновые кресла расставлены. Они с Оттаром поудобнее устроились в креслах, поставили перед собой бутылку, проектор зажужжал, и они начали смотреть фильм в этом удивительном кинотеатре с крышей из открытого неба и ярких звезд.

Сначала Оттар никак не мог воспринимать проектируемые на экран кадры как картину, его неразвитый ум не связывал движущиеся изображения с действитель-

ностью. Он не был, однако, полным профаном в изобразительном искусстве, ему были знакомы как три измерения в резьбе по дереву, так и плоскостное изображение — рисунки, и когда на экране появилось изображение берега и его хижины, он вскрикнул от изумления.

Ужин уже подошел к концу, и почти вся съемочная группа подошла к экрану, чтобы посмотреть на экстры. Даже те, кто не присутствовал при сражении, были достаточно наслышаны о нападении викингов, и когда на экране возник корабль, послышался шепот и вздохи, то и дело прерываемые гневным ревом Оттара. Когда корабль нападающих пристал к берегу и началась битва, воцарилась полная тишина. Угол съемки был великолепен, кадры четкие, детали настолько ясны, что было почти невыносимо смотреть. Даже Барни, который все время был на берегу, почувствовал, как у него по спине забегали мурашки, когда на экране появилось лицо залитого кровью викинга, бегущего вверх по холму прямо на камеру, все ближе и ближе.

Испустив страшный боевой клич, Оттар вскочил на ноги, бросился на экран и сорвал его, запутался в белой ткани, споткнулся и покатился вниз по склону, в ярости разрывая материю и ломая металлическую раму. Поднялся крик, одна из девушек принесла небольшой прожектор и осветила викинга. Подбежавший к Оттару Лин сумел наконец успокоить его, а подоспевшие помощники вытащили викинга из-под обломков экрана. Пока продолжалась неразбериха, лагерь осветился автомобильными фарами, и через минуту машина «Скорой помощи» с надписью «Госпиталь графства Лос-Анджелес» на белом борту въехала в свет прожектора.

— Чертовски трудно найти кого-нибудь в вашем лагере, — сказал шофер. — У вас, киношников, действительно

большие павильоны для съемок, вот уж никогда бы не подумал, что все это можно уместить на одной сцене.

— Что вы хотите? — спросил Барни.

— Меня вызвали. Приехал за пациентом со сломанной ногой по имени Хоук.

Барни обвел глазами молчаливую толпу.

— Ну-ка, Бетти, покажи им дорогу к трейлеру Рафа. И передай ему мои лучшие пожелания, скажи, я надеюсь, что он быстро поправится, и все в таком духе.

Бетти хотела что-то сказать, но не смогла найти слов. Она быстро прошла к машине, приложив платок к лицу, и вскарабкалась в нее. По-прежнему стояла тишина, многим было неприятно встречаться с Барни взглядом. Он улыбнулся про себя широкой таинственной улыбкой и приветливо махнул рукой.

— Представление продолжается! — распорядился он. — Принесите новый экран и давайте досмотрим экстры до конца.

Когда последнюю пленку прокрутили через проектор, Барни встал перед экраном, освещенный со всех сторон, и, приложив руку к глазам, стал вглядываться в темноту.

— Я не вижу, кто здесь. Джино, ты тут? А Эмори? — Из толпы послышались утвердительные возгласы. — Отлично, сейчас проведем пробу. Установите-ка вон там проектора.

— Сейчас уже ночь, мистер Хендриксон, — раздался голос из темноты.

— Я еще не ослеп и понимаю, что вы хотите сказать. Все вы получите сверхурочные, но я хочу снять эту пробу немедленно. Как вам всем, наверно, уже известно, поскольку слухи распространяются у нас чертовски быстро, Раф Хоук сломал ногу и сниматься не может. Значит, мы

остались без главного героя. Может быть, некоторым это покажется катастрофой, но это неверно, потому что мы сняли не так уж много метража, который теперь придется выбросить. Но нам нужен главный герой, и именно этим мы сейчас и займемся, так как я хочу сделать пробу парни, которого все вы хорошо знаете, нашего местного друга Оттара...

Послышалось несколько удивленных возгласов, шепот и смешки. Барни услышал только смех.

— Здесь я распоряжаюсь, я директор этой картины и я хочу устроить пробу — вот так! — Он остановился перевести дыхание и только тут действительно осознал, что он здесь главное лицо и сейчас больше, чем когда бы то ни было. Тысячелетие отделяло его от конторы треста, от ее телефонов. Л. М. не сможет добраться до него, даже если бы он и не был в постели со своим мнимым инфарктом и не прятал под матрас бухгалтерские книги. Теперь вся ответственность лежала на нем, только на нем одном, и судьба картины зависела от того, какое решение он сейчас примет. И не только картины — судьба всей киностудии зависела от него, от него зависело, будут ли работать все окружавшие его сотрудники, не говоря уж о нем самом.

При обычных условиях подобная ситуация обеспечила бы ему бессонные ночи и спазмы желудка, заставив его испытать адские муки нерешительности. Но не сейчас. Может быть, ему передалась частичка духа викингов, сознания, что каждый человек сражается один на один со всем миром, и если ему повезет, то кто-то протянет ему руку помощи, однако рассчитывать на помощь не приходится.

— Сейчас мы сделаем эту пробу. Никто не может спорить с тем, что Оттар выглядит настоящим викингом. А если он говорит с небольшим акцентом, ну так что ж —

Бойер и фон Штрокхейм тоже не могли избавиться от акцента, но всем известно, чего они добились. А теперь посмотрим, сможет ли он играть, по крайней мере хотя бы как Раф.

— Ставлю пять зеленых, что он лучше,— донеслось из толпы.

— Кто спорит? — ответил другой голос, и по толпе пронесся смешок.

Теперь они были на его стороне, Барни чувствовал это. Может быть, им всем передалось сумасшествие викингов. Какой бы ни была причина, они были с ним заодно.

Барни откинулся на спинку кресла, время от времени давая указания и потягивая из горлышка виски, пока устанавливали осветительные приборы и камеры. Когда все было готово, Барни встал и отнял бутылку у клевавшего носом Оттара.

— Отдай обратно,— проворчал Оттар.

— Сейчас. Но я хочу, чтобы ты еще раз спел мне эту сагу о Рагнаре.

— Не хочу петь.

— Нет, хочешь. Я рассказал всем о том, какая это была великая песня, и все хотят её услышать, правда?

Из толпы послышалось дружное «да!» и одобрительные возгласы. Слайти выскользнула из темноты и прижалась к плечу Оттара.

— Спой для меня, милый, это будет моя песня,— процитировала она из своей предыдущей картины о каком-то второразрядном композиторе.

Оттар не мог устоять перед личной просьбой. Все еще ворча, но уже без злобы, он встал на место, указанное Барни, и взял в руку бутафорский топор.

— Слишком легкий, — сказал он. — Из дерева. Никуда не годится.

И он спел для них, сначала монотонно и нараспев, все еще рассматривая топор, затем все громче и выразительнее, по мере того как заражался энтузиазмом древней боевой песни. Пропев последнюю строфи, Оттар с воинственным ревом грохнул топором по ближайшему прожектору, опрокинув его на землю и едва не превратив в металлом. Слушатели разразились аплодисментами и восторгами одобрения, а Оттар, тяжело дыша, расхаживал перед ними взад и вперед, воспринимая все как должное.

— Это было великолепно, — сказал Барни. — А теперь давай сделаем еще одно маленькое дело, и ты свободен. Видишь, вон там стоит стойка прожектора с надетой на нее курткой и шлемом? Так вот, это вражеский часовой. Ты должен подкрасться и убить его так, как ты сделал бы это на самом деле.

— Зачем?

— Зачем? Оттар, что за вопрос? — Барни отлично знал, что это был за вопрос — это был вопрос, на который страшно трудно дать ответ. Зачем? Для актера было совершенно понятно, потому что игрой он зарабатывал себе на хлеб. Но зачем это все Оттару?

— Забудь-ка на минуту об этом, — сказал Барни. — Давай сядем рядом и выпьем по глотку. Теперь я расскажу тебе сагу.

— Ты тоже знаешь саги, да? Саги интересные.

В век Оттара, когда не было развлечений и не было еще письменности, саги заменяли все — песню и историю, газету и книгу, и Барни было это известно.

— Отлично, — сказал он и сделал знак, чтоб на Оттара навели камеру. — Хватай-ка бутылку и слушай мой рассказ, рассказ о великом викинге, которого звали Оттаром...

— Как и меня?

— Как и тебя, да, и он был знаменитым воином. У него был хороший друг, который вместе с ним пировал и вместе с ним участвовал в сражениях. Они были самыми лучшими друзьями в мире. Но однажды во время битвы друга Оттара захватили в плен, связали и увезли. Однако Оттар пошел по следу врага и, подкравшись к лагерю противника, стал ждать наступления темноты. После битвы его мучила жажда, и он пил, но сидел в укрытии не двигаясь.

При последних словах Барни Оттар поднес к губам бутылку и сделал быстрый глоток, потом прислонился к трейлеру.

— Вскоре стало темно, его время наступило. Он освободит своего друга. Встань, Оттар, сказал он себе, встань, пойди и освободи своего друга, которого враги должны убить на рассвете. Встань!

Последнее слово прозвучало как приказ, и в одно мгновение Оттар легко вскочил на ноги. Бутылка упала. Она была забыта.

— Оглянись вокруг, Оттар, и ты увидишь часового. Осторожно — вон он!

Теперь Оттар не играл — он жил. Он низко наклонился, выглянув из-за угла и тут же спрятался обратно.

— Там стоит часовой, спиной к тебе. Подползи к нему, Оттар, и без единого звука задуши его собственными руками. Схвати его за горло, и пусть он умрет молча. Иди, только осторожно, пока он стоит к тебе спиной.

Оттар уже выскоцил из-за укрытия, низко согнулся и начал двигаться вперед по изъезженной земле, беззвучно, как тень. Все замерли при виде Оттара. Барни оглянулся и увидел рядом свою секретаршу, которая не сводила глаз с крадущегося викинга. На полпути Оттар услы-

шал шаги и замер: кто-то шел сюда. Он спрятался. Оттар скользнул в тень валуна, и Барни прошептал:

— Иди к нему, Бетти, просто пройди мимо.— Он взял ее за руку и толкнул вперед.

Оттар спрятался в тени как раз в ту минуту, когда мимо него прошла женщина. Она была совсем рядом, но не заметила его. Она ушла. Оттар подождал, пока все не стихло, затем начал снова красться вперед, все ближе и ближе — и бросился на часового!

Джино пришлось быстро повернуться, чтобы удержать викинга в кадре, когда он вскочил, рванулся вперед, все еще совершенно беззвучно, и, буквально пролетев последние метры по воздуху, бросился на чучело. Шлем упал и покатился в сторону, викинг схватил стальной стержень подставки и единым движением согнул пополам.

— Стоп! — крикнул Барни.— Такова была сага, все было точно так, как ты изобразил это. Убил часового и освободил своего друга. Здорово, просто здорово. А теперь давайте покажем Оттару, как нам понравилось его представление!

Под гром аплодисментов и крики одобрения Оттар сел на землю и быстро заморгал, как бы постепенно вспоминая, где он и что с ним. Он посмотрел на изогнутый стержень, потом отбросил его в сторону и ухмыльнулся.

— Это была хорошая сага,— сказал он.— Вот так действует Оттар.

— Ну ладно, завтра я покажу тебе экстры,— сказал Барни.— Ты увидишь движущиеся картинки с твоим изображением — как ты делал все это. А пока хватит, это был длинный день. Текс... или Даллас — пусть один из вас возьмет джип и отвезет Оттара домой.

Ночной воздух становился все холоднее, и толпа быстро рассосалась. Подсобные рабочие убрали освещение и камеру. Барни задумчиво посмотрел вслед исчезающим крас-

ным огонькам джипа, зажег сигарету. Тут только он заметил стоящего рядом с ним Джино.

— Как твое мнение? — спросил он.

— Мое мнение? — Джино пожал плечами. — Откуда я знаю? Я всего лишь оператор...

— Каждый оператор, сколько я их ни встречал, в глубине души был убежден, что из него бы вышел директор намного лучше, чем те кретины, с которыми ему приходится работать. Что ты о нем думаешь?

— Если ты спрашиваешь мое мнение, а видимо, это так, то я скажу, что он по крайней мере лучше, чем тот кусок мяса, который унесли на носилках. И если проба получится так, как я ожидаю, может быть, ты сделал находку века. Одиннадцатого века, конечно. Вот и говори потом о методе!

Щелчком пальца Барни послал окурок далеко в темноту.

— Я, — сказал он, — думаю точно так же.

X

Барни пришлось повысить голос, чтобы перекрыть грохот ливня, бьющего по крыше трейлера.

— А ты уверен, что он понимает, что подписывает? — крикнул он, с сомнением глядя на кривой крест и отпечаток пальца под контрактом.

— Совершенно уверен, — ответил Йенс Лин. — Я прочитал ему как английский оригинал, так и перевод на ста-ронорвежский язык, и он со всем согласился, затем подписался в присутствии свидетелей.

— Надеюсь, ему никогда не попадется хороший адвокат. В соответствии с этим контрактом он — исполнитель главной роли в фильме — получает зарплату меньше всех в группе, включая негра, присматривающего за уборной.

— Ему не на что жаловаться, так как он сам выставил такие условия. Одна бутылка «Джека Даниэльса» в день и по серебряной марке каждый месяц.

— Но ведь этого не хватит даже на пломбу в зубе.

— Не следует забывать о разном экономическом положении двух миров,— начал Йенс с профессорскимaplombом, для пуцей убедительности подняв палец.— Экономика одиннадцатого века в основном виждется на торговле и обмене товарами, почти без применения монет. Поэтому серебряная марка имеет гораздо большую ценность, которую трудно сравнивать с нашей ценой серебра, производимого в большом количестве. Пожалуй, лучше взглянуть на ее покупательную способность. За одну серебряную марку можно купить раба. За две марки...

— Достаточно, уже все понятно. Для меня важно знать, останется ли он с нами до конца картины?

Йенс пожал плечами.

— О, это очень хороший ответ.— Барни потер большими пальцами разламывающиеся от боли виски и посмотрел из окна на свинцовое небо и падающий занавес дождя.— Уже два дня, как льет, неужели дождь никогда не прекратится?

— Этого следовало ожидать. Не нужно забывать, что, хотя погода в одиннадцатом веке теплее, чем в двадцатом, из-за влияния Малого Климатического Оптимума, мы все-таки находимся в Северной Атлантике примерно на 59-м градусе северной широты, и дождь здесь...

— Избавь меня от лекции. Я должен быть уверен, что Оттар будет сотрудничать с нами на протяжении съемки всего фильма, иначе даже и начинать не стоит. Он может отплыть завтра в этой своей новой ладье или выкинуть какой-нибудь другую номер, принятый у викингов. Послушай, а что он вообще здесь делает? Он как-то не соответствует моему представлению о веселом фермере.

— В настоящее время он находится в изгнании. Повидимому, ему не понравилось принятие христианства в том виде, в каком оно происходит при короле Олафе Трюгтвессоне, и он, проиграв сражение, был вынужден бежать из Норвегии.

— А почему ему не захотелось быть обращенным в христианство?

— Во-первых, Лаф подвергнет его испытанию змеей. То есть конец «лурхорна» — длинного медного боевого горна — силой засовывается глубоко в горло жертвы, затем через широкое отверстие впускается ядовитая змея, отверстие тут же затыкается, и горн подогревается на огне, так что змее приходится искать выход в горле язычника.

— Необычайно привлекательно. А что случилось после его бегства из Норвегии?

— Он направился в Исландию, однако во время шторма его корабль погиб и он с несколькими воинами выбрался на этот остров. Все это случилось незадолго до нашего появления.

— Если он потерпел кораблекрушение, то в чьем же доме он живет?

— Этого я не знаю. Он и его воины убили владельца и поселились в доме.

— Господи, что за жизнь. Ну по крайней мере для нас это приятные новости. Я уверен, что он не захочет куда-нибудь отправиться, пока его здесь поят и к тому же платят.

Вместе с порывом ветра и дождя в трейлер Барни ворвался Эмори Блестэд. Ему пришлось налечь на дверь всем телом, чтобы закрыть ее.

— Можешь повесить свои вещи на гвоздь в двери, пусть они немного высохнут,— сказал Барни.— Кофе на плитке. Ну, как дела с декорациями?

— Почти закончены,— ответил Эмори, размешивая сахар в своей чашке.— Мы разломали заднюю стену хижины, чтобы можно было втащить внутрь осветительные приборы и камеры, покрыли стены фанерой и подняли крышу на четыре фута. Это оказалось гораздо легче, чем я ожидал, мы просто подняли всю крышу вместе с балками на демократах, потом местные рабочие нарезали дерна и довели стены до необходимой высоты. Эти парни действительно умеют работать.

— И к тому же почти даром,— дополнил Барни.— Пока что единственное, в чем мы не расходимся с планом,— это в бюджете.— Он взглянул на свой экземпляр сценария, отмечая сцены красным карандашом.— Мы можем сейчас приступить к съемкам в помещении?

— В любое время.

— Тогда полеали в резиновые сапоги. Что ты думаешь о пробе, Эмори?

— Абсолютно первоклассная проба. Этот викинг прирожденный актер, настоящая находка.

— Да,— Барни пожевал карандаш, затем бросил его на пол.— Будем надеяться. Может оказаться, что он в состоянии сыграть одну-две сцены, однако справится ли он с целой картиной? Я хотел снять сначала простые сцены: как влезают и вылезают из лодок, героический взгляд в сторону заката и тому подобное, но погода все это прикончила. Придется браться за интерьеры и надеяться на лучшее.

Потоки дождя низвергались с крыши, текли по бокам джипа, который медленно полз вверх по склону холма вдоль

полосы жидкой грязи, проложенной предыдущими машинами, что двигались из лагеря. В поле позади хижин Отара уже стояло несколько автомобилей, среди которых возвышалась передвижная электростанция с урчащим генератором. Они подъехали как можно ближе к хижине, вылезли из джипа и похлопали к двери. К стене прижалась группа слуг, выброшенных из дома, чтобы освободить место для съемочного оборудования. Вид у них был мокрый и несчастный. Фанерная дверь была приоткрыта из-за толстых электрических кабелей, и Барни протиснулся внутрь.

— Ну-ка, дайте побольше света, — сказал он, вылезая из мокрого насквозь плаща. — И выставьте этих людей, я хочу взглянуть на кровать.

— Осторожнее, краска на древнем дереве еще не про сохла, — сказал Эмори, показывая на двустворчатые двери в стене.

— Неплохо, — одобрительно отозвался Барни.

— Чего хорошего?! — фыркнул Йенс Лин. — Ведь я же говорил, что в таком простом доме люди спят на лавках вдоль стен — вот этих, — но в доме вполне может быть небольшая комната с кроватью, встроенная в стену, совсем маленькая, чтобы тепло спящих могло обогревать ее. — Лин распахнул пятифутовые двери, за которыми оказалась маленькая комната с матрасом из пенопласта и нейлоновыми простынями. — Но эта мерзость! В ней нет ничего похожего...

— Не волнуйтесь, док, — сказал Барни, осматривая комнатку через видоискатель камеры. — Ведь мы снимаем картину, правда? Мы даже не сможем втиснуть камеру и пару операторов в тот гроб, о котором вы думаете. Хорошо, уберите заднюю стену.

Двое плотников убрали заднюю стену комнаты, за ней в сарайчике оказалась камера.

— Залезай внутрь, Джино, и я еще раз повторю со-

держание. Это дубль пятьдесят четыре. А, Оттар, как раз вовремя, тебе сейчас на сцену.

В дом ввалился викинг, щеголявший в хлорвиниловом плаще, в сопровождении гримера, который держал зонт над его головой.

— Здорово, Барни, — рявкнул Оттар. — Я хорошо выгляжу, нет?

Он действительно выглядел хорошо. Сначала его отмачивали в ванне — пришлось три раза менять воду, — его борода и волосы были вымыты, высушены, окрашены, подстрижены и причесаны, костюм Рафа был перешит и приложен к его массивной фигуре. Оттар выглядел весьма впечатительно, он знал это и наслаждался.

— Ты великолепен, — сказал Барни. — Ты так хорошо выглядишь, что мне хочется сделать еще несколько снимков с тебя, ведь ты любишь на них смотреть, правда?

— Хорошая мысль. Я хорошо выгляжу на снимках.

— Верно. А теперь вот чего я хочу от тебя. — Барни закрыл двери, ведущие в комнату. — Я буду внутри с камерой. Ты стоишь вот здесь и открываешь двери... вот так... и когда они полностью открыты, ты смотришь на кровать — вот так — и медленно улыбаешься. Вот и все.

— Мне это кажется очень глупым. Лучше сними меня прямо здесь.

— Я высоко ценою твое предложение, Оттар, но мне хочется сделать это по-своему. В конце концов ты получаешь ежедневно по бутылке и серебряную марку каждый месяц, так что постарайся заработать их.

— Совершенно верно, каждый день. Где сегодняшняя бутылка?

— Ты получишь ее после работы, а мы ведь пока даже не начали. Так что стой здесь, а я обойду кругом и встану с другой стороны с камерой.

Он отбросил плащ и направился к сарайчику.

После новых объяснений, криков и нескольких неудачных попыток Оттар, казалось, понял, чего от него хотят, двери были снова закрыты, и Барни подал сигнал. Объектив устремился в темное помещение, и камера зажужжала, когда дверь вдруг распахнулась с такой силой, что одна из дверных ручек осталась в руке Оттара и он швырнулся на пол.

— Черт побери! — рявкнул он.

Барни глубоко вздохнул.

— Видишь ли, Оттар, эту сцену нужно играть не совсем так, немного по-другому, — сказал он. — Постарайся войти в роль. Ты пришел домой неожиданно, очень усталый. Ты открываешь дверь, чтобы лечь спать, опускаешь взгляд, видишь спящую Гудрид, и на твоем лице появляется улыбка.

— На этом острове нет никакой Гудрид.

— Гудрид — это имя Слайти в нашем фильме. Ты ведь знаешь, кто такая Слайти?

— Конечно, но ведь ее здесь нет. По-моему, Барни, все это очень глупо.

Барни приходилось долгие годы снимать безразличных и просто плохих актеров, поэтому возражения Оттара не подействовали на него.

— Давай подождем минутку и сделаем еще одну пробу, — предложил он.

На этот раз за закрытыми дверями несколько минут слышалось какое-то шуршание, ворчание, жалобы, затем двери снова распахнулись, но уже несколько медленнее, и появилось лицо Оттара. Он свирепо глянул в объектив, затем опустил взгляд, и выражение его лица начало постепенно изменяться. Наморщенный лоб разгладился, уголки рта поднялись вверх, образовав счастливую улыбку, а глаза широко раскрылись. Он протянул руку.

— Стоп. На этот раз отлично,— при этих словах Барни бросился к кровати, опередив Оттара, и схватил бутылку «Джека Даниэльса». — Я ее приберегу для тебя. О-ох!

Викинг схватил его за кисть, и Барни почувствовал, что его рука вжата в тиски гидравлического пресса. Бутылка выпала из его ослабевших пальцев. Пошатываясь и потирая полураздавленную руку, Барни направился обратно, спрашивая себя, не допустил ли он все-таки ошибки при распределении ролей.

Появилась Слайти, и после того, как с нее были сняты резиновые сапоги, плащи и много ярдов пластика, она оказалась, дрожащая и босая, в одной прозрачной ночной рубашке. Под рубашкой она была одета в обтягивающее формы нейлоновое трико телесного цвета с глубоким вырезом и совершенно прозрачное. Эффект был сокрушаительным.

— Подлинный костюм одиннадцатого века,— ядовито прокомментировал Йенс Лин и ушел. Оттар блаженно посасывал из бутылки и не обращал внимания на окружающих.

— Мне холодно,— выговорила Слайти.

— Установите электрический термоизлучатель над кроватью,— распорядился Барни.— Дубль сорок три, Слайти, залезай в мешок и закрой двери. Внутри достаточно тепло.

— Я не хочу схватить пневмонию.

— Не беспокойся, милая, с твоей изоляцией это невозможно.

Это была короткая сцена, всего несколько секунд на экране, однако на съемках фильма время летит незаметно — когда они закончили, Оттар уже высосал полбутылки и, сидя в углу, напевал что-то про себя со счастливым выражением лица.

— Начали, дубль пятьдесят пять, и ты тоже, Оттар, расстанься на минуту со своей зарплатой,— сказал Барни.

Умиротворенный солидной порцией виски, Оттар подошел, грохоча тяжелыми сапогами, и посмотрел на кровать, где под американо-вikingовым одеялом изящно вытянулась Слайти.

— Она устала? — спросил с участием Оттар.— Слишком много огней, трудно спать.

— Похвальная наблюдательность, но мы все еще снимаем фильм. Вот что тебе нужно сделать,— Барни подошел и встал рядом с кроватью.— Ты только что открыл дверь, смотришь вниз на спящую девушки. Затем медленно протягиваешь руку и касаешься ее волос. Она просыпается и в страхе отстраняется от тебя. Ты смеешься, садишься на край кровати, притягиваешь ее к себе и целуешь. Сначала она сопротивляется, отталкивает тебя, но потом ненависть переходит в любовь, она медленно протягивает руки, обнимает тебя за шею и тоже целует тебя. Твоя рука поднимается к бретельке на плече — вот этой, не перепутай, вторая приkleена — и ты медленно спускаешь ее с плеча девушки. Вот и все. На этом съемка закончится, остальное довершит воображение зрителей, а воображение у них — будь спокоен. Давайте попробуем сначала без камеры.

Это была отчаянно трудная работа, поскольку Оттар не проявлял к Слайти ни малейшего интереса, то и дело поглядывая на бутылку, чтобы убедиться, что никто ее не украл, и Барни, пытавшийся придать движениям викинга хоть какое-то правдоподобие, обливаясь потом. Наконец бутылка была поставлена на кровать, в угол, вне поля зрения камеры, так что по крайней мере большую часть времени Оттар смотрел в нужном направлении.

Барни выпил глоток воды, отдающей химикалиями, и еще раз поставил Оттара к линии, прочерченной на земляном полу.

— Начинаем! — объявил он. — Будем снимать этот дубль без звука, и я все время буду вами руководить. А остальные пусть сейчас же заткнутся, у нас не съемочный павильон, а прямо какое-то профсоюзное собрание. Камера, поехали! Ты вошел, Оттар, смотришь вниз — вниз, не на свою проклятую бутылку! — протягиваешь руку и касаешься ее волос. Слайти просыпается, великолепно, пока все идет хорошо, садись — осторожно, не сломай кровать! Окей, теперь ты обнимаешь ее, потом целуешь.

Пальцы Оттара впились в руку Слайти, внезапно он нагнулся к ней и совершенно забыл про бутылку. Волшебство гормонов Слайти действовало в одиннадцатом веке с не меньшей силой, чем в двадцатом. Запах приятно пахнущего женского тела ударили ему в голову, и ему не потребовалось наставлений Барни, чтобы крепко прижать Слайти к своей груди.

— Очень хорошо, — раздался одобрительный возглас Барни. — Страстное объятие и поцелуй, но тебе это не нравится, Слайти.

Слайти пыталась выскользнуть из объятий викинга и колотила кулаками по его широченной груди. Повернув голову в сторону, она прошептала: «Потише, питекантроп, потише», — затем Оттар снова поцеловал девушку.

— Великолепно! — крикнул Барни. — Очень правдоподобно, Слайти. Теперь бретелька, Оттар.

Послышался треск рвущейся материи.

— Эй, что ты делаешь! — раздался возмущенный голос Слайти.

— Не беспокойся, — подал реплику Барни, — студия

купит новую рубашку. Великолепно! Теперь выражение твоего лица меняется. Ненависть переходит в страстную любовь. Очень хорошо...

XI

— Что мне действительно нравится в одиннадцатом веке,— сказал Барни, подцепив вилкой большой кусок белого мяса,— так это морская пища. Скажите, почему, профессор? Из-за отсутствия промышленных отходов или из-за чего-то другого?

— Наверно, это объясняется тем, что у вас на тарелке лежит не морская пища одиннадцатого века.

— Не пытайтесь купить меня, профессор. Уж я-то знаю, что это не замороженный полуфабрикат, который мы получили со складов «Клаймэктика». Смотрите, облака начинают расходиться. Если так пойдет и дальше, мы сможем заснять концовку сцены возвращения.

Передняя часть брезентовой крыши была поднята, и перед ними расстилалась панорама лугов, а вдали виднелся океан. Профессор Хьюитт указал на него.

— Практически морская рыба этого века ничем не отличается от рыбы двадцатого столетия. Однако трилобит, который находится на вашей тарелке, действительно принадлежит к совершенно иной разновидности и эпохе — его добыли на острове Каталина наши отыскающие.

— А, вот почему из тех ящиков, которые они привезли с собой, текло. — Барни подозрительно посмотрел на еду. — Одну минуточку, то, что я сейчас ем, не имеет никакого отношения к тем глазам и зубам, о которых говорил Чарли Чанг?

— Нет, — успокоил его профессор, — после того как членам съемочной группы разрешили проводить уиканды в другой эпохе, чтобы не прерывать работы, мы сменили

периоды. Остров Санта-Каталина является идеальным местом для отдыха, мистер Чанг может это подтвердить, но его несколько беспокоила местная фауна. Признаю свою ошибку: я оставил его в девонском периоде, когда рыбы-амфибии, дышавшие воздухом, начали выходить из моря. По большей части эти земноводные — совершенно безвредные создания. Однако в воде были существа...

— Глаза и зубы... Слышал о них.

— ...поэтому я решил, что кембрий — более подходящий период для наших отдыхающих. В те времена во всем океане не было существа более опасного для купающихся, чем этот совершенно безвредный трилобит.

— Вы опять употребили это слово, профессор. Что оно значит?

— Вымершее членистоногое. Эти существа — переходная форма от ракообразных к паукообразным, однако экземпляр, который вы едите, действительно огромный. Не что вроде полуметровой морской вши.

Барни выронил вилку и поспешил глотнуть кофе.

— Это было великолепное блюдо, — сказал он. — А теперь, если вы не против, поговорим о колонии в Винланде. Что вам удалось выяснить?

— У меня не слишком хорошие новости.

— После трилобита все кажется хорошим. Ну так что?

— Не нужно забывать, что моя информация о данном периоде весьма ограничenna. Однако доктор Лин хорошо знаком с историей, в его распоряжении имеются все саги относительно открытия Винланда и ранних скандинавских поселений, и я следовал его указаниям. Нам было очень нелегко отыскать подходящее место для высадки, поскольку берега Ньюфаундленда и Новой Шотландии, мягко выражаясь, очень изрезаны, однако удалось найти этот район. Мы широко использовали моторную лодку,

так что я могу заверить вас, что наши поиски были настолько тщательными, насколько это только возможно.

— И что вам удалось обнаружить?

— Ничего.

— Именно такие новости мне и хотелось услышать,— сказал Барни, отодвигая подальше от себя тарелку с жареным по-французски трилобитом.— Давайте-ка сюда дока, профессор. Если вы не против, мне хотелось бы услышать об этом поподробнее.

— Все обстоит именно так,— мрачно подтвердил Йенс Лин.— В Северной Америке нет норвежских поселений. Это меня очень тревожит. Мы осмотрели все возможные районы поселений, начиная с десятого и кончая тринадцатым веком, и ничего не обнаружили.

— А откуда вы знаете, что там вообще что-то было?

Лин выдвинул вперед подбородок.

— Позвольте напомнить вам, что после обнаружения карты Винланда мало кто сомневался в том, что норвежцы действительно открыли и исследовали Северную Америку. Доказано, что в 1121 году епископ Эрик Гнуппсон совершил поездку в Винланд. Норвежские саги говорят о множестве путешествий, совершенных из Скандинавии в Винланд, и описывают находившиеся там поселения. Сомнительными являются только сведения о точном расположении поселений; целью наших недавних поисков и было отыскать их. Поскольку источники расходятся в описании расположения Хеллуланда и Маркланда, упоминающихся в сагах, нам предстояло осмотреть тысячи миль побережья. Гаторн-Харди считает, что пролив Лонг-Айленд и есть знаменитый Страумсфьорд, и делает вывод, что Хоп находится в устье реки Гудзон. Однако в других источниках говорится, что высадка произошла гораздо север-

нее; например, Сторм и Бэбкок указывают на район Лабрадора и Ньюфаундленда, а Моуэйт даже помещает Хоп в...

— Стоп! — воскликнул Барни. — Меня не больно-то интересуют теории. Вы хотите сказать, что вам не удалось обнаружить поселений или даже каких-нибудь доказательств их существования?

— Не удалось, но...

— Значит, все ваши авторитеты ошибаются?

— Ну... получается так, — сказал Лин. Выражение лица его было несчастным.

— Пусть это вас не беспокоит, док, — сказал Барни, протягивая чашку, чтобы официантка налила ему новую порцию кофе. — Напишите книгу об этом — и сразу станете новым авторитетом. Сейчас гораздо важнее решить, что делать дальше? Позвольте напомнить вам, если вы не просматривали сценарий в последнее время, что наш фильм называется «Викинг Колумб», что это сага об открытии Америки и первом поселении на ее территории. Так что же нам теперь делать? Мы предполагали переправить всю группу в одно из поселений викингов и отснять там часть картины. Однако поселений нет. Что дальше?

Йенс Лин задумчиво пожевал палец, затем поднял голову.

— Можно отправиться на западное побережье Норвегии. Там есть норвежские поселения и некоторые места мало чем отличаются от берега Ньюфаундленда.

— А там есть индейцы, которых мы могли бы нанять для съемок боевых сцен? — спросил Барни.

— Нет, индейцев в Норвегии совсем нет.

— Тогда это нам не подходит. Давайте-ка спросим нашего местного эксперта. — Барни оглянулся вокруг и в дальнем углу столовой увидел Оттара, который поглощал огромную кучу дымящихся трилобитов. — Ну-ка, Йенс, по-

тревожьте нашу кинозвезду. Скажите, что он успеет съесть второе и третье потом.

— Вам нужен Оттар? — послышалась тяжелая поступь, и викинг плюхнулся на скамейку.

— Что тебе известно о Винланде? — спросил его Барни.

— Ничего.

— Ты хочешь сказать, что никогда не слыхал о нем?

— Конечно, я слышал саги о Винланде, которые поют скальды, и разговаривал с Лейффом Эрикссоном о его путешествии. Но я никогда не видел Винланда и ничего о нем не знаю. Когда-нибудь отправлюсь в Исландию, оттуда в Винланд, сразу разбогатею.

— Отчего? Золото? Серебро?

— Дерево, — сказал Оттар, не скрывая презрения к тем, кто не знает таких простых вещей.

— Дерево для гренландских поселений, — объяснил Йенс Лин. — Там у них всегда страшная нужда в дереве, особенно в твердых сортах для строительства кораблей. Груз такой древесины, доставленной в Гренландию, сделает владельца богатым человеком.

— Итак, вот вам ответ, — сказал Барни, поднимаясь из-за стола. — Как только мы закончим съемки на острове, заплатим Оттару, и он отправится в Винланд. Мы сделаем прыжок во времени и встретим его на месте. Там мы снимем сцену прибытия, морские сцены для показа путешествия и сцену отплытия. Затем люди Оттара строят несколько хижин для своего поселения, мы платим бакшиш местному племени, они сжигают хижины викингов, и картина окончена.

— Хорошая мысль. В Винланде много дерева, — сказал Оттар.

Йенс Лин открыл было рот, чтобы запротестовать, затем пожал плечами.

— Кто я такой, чтобы жаловаться? Если он такой дурак, что согласен на это, чтобы дать вам возможность окончить картину, зачем мне быть против? Правда, мне неизвестны саги о путешествии кого-то по имени Оттар в Винланд, однако, поскольку в последнее время выяснилось, что достоверность саг вообще находится под сомнением, я не думаю, что мне нужно протестовать.

— Пойду доех обед,— сказал Оттар.

Выйдя из столовой, Барни увидел, что его ожидает секретарша с охапкой папок:

— Я не хотела беспокоить вас во время еды,— объяснила она.

— Ну и напрасно. После того блюда, которое я только что съел, у меня никогда уже не наладится нормальное пищеварение. Ты знаешь, кто такие трилобиты?

— Конечно. Такие противные скользкие мокрицы, которых мы ловили на Санта-Каталине. Это страшно весело, их ловят ночью при свете фонаря, потом зажаривают целиком и едят с пивом. Вы должны...

— Ничего я не должен. О чем ты хотела поговорить со мной?

— О табелях, особенно о регистрации уикэндов. Видите ли, все, кто входит в съемочную группу, проводили уикэнды на Каталине, то есть все, кроме вас. За те пять недель, которые мы провели здесь, у вас не было ни одного выходного дня.

— Не беспокойся обо мне, Бетти, дорогуша. Я не собираюсь отдыхать, пока отснятая картина не будет лежать в коробке. Так в чем же дело?

— Некоторые любители подводного плавания хотели бы оставаться на Каталине не два дня, а четыре и потом

работать субботу и воскресенье следующей недели. Мои табели рабочего времени и так находятся в ужасном беспорядке, а если это принять, можно окончательно запутаться. Что мне делать?

— Прогуляйся-ка со мной до дома Оттара, мне нужна тренировка. Пойдем вдоль берега.

Пока они спускались к берегу, Барни хранил молчание.

— Сделай вот что. Забудь про дни недели и считай только рабочие дни. Каждый, кто отработал пять дней подряд, следующие два дня может отдыхать. Если они хотят отдыхать четыре дня, то должны отработать десять дней подряд, а с одиннадцатого по четырнадцатый день — выходные. Отметки об их рабочих днях будут у тебя в журнале и в табелях, ведь они отмечают их и здесь и на Каталине. Поскольку два или четыре выходных дня означают всего лишь пятиминутное путешествие на машине времени, все работают ежедневно без выходных — для меня это главное. Давай-ка веди свой журнал так, как я тебе сказал, а я после возвращения утрясу этот вопрос с Л. М. и бухгалтерией.

Они уже почти дошли до мыса и залива рядом с хижиной Оттара, когда сзади показался прыгавший по кочкам джип с непрерывно ревевшим клаксоном.

— А это что? — застонал Барни. — Неприятности, ясно как божий день. Никто не мчится ко мне сломя голову, чтобы сообщить хорошие новости. — Он остановился с несчастным видом, поджидая джип. Сидевший за рулем Даллас умудрился затормозить, почти не осыпав их дождем гальки.

— В залив входит какой-то корабль, — выпалил Даллас. — Все отправились разыскивать вас.

— Ну вот, ты меня и нашел. Что же это — опять викинги — пираты, как и в прошлый раз?

— Все, что мне известно, я уже сказал, — ответил Даллас, самодовольно жуя спичку.

— Значит, я был прав относительно неприятностей, — сказал Барни, влезая в джип. — Отправляйся обратно в лагерь, Бетти, не исключено, что произойдет еще один скандал.

Как только джип обогнул мыс, они увидели его. Подгоняемый попутным ветром, в залив входил большой корабль с широким парусом. Все киношники высыпали на холм за домом Оттара, а местные жители побежали к самой воде, размахивая руками и что-то крича.

— Опять бойня, — сказал Барни. — А вон и мой оператор, он готов запечатлеть самые кровавые сцены на цветной пленке. Пошли вниз и попробуем на этот раз не допустить убийства.

Джинн установил свою камеру на самом берегу в таком месте, откуда можно было снимать как встречающих, так и прибывающий корабль. На этот раз, когда корабль подошел поближе, стало очевидным, что дела обстоят гораздо лучше — порвежцы смеялись и махали руками, у них не было оружия. Оттар прибежал на берег, как только ему сообщили о приближающемся корабле, и стоял по колено в воде, громко крича. Когда незнакомцы приблизились к берегу, большой парус был приспущен, и корабль, двигаясь по инерции, врезался носом в берег и замер. Высокий викинг с огромной рыжей бородой, стоявший у рулевого весла, прыгнул с борта в волны прибоя и подбежал к Оттару. Оба великана что-то прокричали в знак приветствия и крепко обнялись.

— Объятия крупным планом, — крикнул Барни Джинн. — И мне не придется спрашивать разрешения на то, чтобы включить эту сцену в фильм или платить действу-

ющим лицам хотя бы один цент,— добавил он со счастливой улыбкой, наблюдая за сценой на берегу.

Теперь, когда стало ясно, что кровопролития не ожидается, киношники начали спускаться на берег. Слуги выкатили бочонки с элем. Барни подошел к Йенсу Лину, который наблюдал за тем, как Оттар и вновь прибывший с радостными криками хлопали друг друга по бицепсам.

— О чём они говорят? — поинтересовался Барни.

— Они старые друзья и говорят друг другу, как приятно снова встретиться.

— Это и так ясно. Кто этот рыжебородый?

— Оттар зовет его Торхалл, так что это, наверно, Торхалл Гамлиссон из Исландии. Они с Оттаром не раз совершали вместе набеги, и Оттар всегда очень тепло отзывался о нем.

— А о чём они кричат сейчас?

— Торхалл говорит, он очень рад, что Оттар решил купить его корабль, так как он, Торхалл, собирается вернуться в Норвегию и мог бы воспользоваться для этого ладьей Оттара. Теперь он спрашивает о второй половине денег.

Нахмурившись, Оттар бросил резкое слово.

— Я знаю это и без перевода,— сказал Барни.— Мы пробыли здесь достаточно долго, чтобы освоиться по крайней мере с этим словосочетанием.

Теперь крик заметно усилился, и в голосах викингов послышались неприятные нотки.

— Оттар полагает, что у Торхалла в голове злые духи, потому что он никогда не покупал никаких кораблей. Торхалл говорит, что два месяца назад, когда Оттар приехал к нему в Исландию, пользовался его гостеприимством и купил его корабль, он пел совсем другим голосом. Оттар не сомневается теперь, что Торхаллом владеют злые духи, потому что он не покидал этот остров в течение года, и

предлагает проделать в голове Торхалла дыру, чтобы выпустить злых духов. Торхалл отвечает, что, как только он доберется до своего топора, выяснится, в чьей голове будет проделана дыра...

Барни хлопнул себя по лбу и покинул позиции наблюдателя, которые занимал, пока тяжеловесы обменивались взглядами ненависти и готовились к смертоубийственно-му матчу.

— Стойте! — закричал он, но викинги не обратили на него ни малейшего внимания. Барни испытал свои силы в старонорвежском: — Немит стадар! — но по-прежнему безрезультатно. — Стреляй в воздух! — крикнул Барни Далласу. — Необходимо остановить их, пока не поздно.

Текс выстрелил в гальку, и раздробленные осколки с визгом полетели в воду. Викинги повернулись, на мгновение забыв о своих распрях. Барни поспешил к ним.

— Оттар, послушай меня. Мне кажется, я знаю, в чем дело.

— Я тоже знаю, — прошипел Оттар, сжимая кулаки. — Никто не смеет называть Оттара...

— Все это не так плохо, как тебе кажется, просто у нас разные точки зрения. — Барни потянул Оттара за рукав. Викинг даже не шелохнулся. — Док, отведи Торхалла в дом и поставь ему пару пива, а я пока поговорю с Оттаром.

Даллас еще несколько раз выстрелил в гальку для поддержания разговора. Наконец им удалось разнять противников, и Торхалл поспешил в хижину за обещанной выпивкой.

— Послушай, Оттар, ты мог бы отправиться в Винланд на своей ладье? — спросил Барни.

Оттар, все еще разъяренный, заморгал и помотал головой, не понимая вопроса.

— Ладья? При чем здесь моя ладья? — сказал он на конец.

Барни терпеливо повторил свой вопрос, и Оттар покачал головой, категорически отвергая подобный план.

— Глупый вопрос, — сказал он. — Ладья — для набегов, по рекам, вдоль берегов. Не годится для открытого моря. Для океанских путешествий нужен кнорр. Вот он — кнорр.

Теперь, когда Барни обратил на корабль свое внимание, он явственно увидел различие между ними. Если ладья с драконом на носу была длинной и узкой, то кнорр был широким судном с высокими бортами длиной по крайней мере сто футов. Кнорр Торхалла казался кораблем, надежным во всех отношениях.

— Ты мог бы отправиться в Винланд на этом корабле? — спросил Барни.

— Конечно, — ответил Оттар, глядя в сторону Торхалла и сжимая кулаки.

— Тогда купи его у Торхалла.

— И ты тоже! — рявкнул Оттар.

— Подожди одну минутку, послушай меня. Если я подкину тебе часть денег, ты сможешь купить этот корабль?

— Он стоит кучу марок.

— Ничего не поделаешь, быть яхтсменом — дорогое удовольствие. Так ты сможешь купить его?

— Может быть.

— Тогда договорились. Если он говорит, что ты купил корабль два месяца назад, значит, так оно и было... Не бей меня! Я дам тебе денег, профессор перебросит тебя в Исландию для совершения сделки, и все будет окей!

— О чём ты говоришь?

Барни повернулся к Йенсу Лину, который внимательно слушал их разговор.

— Улавливаешь, Йенс, не правда ли? Сегодня утром мы договорились, что Оттар отправится в Винланд. Он сказал мне, что для этого путешествия ему нужен другой корабль. Торхалл утверждает, что Оттар приехал к нему и купил вот этот корабль два месяца назад. Очевидно, так оно и было. Так что давайте быстренько провернем это дело, пока положение не усложнилось. Возьми с собой Далласа и объясни все профессору. Лучше всего вам взять моторный катер. Отправляйтесь со всей компанией в Исландию — Исландию два месяца назад, — купите корабль, договоритесь, чтобы он был доставлен сюда сегодня, затем возвращайтесь. Это должно занять не более получаса. Возьми у кассира несколько марок, чтобы было чем заплатить за корабль. И не забудьте поговорить с Торхаллом перед отъездом и выяснить, сколько заплатил ему Оттар, чтобы ты мог вручить ему требуемую сумму.

— То, что вы говорите, — парадокс, — сказал Йенс. — Я не думаю, что это осуществимо...

— Для меня неважно, что ты думаешь. Ты получаешь жалованье и делай, что тебе говорят. А я пока умаслю Торхалла, чтобы он к вашему возвращению был в хорошем настроении.

Джип уехал, и Барни отправился в хижину, чтобы оживить угасавшую пьянку. Норвежцы разделились на две группы, вновь прибывшие держались подле своего вождя. Группы обменивались мрачными взглядами и почти не пили. Вошел Джино с бутылкой, которую он извлеч из чехла для телекоммуникаций.

— Хочешь попробовать, Барни? — спросил он. — Это настоящая грappa из старой Италии. Я не могу пить здешний самогон.

— А твой ничем не лучше, — ответил Барни. — Попробуй предложить Торхаллу, может быть, ему понравится.

Джинн вытащил пробку и сделал огромный глоток, затем протянул бутылку Торхаллу. — Drekk! — предложил он на приличном старонорвежском. — Ok verid velkomnig til Orkneyja *!

Рыжебородый викинг взял бутылку, глотнул, закашлялся, внимательно посмотрел на бутылку, потом выпил еще.

Прошло не менее получаса, прежде чем джип вернулся, но этого времени оказалось достаточно, чтобы пьянина пошла вовсю. Пиво текло рекой, грappa почти всю прикончили. Когда в хижину вошел Оттар, атмосфера резко изменилась. Торхалл быстро встал и прислонился спиной к стене, но Оттар, сияя широкой улыбкой, направился прямо к нему. Он хлопнул Торхалла по плечу, через мгновение вражда была забыта, напряжение исчезло, и празднование пошло своим чередом.

— Ну, как дела? — спросил Барни у Йенса Лина, который выбрался из джипа с гораздо большей осторожностью, чем Оттар. За несколько минут отсутствия у него выросла трехдневная борода и под налитыми кровью глазами появились огромные черные круги.

— Мы легко отыскали Торхалла, — начал он хриплым голосом, — нам оказали самый восторженный прием, и мы купили корабль без всяких трудностей. Но мы не могли уехать, не спрыснув сделку, пир продолжался день и ночь, так что прошло больше двух суток, прежде чем Оттар заснул на столе и нам удалось унести его в джип. По-

* Выше! И добро пожаловать на Оркнейские острова!

— смотрите только на него — снова пьет! И как только ему это удается? — Йенс содрогнулся.

— Простая жизнь и масса свежего воздуха, — объяснил Барни.

Крики и счастливые возгласы викингов становились все громче, и Оттар не выказывал признаков усталости, попав опять на пир.

— Похоже, что наш ведущий актер вместе со статистами не примется сегодня за работу, так что давайте сберемся и обсудим план съемок в Винланде и на борту этого корабля — как там его называют?

— Кнорр. Именительный — кнорурр, родительный — кнорре, далее...

— Стоп! Я же не учу тебя, как снимать фильм. Итак, пойдем посмотрим этот кнорр — он выглядит достаточно устойчивым, чтобы на нем можно было поставить камеру, — и определим, в скольких сценах мы сможем его использовать. Потом нам нужно составить планы встречи в Винланде, причем нужно будет как-то следить и за кораблем. Масса работы. Мы уже перевалили вершину и движемся сейчас под гору — если ничего не случится.

Над головой раздался пронзительный крик чайки, Барни быстро протянул руку и постучал пальцами по мореному дереву кнорра.

XII

— Я убью тебя как бешеную собаку, не смей плескать воду мне в лицо! — яростно заревел Оттар.

— Стоп! — сказал Барни, потом спустился на палубу и вручил Оттару полотенце. — Тебе нужно сказать: «Прочь от паруса — я убью первого, кто осмелился коснуться его! Поднять все паруса! Говорят вам, я чую землю. Не впа-

дайте в отчаяние!» Вот что тебе нужно сказать. Здесь нет ни слова о воде, Оттар.

— Он нарочно плеснул водой мне в лицо! — сердито сказал Оттар.

— Конечно! Ведь ты находишься в открытом море, за много миль от берега, среди штормовых волн, которые то и дело обдают тебя брызгами. На море так всегда бывает. Но ты же не сердишься на океан и не проклинаешь его всякий раз, когда тебя окатывает волной?

— Так то в открытом море, а не на суше перед самым моим домом!

Не было смысла снова пускаться в объяснения о том, что они снимают картину, и что картина должна казаться настоящей, и что актеры должны считать, будто все это происходит в действительности. Барни пускался в объяснения уже не меньше сорока раз. Картины не имели никакой цены в глазах этого образчика скандинавской мужественности. А что имело для него цену? Еда, питье, простые удовольствия. И гордость.

— Меня удивляет, что такая чепуха, как брызги воды, беспокоит тебя, Оттар, — сказал Барни, затем повернулся к подручному. — Ну-ка, Эдди, набери ведро воды и плесни мне прямо в морду.

— Как прикажете, мистер Хендриксон.

Эдди размахнулся и выплеснул ведро холодной воды в поток воздуха от мощного вентилятора. Холодные брызги окатили Барни с головы до ног.

— Великолепно, — сказал он, изо всех сил пытаясь удержать дрожь. — Здорово освежает. Водяные брызги в лицо ничуть не беспокоят меня.

Лицо Барни исказилось в чудовищной гримасе, потому что сентябрьские вечера на Оркнейских островах и так были холодными, а теперь поток воздуха от вентилятора словно ножом прорезал мокрую одежду.

— Швырни воду на меня! — распорядился Оттар. — Я покажу, что не боюсь воды.

— Одну минуту — и помни о том, что ты сказал.

Барни вышел из поля зрения камеры, и в этот момент его окликнули.

— Лента на заднем проекторе почти кончилась, мистер Хендриксон.

— Тогда перемотай ее и побыстрее, а то придется здесь заночевать.

Штормовое море исчезло с экрана за спиной Оттара, и группа перевела дух. Рабочие, стоявшие на платформе рядом с кнорром, включили электрическую помпу, чтобы наполнить бочку морской водой. Оттар стоял на палубе один, держась за рулевое весло вытащенного на берег корабля, и сердито смотрел вокруг. Ослепительный свет прожекторов освещал кнорр и кусок берега позади, все остальное было окутано тьмой.

— Дай-ка мне сигарету, — попросил Барни свою секретаршу. — Мои подмокли.

— Готово, можно начинать, мистер Хендриксон.

— Отлично. Занять позиции. Камера!

Двое рабочих изо всех сил навалились на длинные рычаги, раскачивавшие кусок деревянной палубы, на которой стоял Оттар.

— Поехали!

Сомкнув челюсти, Оттар взглянул в лицо шторму, удерживая рулевое весло, которое рабочий, скрытый за кораблем, старался вырвать из рук викинга.

— Прочь от паруса! — заревел Оттар. — Клянусь Тором, я убью любого, кто коснется паруса. — Брызги плеснули ему в лицо, но Оттар засмеялся холодным смехом. — Я не обращаю внимания на воду — я люблю воду! Поднять все паруса — я чую землю! Не теряйте надежды!

— Стоп! — приказал Барни.

— Он великий путаник,— сказал Чарли Чанг.— В моем сценарии написано не совсем так.

— Пусть остается все как есть, Чарли. Всякий раз, когда он держится так близко к тексту, как сейчас, будем считать это попаданием в яблочко.— Барни повысил голос.— Окей, на сегодня все. Подъем в 7.30 утра, мы должны успеть захватить рассвет. Йенс, Эмори, перед тем как уходить, подойдите ко мне.

Они стояли на шкафуте рядом с мачтой, и Барни топнул каблуком по палубе.

— Вы уверены, что эта посудина действительно доберется до Северной Америки?

— Без сомнения,— сказал Йенс Лин.— Эти норвежские кнорры были быстроходнее и обладали лучшей мореходностью, чем каравеллы Колумба или испанские и английские корабли, которые достигли Нового Света пятьсот лет спустя. История этих кораблей достоверно изложена.

— Вспомните, что недавно у нас появились основания сомневаться в достоверности некоторых из них.

— Но есть и другие доказательства. В 1932 году сделали точную копию одного из таких кнорров, всего шестидесяти футов в длину, и этот корабль, повторив путь Колумба, пересек Атлантику чуть не в полтора раза быстрее его. Не все знают, насколько совершенными были эти корабли. К примеру, считают, что кнорры с их широкими, почти квадратными парусами могли идти только по ветру. Но они могли — то есть могут идти — и против ветра, если он до пяти румбов.

— Я верю вам на слово. А откуда эта вонь?

— Груз,— лаконично ответил Йенс, указывая на тюки, надежно привязанные к палубе кожаными веревками.—

В этих кораблях нет трюмов, поэтому весь груз находится на палубе.

— Что же это за груз — лимбургский сыр?

— Нет, в основном продукты, пища для скота, эль и тому подобное. А вонь исходит от кожаных покрышек, которые делают водонепроницаемыми, пропитав их туленьим жиром, смолой и маслом.

— Очень остроумно.— Барни указал на темное отверстие позади мачты.— А что случилось с ручной помпой, которую мы договорились установить на корабле? Он должен добраться до Винланда, иначе мы не снимем картины. Я хочу, чтобы были приняты все меры предосторожности. Эмори сказал, что помпа будет полезным новшеством, где же она?

— Оттар отказался от помпы,— объяснил Йенс.— Он отнесся к ней с большим сомнением — боится, что помпа сломается и они не смогут ее починить. У них своя система: один человек стоит в колодце и ведром вычерпывает воду со дна корабля, а второй выливает ее за борт с помощью вот этого деревянного коромысла. Может быть, такая система кажется примитивной, зато действует безотказно.

— Конечно, пока у них хватает ведер и людей, а я уверен, что в этом недостатка не будет. Окей, я покупаю все. Еще не хватало, чтобы я учил Оттара его профессии. Просто я хочу быть уверенным, что он благополучно доберется до Винланда. А как насчет этого навигационного приспособления, Эмори?

— Все в порядке, я установил его внутри корпуса, так что они не смогут добраться до него, и вывел на палубу очень простой репитер — по нему рулевой будет вести корабль.

— Он будет работать?

— Не вижу, почему нет. Викинги очень неплохие мо-

реплаватели. Правда, обычно их морские переходы очень коротки, так что они прокладывают курс от одной точки на берегу к другой. Но они знакомы с океанскими течениями, разбираются в привычках морских птиц и полагаются на то, что птицы приведут их к земле. Кроме того, они довольно точно умеют определять широту по высоте Полярной звезды над горизонтом. Поэтому помочь, которую мы им хотим оказать, должна вписываться в применяемую ими систему и дополнять ее; с другой стороны, если наше приспособление выйдет из строя, это не должно привести к трагедии. Конечно, проще всего было бы установить обычный магнитный компас, но он будет казаться им слишком необычным, да к тому же магнитный компас весьма ненадежен в этих высоких широтах, где масса магнитных аномалий и так велико расхождение между географическим полюсом и магнитным.

— Вот почему ты этого не сделал. А что же ты сделал?

— Поместил внутрь корпуса гирокомпас с запасом питания в виде новых никадовых батарей. Мы включим гирокомпас в момент отплытия, и батареи хватит по крайней мере на месяц. Гирокомпас — последней модели, микросхема, непрецизионный, в армии их применяют на ракетах. А вот здесь, прямо перед рулевым, находится ре-пилтер компаса.

Барни посмотрел сквозь толстое стекло циферблата и отчетливо увидел белую стрелку на черном фоне. В сущности это был даже не циферблат — на черном круге была нанесена всего одна большая белая точка.

— Я надеюсь, что Оттар оценит эту штуковину быстрее, чем я, — сказал он.

— Он ее и так оценил, — ответил Эмори. — Правда, он полон энтузиазма. Может быть, если я нарисую карту, вы лучше поймете мои объяснения.

Эмори взял ручку и блокнот и быстро сделал простой набросок.

— Пунктирная линия — это 60° северной широты, причем обратите внимание на то, что она параллельна курсу, по которому должен плыть Оттар, чтобы достичь мыса Фэрзелл на южной оконечности Гренландии. Следуя на запад, он легко может проверять свою широту по высоте Полярной звезды. Мы устанавливаем гирокомпас так, что он все время показывает на мыс Фэрзелл. Когда стрелка указателя касается белой точки — точка и стрелка покрыты люминесцентным составом и светятся ночью, — корабль плывет в требуемом направлении. По этому гирокомпасу Оттар приплывет прямо к южной оконечности Гренландии.

— Там они предполагают провести зиму у родственников Оттара. Пока все хорошо, но что случится весной, когда они отправятся дальше? Этот курс в шестьдесят градусов приведет их прямо в Гудзонов залив.

— Нам придется переставить гирокомпас, — сказал Эмори. — Оттар будет ждать нас, мы приедем и поставим ему новые батареи, затем направим гирокомпас вот сюда, в пролив Белле-Айл. К этому времени он уже будет верить инструменту и последует по указанному им курсу, хотя на этот раз курс не будет параллелен широте. Тем не менее Восточное Гренландское течение направлено в ту же сторону, а он с ним знаком. Он сумеет без труда достигнуть или берега Лабрадора, или Ньюфаундленда.

— Ну хорошо, Оттар сумеет отыскать Винланд, — сказал Барни. — А как мы его отыщем?

— Рядом с батареями вмонтирован радиоответчик. Получив сигнал нашего радио, он автоматически пошлет от-

вет. Тогда нам будет нетрудно отыскать корабль с помощью простого радиопеленгатора.

— Звучит довольно убедительно. Будем надеяться, что это соответствует действительности.— Барни окинул взглядом низкую палубу и тонкую мачту.— Я бы не осмелился переправиться на этой штуке даже через залив, но ведь я не викинг. Итак, завтра отплытие. Мы закончили все съемки на острове. Завтра утром спускайте корабль на воду, погоняем его несколько раз в гавань и из гавани, сделаем съемки с берега и с борта корабля. А потом выпустим нашего голубя, пусть летит. Смотри, Эмори, вдруг твои приспособления не сработают. Тогда нам придется остаться в Винланде и вести домашнее хозяйство вместе с индейцами. Если я не доставлю обратно готовую картину, нам просто нет смысла возвращаться.

Джино поднял голову из-за камеры и сказал:

— Пусть начинают, я готов.

Барни повернулся к Оттару, который стоял, небрежно опершись на рулевое весло:

— Ну-ка, дай команду.

Усталые матросы что-то мрачно пробормотали себе под нос и снова навалились на деревянные рукоятки шпилля. Они поднимали и опускали парус и плавали назад и вперед по заливу с самого рассвета, пока Джино снимал корабль в разных ракурсах. По мере того как вращался барабан шпилля, смазанная жиром веревка из моржовой шкуры с шипением поползла через дыру в вершине мачты, поднимая тяжеленный холстяной парус, который еще более утягивали полосы из тюленьей кожи, нашитые на него для придания формы. Джино направил объектив на парус, снимая его подъем.

— Уже поздно,— сказал Оттар.— Если мы отплываем сегодня, нужно делать это поскорее.

— Мы уже почти закончили,— успокоил его Барни.— Я только хочу снять корабль, когда он выходит из залива, и на этом закончим.

— Ты же снимал эту сцену сегодня утром, ты сам сказал, что корабль отплывает в рассвет.

— Это было с берега. А теперь я хочу, чтобы ты и Слайти встали рядом у рулевого весла в момент отплытия от родного берега в неизвестное...

— На моем корабле женщина не может стоять у рулевого весла.

— Она не будет управлять кораблем, просто встанет рядом, может быть, возьмет тебя за руку. Я не прошу у тебя слишком много.

Когда парус достиг вершины мачты, Оттар стал отдавать распоряжения. Трос, на котором поднимался парус, был снят с барабана шпилия и закреплен намертво, а на его место помещена веревка от якоря. Усилиями матросов, которые Джино запечатлел на пленке, якорь начал подниматься со дна залива. Якорь — килик — представлял собой огромный камень, обшитый деревянными брусьями и обросший водорослями. Корабль начал набирать скорость, ветер наполнил парус, и Барни вернулся к съемкам.

— Слайти,— позвал он.— На сцену, и побыстрее.

Было совсем не просто перейти с носа на корму кнорра, когда корабль был полностью загружен. Поскольку кнорр был без трюмов и всего лишь с двумя крошечными каютами, на палубе находился не только весь груз, но там же сидело и лежало более сорока человек, шесть низкорослых коров и связанный бык, стадо овец и два козла, стоявших на вершине тюков. Крики, мемеканье и мычание наполняли воздух. Тем не менее Слайти сумела преодолеть все препятствия, и Барни помог ей вскарабкаться

ся на крошечное возвышение у рулевого весла. На Слайти было белое платье с глубоким декольте, и выглядела она очень привлекательно с распущенными белокурыми волосами и щеками, розовыми от ветра.

— Встань рядом с Оттаром, — сказал ей Барни, затем быстро удалился из поля зрения съемочной камеры. — Начали!

— Их затылки — великолепный кадр, — прокомментировал Джино.

— Оттар! — крикнул Барни. — Ради Тора, повернись к нам. Ты смотришь не в ту сторону!

— Нет, я смотрю как раз в нужную сторону, — упрямко ответил Оттар, сжимая в руках длинное рулевое весло и сурово глядя назад на исчезающую землю. — Когда покидаешь сушу, нужно всегда смотреть на нее, чтобы взять верное направление. Так всегда делается.

После продолжительных уговоров, лести и подкупа Барни удалось уговорить Оттара встать так, что он мог править глядя через плечо. Слайти стояла рядом с ним, положив руку на борт рядом с рукой викинга, и Джино удалось отснять вид удаляющегося берега.

— Стоп! — скомандовал наконец Барни, и Оттар с облегчением занял правильное положение.

— Я спущу вас на берег у мыса, — сказал Оттар.

— Отлично, — ответил Барни. — А я свяжусь по радио с лагерем и вызову грузовик.

Самым трудным при высадке была выгрузка камеры, и Барни оставался на борту до тех пор, пока камеру не переправили на берег в целости и сохранности.

— Ну, Оттар, увидимся в Виннланде, — сказал он, протягивая руку. — Доброго тебе пути.

— Конечно, — ответил викинг, сжимая своей ручищей руку американца. — Отыщи для меня место получше. Вода, трава для скота, много деревьев.

— Постараюсь,— сказал Барни, тряся рукой,— он пытался восстановить кровообращение в своих побелевших пальцах.

Викинги не теряли времени. Как только Барни спустился на берег, Оттар приказал закрепить бейтас — парус. Длинное бревно одним концом вошло в специальное отверстие в палубе, а другой его конец уперся в верхний край паруса, развернув его к ветру. Корабль в последний раз отошел от берега и направился в открытое море. Крики людей и рев животных скоро утихли вдали.

— Только бы они добрались до Винланда,— сказал Барни вполголоса.— Только бы они добрались.— Он резко повернулся и вскарабкался на грузовик.— Быстро доставь меня к профессору, жми на третьей скорости,— сказал он шоферу. Он мог избавиться от своих страхов, немедленно выяснив, сумел ли корабль благополучно достичь Исландии. Машина времени не могла решить его трудностей, но она могла сократить период бесплодного и томительного ожидания.

Когда они подъехали к лагерю, там царила суматоха. Палатки сворачивали и укладывали на грузовики вместе с остальным имуществом: съемочная группа готовилась к переезду на новое место. Однако Барни ничего этого не замечал; его пальцы нетерпеливо барабанили по боковому стеклу. Если корабль в пути постигнет неудача, все это будет ни к чему. Не успел еще грузовик затормозить у машины времени, как Барни уже выпрыгнул из кабины. Джип погрузили на платформу, и сидевшие в нем Текс и Йенс Лин следили за тем, как профессор заряжает аккумуляторы времеатрона.

— А где Даллас? — спросил Барни.

— Куда-то ушел.

— Мы можем отправиться и без него,— сказал Текс.— Не обязательно ехать нам вдвоем. Ведь нам нужно толь-

ко доставить Оттару запас виски на зиму, после того как мы узнаем, что он прибыл благополучно.

— Делай, что тебе говорят. Я хочу, чтобы на всякий случай туда отправилось два человека. Мы не можем сейчас позволить себе срывов. Вот он идет — отправляйтесь.

Барни сделал шаг назад, и профессор включил темпоральное поле. Как всегда, с точки зрения наблюдателя, путешествие заняло лишь долю секунды. Платформа исчезла и вновь появилась в нескольких футах от Барни.

Впрочем, перемены были налицо. Профессор Хьюитт сидел в контрольной кабине, плотно закрыв дверь, а те, кто был в джипе, подняли брезентовый полог. Он был покрыт толстым слоем снега. Порыв снежного бурана вырвался из поля времеатрона, и снег покрыл траву вокруг платформы.

— Ну? — нетерпеливо спросил Барни. — Что случилось? Вылезайте из укрытия и докладывайте.

Даллас спустился с платформы и подошел к Барни по покрытой снегом траве.

— Эта мне Исландия, — проворчал он. — Ну и климат!

— Метеорология потом. Ну, как Оттар с кораблем?

— Все в порядке. Корабль вытащили зимовать на берег, и, когда мы отправлялись, Оттар и его дядя хлестали виски, которое мы им доставили. Мы поволновались — думали, что так и не найдем его, профессору пришлось четыре раза менять координаты. Оказалось, что он сделал остановку на Фаррерских островах. Между нами говоря, я не думаю, что Оттар добрался бы до Исландии, если бы его не подгоняла любовь к спиртному. Ведь когда привыкаешь к очищенному спирту, домашний самогон перестает нравиться.

Барни с облегчением вздохнул; впервые за долгое время он почувствовал, что напряжение покидает его. Он даже выжал из себя слабую улыбку.

— Отлично. Теперь начнем перебрасывать группу, пока у нас здесь еще не стемнело.

Он вскарабкался на платформу, осторожно ступая по колею, проложенной джишом, чтобы не набрать снега в ботинки, и открыл дверь кабины.

— У ваших аккумуляторов хватит энергии для следующего прыжка?

— Когда мотор генератора работает, зарядка аккумулятора идет непрерывно. Это большое усовершенствование.

— Тогда перебросьте нас вперед во времени, в весну 1005 года, и выберите на Ньюфаундленде местечко получше в тех краях, которые вы осматривали с Лином, когда искали поселения викингов.

— Я как раз знаю такое прелестное местечко, — сказал профессор, перелистывая записную книжку. — Идеальное положение.

Он установил координаты и включил времеатрон.

Снова возникло уже знакомое ощущение временного прыжка, и платформа опустилась на скалистый берег. Волны бились о берег, казалось, над самой их головой, и брызги с шипением падали на снег. Над ними возвышалась мрачная громада утеса.

— Это что, прелестное местечко? — заорал Барни, пытаясь перекричать грохот прибоя.

— Ошибочные координаты! — крикнул в ответ профессор. — Маленькая ошибка. Это не то место.

— Вы еще будете мне заливать! Давайте двигать отсюда, пока нас не смыло в море.

После второго прыжка машина времени мягко опустилась на зеленую лужайку на берегу небольшого залива.

Чуть дальше полукругом выстроились высокие деревья, и через лужайку к морю бежал, извиваясь, журчащий ручей.

— Вот это другое дело,— заметил Барни, глядя, как члены его экипажа выбираются из джипа.— Где мы, Йенс?

Йенс Лин огляделся вокруг, вдохнул воздух полной грудью и улыбнулся.

— Я хорошо помню это место, оно было одним из первых. Прямо перед нами Эпавесский залив, выходящий в залив Секрид-Бей на северной оконечности Ньюфаундленда. А вот там пролив Белле-Айл. Мы разузнали все об этом месте потому, что...

— Отлично. Кажется, это то, что нужно. А ведь компас на корабле Оттара нацелен на этот пролив?

— Совершенно верно.

— Тогда здесь и остановимся.— Барни наклонился, зачерпнул с платформы пригоршню мокрого снега и начал делать снежок.— Это место возле устья ручья мы оставим для Оттара. А свой лагерь разобьем вон там, в верхнем правом углу лужайки. Здесь довольно ровно, постараемся, чтобы двадцатое столетие не попадало в поле съемочной камеры. Ну, за работу! Но сначала счистите снег. Я не хочу, чтобы кто-нибудь сломал ногу.

Даллас наклонился, чтобы завязать шнурок, и удержаться от искушения при виде такой цели было просто невозможно. Размахнувшись, Барни швырнул тугой комок прямо в центр тесных джинсов.

— Вперед, викинги! — сказал он со счастливой улыбкой.— Пошли заселять Винланд.

Часть третья

XIII

Серый безмолвный мир казался унылым и давящим. Туман заглушил все звуки, поглотив их, он слизнул все краски, и океан, распостершийся перед путешественниками, не был виден до тех пор, пока набежавшая волна не разбилась пеной на песчаном пляже у самых их ног. Грузовик, стоявший в десяти футах, казался темным пятном в серой мгле.

— Попробуй еще разок, — сказал Барни, напрягая зрение и тщетно пытаясь проникнуть сквозь сырую завесу мглы.

Даллас, по случаю непогоды одетый в огромное черное понcho и широкополую стетсоновскую шляпу, поднял углекислотный баллон с сиреной и открыл клапан. Траурный рев сирены помчался над водой, отдаваясь в их ушах даже после того, как клапан был закрыт.

— Ты слышал? — внезапно спросил Барни.

Даллас наклонил голову и прислушался.

— Ничего, кроме шума волн.

— Я готов поклясться, что слышал плеск весел. Давай попробуем еще раз, по минуте. Слушай внимательно.

Сирена заревела снова. Барни поплелся к армейскому грузовику с брезентовым верхом и заглянул в кузов.

— Никаких изменений? — спросил он.

Эмори Блестэд, не отрываясь от радиопеленгатора, отрицательно покачал головой с надетыми на нее наушниками. Он медленно поворачивал рукоятку, вращающую

антенну радиопеленгатора. Антenna повернулась в одну сторону, потом в другую. Эмори поднял глаза и постучал пальцем по указателю у основания антенны.

— Насколько я могу судить, корабль не движется, — сообщил он. — Пеленг не изменился. Наверно, они ждут, когда разойдется туман.

— На каком они расстоянии от берега?

— Барни, имей совесть. Я тебе сто раз говорил, что с помощью этого прибора я могу определить направление, но не расстояние. Сила сигнала ответчика также ничего мне не говорит — может быть, одна миля, а может, пятьдесят. Я могу сказать только одно: с того момента, когда мы впервые услышали сигнал три дня назад, уровень поднялся, так что они приблизились.

— Ну ладно, ты убедил меня. Значит, этого ты не можешь мне сказать. А что же ты можешь сказать?

— То же, что и раньше. Корабль отплыл из Гренландии восемнадцать дней назад. Я переставил гирокомпас и направил его на пролив Белле-Айл, заменил батареи, включил ответчик и проверил, как работают все приборы. Мы сами видели, как они отплыли.

— Вы с Лином говорили мне, что плавание займет всего четыре дня, — сказал Барни, нервно кусая ноготь.

— Мы сказали, что плавание может занять всего четыре дня, но, если погода ухудшится — изменится ветер, или что-нибудь еще, — путешествие займет гораздо больше времени. Так оно и случилось. Но ведь мы услышали сигнал ответчика, значит, они благополучно пересекли океан.

— Это было два дня назад, а что ты сделал для меня после этого?

— Послушай, Барни, скажу тебе как старый друг: это путешествие во времени не сделало тебя спокойнее. Мы же собирались только отснять фильм, верно? Мы выполнили свой долг и даже перевыполнили — и никто не про-

ронил ни слова жалобы. Давай полегче — и сам не мучься, и людей не мучь.

— Да, да, ты прав, — ответил Барни. Больше чем когда-либо он был близок к тому, чтобы принести извинения. — Но ведь два дня — ты и сам скоро поймешь, как это много.

— Ты совершенно напрасно беспокоишься, сплошной туман, незнакомый берег, полный штиль — они просто не хотят рисковать. Им нет никакого смысла грести к берегу: они не знают, где он и что их там ожидает. Сейчас, судя по радиошепеленгатору, мы находимся в самой ближней к ним точке суши и, как только туман поднимется, сможем указать им направление...

— Эй! — раздался с берега крик Далласа. — Я что-то слышу, вон там, вдалеке.

Барни сполз по песчаному откосу к кромке воды. Даллас стоял, приложив ладонь к уху, и внимательно прислушивался.

— Тиш! — прошептал он. — Прислушайся. Вон там в тумане. Клянусь, я слышал плеск воды, как будто от весел, и голоса.

Волна разбилась у их ног и медленно покатилась обратно. На мгновение наступила полная тишина и стал отчетливо слышен плеск весел.

— Ты был прав! — крикнул Барни, затем закричал еще громче: — Эй вы, там! Сюда!

Даллас тоже закричал, забыв о сирене, когда в туманной мгле показалось темное пятно.

— Это лодка, — сказал Даллас, — ее обычно держат на палубе.

Они кричали, махали руками. Внезапно порыв ветра разорвал туман, и стала видна лодка и те, кто в ней сидел.

Лодка была сделана из темных звериных шкур, трое сидящих в ней индейцев с длинными черными волосами были одеты в меховые парки с откинутыми капюшонами.

— Это не викинги, — сказал Даллас, размахивая правой рукой. — Кто это может...

Люди в лодке, заметив его движение, опустили круглые весла в воду, тормозя лодку, а тот, что был на носу, взмахнул рукой, и что-то просвистело в воздухе, направленное на Далласа.

— Они прикончили меня! — с этим криком Даллас упал на песок со стрелой, торчащей из груди. Рядом с ним упала сирена, клапан открылся, и над водой раздался мрачный рев. Заслышив его, люди в лодке начали отчаянно грести в обратном направлении и через несколько секунд исчезли в тумане.

С того момента, как лодка появилась, и до того, как она исчезла, прошли буквально считанные секунды. Барни стоял, потрясенный происшедшим, оглушенный ревом, ничего не понимая. Сирена мешала ему сосредоточиться, и Барни пришлось наклониться и выключить ее, прежде чем он повернулся к Далласу, который лежал на песке и казался сраженным намертво.

— Выдерни эту штуку из меня, — внезапно сказал Даллас тихим голосом.

— Я поврежу что-нибудь... это тебя убьет... я не могу.

— Это не так страшно, как кажется. Однако постараюсь выдернуть ее, а не запихнуть глубже.

Дрожащими руками Барни схватился за дротик, потянул, и дротик легко подался, но потом запутался в одежде Далласа, так что Барни пришлось упереться и дернуть изо всех сил. Дротик остался у него в руках, вырвав огромный лоскут прорезиненной материи из понcho Далласа. Даллас тут же сел, поднял понcho и расстегнул куртку и рубаху.

— Ты только посмотри,— сказал он, показывая на красную царапину вдоль ребер.— Еще два дюйма вправо, и мне бы устроили вентиляцию. Когда я шевелился, этот крючок на наконечнике впивался мне в тело, и все казалось гораздо хуже, чем на самом деле.

Он осторожно потрогал пальцем острый зубец, отходящий в сторону от костяного наконечника.

— Что случилось? — крикнул Эмори, сбегая по песчаному склону.— Что это? Где лодка?

Даллас встал и заправил рубаху в брюки.

— Мы установили контакт с местным населением,— объяснил он.— Похоже, что индейцы, или эскимосы, или кто-то еще прибыли сюда до викингов.

— Ты ранен?

— Не смертельно. На этой стреле не было моего имени.— Он усмехнулся и внимательно осмотрел стрелу.— Хорошая резьба по кости и отличная балансировка.

— Все это мне не нравится,— сказал Барни, доставая из кармана подмокшую сигарету.— Разве у меня мало неприятностей и без этих индейцев? Остается только надеяться, что они еще не добрались до корабля викингов.

— А я надеюсь, что это произошло,— с наслаждением сказал Даллас.— Не думаю, чтобы они причинили Оттару много беспокойства.

— Я хотел вам сказать,— вставил Эмори,— что с холма, где стоит грузовик, видно, как поднимается туман и в просветах светит солнце.

— Давно пора,— сказал Барни, глубоко затягиваясь сигаретой, так что мокрый табак начал вспыхивать и трещать.

Как только солнце появилось на небе, оно быстро рассеяло туман. К тому же с запада подул ветер. Через пол-

часа туман совершенно исчез, и в миле от берега они увидели кнорр Оттара.

Барни едва сдержал улыбку.

— Просигналь-ка им этой штукой, — сказал он Далласу. — Они посмотрят в нашу сторону и быстро увидят грузовик.

Даллас открывал и закрывал клапан сирены до тех пор, пока она, пискнув, не замолчала совсем. Однако желаемый эффект был достигнут. Они отчетливо видели, как большой парус стал уменьшаться, затем после поворота снова увеличился и у носа корабля появилась белая полоска пены. Никаких следов лодки из шкур не было видно. Казалось, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

В нескольких сотнях метров от берега кнорр повернулся и лег в дрейф, парус захлопал по ветру. Люди на борту кнорра размахивали руками и кричали что-то непонятное.

— Давай сюда! — крикнул Барни. — Давай к берегу! Почему они не пристают прямо к берегу?

— Надо думать, у них есть причины, — сказал Эмори. — Опасные подходы или что-нибудь еще.

— Как же тогда, они считают, я смогу добраться до корабля?

— Может быть, вплавь, — предложил Даллас.

— Шутник. Послушай, а может, послать тебя к ним в надувной лодке?

— Смотрите, — заметил Эмори, — у них на палубе еще одна лодка.

На палубе виднелась лодка, двадцатифутовая копия кнорра, однако викинги спускали на воду другую лодку.

— Это что-то знакомое, — пробормотал Даллас.

Прищурившись, Барни посмотрел на лодку.

— Ты совершенно прав. Она как две капли воды похожа на лодку, в которой приплывали краснокожие.

В прыгающую на волнах лодку спустились два человека и начали грести к берегу. Оттар сидел на носу, приветственно размахивая веслом. Через несколько мгновений лодка уткнулась носом в песок, и все высадились на берег.

— Добро пожаловать в Винланд,— сказал Барни.— Ну, как поплавали?

— Берег здесь никуда не годится, нет травы для животных, нет деревьев,— сказал Оттар.— Ты нашел хорошее место?

— Великолепное, дальше по берегу в нескольких милях, именно то, что ты просил. Ну как, были происшествия во время плавания?

— Ветер все время дул в другую сторону, плыли очень медленно. Масса плавающего льда и тюленей, и мы видели двух варваров. Они охотились за тюленями и попытались улизнуть, но мы стали их преследовать и, когда они бросили в нас дротики, убили их. Съели их тюленей. Взяли их лодку.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мы только что встретили их родственников.

— Где это хорошее место, о котором ты говорил?

— Поплыешь вдоль берега, потом повернешь за мыс и пройдешь мимо островов. Его нельзя не заметить. Да вот возьми с собой Эмори, он покажет тебе дорогу.

— Нет, нет, только не меня,— Эмори словно оттолкнулся от чего-то и попятился.— Как только посмотрю на лодку, меня уже тошнит. Стоит мне три минуты побывать в море, как мой желудок выворачивается наизнанку и я прямо труп да и только.

Даллас по солдатской привычке не любил вступать в неприятные разговоры.

Когда Барни повернулся к нему, он был уже на полу пути к вершине холма.

— Я шофер,— объяснил Даллас,— я подожду вас в кабине.

— Вот вам служащие, преданные и верные,— холодно заметил Барни.— Я все понял, ребята, можете не повторять. Окей, Эмори, скажи шоферу, пусть отправляется в лагерь. Мы постараемся прибыть на корабль как можно быстрее, выпустим людей Оттара на берег и, может быть, в недалеком будущем снова приступим к съемкам. Разбуди Джино, скажи, пусть он заберется на холм, на ту точку, которую мы с ним выбрали, и начинает съемки корабля, как только он появится в проливе. И позаботься о том, чтобы на месте высадки уничтожили отпечатки автомобильных шин.

— Все будет сделано, Барни. Я бы с удовольствием отправился вместо тебя, но я и плавание...

— Да-да, конечно. Отправляйтесь.

Влезая в лодку, Барни промочил ноги. Вода была настолько холодной, что ему стало казаться, будто у него ампутированы ноги ниже колен. Лодка — тюленьи шкуры, натянутые на деревянную раму,— качалась, угрожая перевернуться от малейшего движения, и прыгала по воде подобно огромному водяному жуку. Барни пришлось сесть на дно и схватиться руками за борта, чтобы удержать равновесие. Когда им наконец удалось достигнуть кнорра, он никак не мог вылезти из качающейся лодки и перебраться через высокий борт корабля, пока чьи-то сильные руки не подхватили его под мышки и не втащили на палубу, как мешок с зерном.

— Ханану! Сидусту хандартёкин*! — рявкнул Оттар,

* А ну, за работу! Уже немного осталось!

и его люди с веселыми криками начали разворачивать корабль, готовя его к последнему этапу плавания. Барни предусмотрительно удалился на корму, чтобы его в спешке не помяли. Моряки поворачивали длинное бревно, прикрепленное к нижнему концу паруса, и под пронзительные крики женщин отшвыривали тяжелыми сапогами падавшихся под ноги коз, которые шумно выражали свой протест. Переполненная палуба напоминала оживленный деревенский двор с испуганными домашними животными и разбросанными здесь и там кулями корма. Посреди всей этой суматохи одна из женщин, склонившись над деревянным ведром, доила корову. Когда корабль изменил направление и ветер донес до Барни запах парного молока, сходство стало казаться еще более разительным.

Наконец суматоха постепенно улеглась, и скот вернулся к своей кормежке. Попутный ветер не только надувал огромный парус, но и уносил с кормы на нос разнообразные запахи, так что воздух на корме был чистым и свежим. Форштевень с шипением врезался в длинные пологие волны Атлантического океана, и вдоль бортов корабля проносилась волна. Легкий как пробка, кнорр был надежным и практичным судном, море было для него родной стихией.

— Кажется, хорошее место,— заметил Оттар, легким прикосновением руки выравнивая рулевое весло кнорра и указывая другой рукой на берег, где уже были видны деревья и пятна лужаек.

— Вот подождите, когда обогнем мыс,— сказал ему Барни,— там еще лучше.

Корабль проходил мимо группы островов, расположенных в устье залива. Животные почуяли землю, запах свежей травы и подняли шум. Бык со связанными ногами, привязанный к палубе, потянулся за веревку и заревел, женщины закричали от радости, а мужчины запели. Пла-

вание подходило к концу, местечко и впрямь оказалось прекрасным. Когда перед ними открылся Элавесский залив с высокими деревьями на холмах, которые поднимались навстречу небу, и ярко-зеленой весенней травой на лугу около ручья, даже Барни почувствовал волнение. Потом он заметил темное пятно на вершине холма — Джино со съемочной камерой, увидел джип на склоне и вспомнил о фильме. Он спрятался за борт кнорра и оставался на коленях до тех пор, пока не надел на голову рогатый шлем викингов, висевший недалеко от него. Только после этого он выпрямился и стал виден с берега.

Оттар вел свой корабль, не спуская паруса, прямо к устью ручья, и все, кто был на борту, кричали от возбуждения. Наконец форштевень кнорра царапнуло песчаное дно, корабль поднялся на волне и проплыл еще немногого, снова коснулся дна и замер на месте. Забыв о все еще поднятом нижнем парусе, команда и пассажиры попрыгали в волны прибоя и, смеясь от радости, побрали по воде к берегу и лугу по обе стороны ручья. Оттар вырвал огромный пучок высокой, по колено, травы, понюхал ее, потом пожевал. Некоторые катались по земле, испытывая животное удовольствие от ощущения твердой земли после многих дней, проведенных на качающейся палубе корабля.

— Великолепно! — крикнул Барни. — То есть просто великолепно! Высадка в Винланде после долгих месяцев плавания, первые поселенцы в новом мире. Поразительные кадры, подлинные исторические кадры! — Он проbralся между обезумевшими животными на нос корабля и встал так, что оператор отчетливо видел его. Махнув рукой, он крикнул:

— Достаточно, Джино. Спускайся сюда.

Голос его едва ли был слышен, однако жест был весьма выразителен. Джино вылез из-за камеры, махнул в ответ, затем принял грузить камеру в джип. Еще через несколько минут джип, разбрасывая гальку, уже мчался по берегу. Барни спрыгнул с корабля в воду и побежал ему наперерез.

— Стой! — крикнул он Далласу, который вел машину. — Развернись и поезжай на другой берег, прямо против устья ручья. А ты, Джино, установи камеру на вершине и снимай вход корабля в залив, его приближение, людей, которые прыгают с палубы в воду и бегут прямо на камеру, обтекая ее слева и справа.

— Потрясающая сцена — как они спрыгивали с корабля, — сказал Джино. — Я буду готов через десять минут.

— Тебе потребуется больше, чтобы все это опять запечатлеть. Обожди, — окликнул он Далласа, который включил мотор и начал разворачивать джип. — Мне нужна твоя бутылка.

— Какая еще бутылка? — на лице Далласа отразилось искреннее недоумение.

— Бутылка, которую ты всегда таскаешь с собой. Ну ладно, нечего притворяться. Я всего лишь беру ее взаймы. Вечером ты получишь новую.

Трюкач с видимой неохотой извлек из-под сиденья бутылку виски с черной наклейкой, на четверть пустую.

— Так, так, — холодно заметил Барни. — Уже запустил лапу в частные владения.

— Это чистая случайность — мое виски кончилось. Я заплачу.

— А я-то думал, что, кроме меня, ни у кого нет ключа к ящику. И чему только люди не научатся в армии!.. Ну, за дело. — С этими словами он засунул бутылку во внутренний карман куртки и пошел обратно к Оттару, кото-

рый стоял на коленях на берегу ручья и пил воду из пригорши.

— Ну-ка, загони всех обратно на корабль,— сказал Барни.— Мы хотим опять снять высадку, на этот раз с близкого расстояния.

Оттар посмотрел на Барни и захлопал глазами, вытирая тыльной стороной руки воду, стекавшую с бороды.

— О чём ты говоришь, Барни? Все так счастливы, что они снова на берегу. Они не захотят вернуться.

— Захотят, если ты им прикажешь.

— Почему я должен приказывать? Это идиотская мысль.

— Ты прикажешь им, потому что ты снова на зарплате. А вот и аванс.

С этими словами он протянул бутылку Оттару, тот широко улыбнулся и поднес её к губам. Пока викинг пил, Барни успешно довел дело до конца.

Даже Оттару было нелегко вернуть людей на корабль. Наконец он потерял терпение, уложил одного из мужчин сильнейшим ударом в грудь и пинками повернул двух женщин в нужном направлении. После этого, несмотря на ворчание и жалобы, люди поднялись на палубу и разобрали весла. Дальше все было просто — усилия, которые потребовались для того, чтобы снять кнорр с мели, потушили остатки мятежа.

Как только камеру выгрузили на пригород, Барни тут же послал джип обратно в лагерь. Еще до того, как корабль взял обратный курс и вновь поднял паруса, джип вернулся, нагруженный ящиками пива, коробками сыра и консервированной ветчиной.

— Вывалите все это добро примерно в десяти ярдах позади камеры, причем сделайте кучу достаточно высокой.

кой, чтобы они могли видеть продукты издалека. Открой ветчину, пусть знают, что это такое. И дайте мне банку ветчины с бутылкой пива.

— Вон они идут, — крикнул Джино. — Великолепный кадр, совершенно потрясающий.

Полным ходом кнорр мчался по заливу, быстро приближаясь к камере, пока огромный парус не закрыл половину неба. В следующее мгновение нос кнорра врезался в устье ручья, подняв тучу брызг. Барни, который не был уверен, что энтузиазма скандинавов хватит и на вторую высадку, решил не рисковать. Он поднял над головой ветчину с пивом и крикнул изо всех сил: «Оль! Свинакйт, оль ок остр*!»

Это оказало мгновенное действие. После трех недель плавания, в котором единственной пищей были сухари и вяленая рыба, мореплаватели взревели от восторга. На этот раз энтузиазм был таким же, если не большим, чем во время первой высадки. Люди, сбивая друг друга с ног, мчались по пояс в воде к берегу и пробегали мимо камеры, чтобы дорваться до еды и питья.

— Стоп, — сказал Барни, — но пока не уходи. Как только они покончат с закуской, я хочу, чтобы они выгрузили домашний скот.

Подошел Оттар. В одной руке у него была наполовину опустошенная банка ветчины, в другой — бутылка.

— Подойдет это место для поселения? — спросил его Барни.

Оттар посмотрел вокруг и кивнул со счастливой улыбкой.

— Хорошая трава, хорошая вода. Полным-полно деревьев на берегу для топки. Полным-полно хорошей дре-

* Пиво! Ветчина, пиво и сыр!

весины вон там для рубки. Рыба, охота — хорошее место. Где Гудрид? Где все остальные?

— Выходной день, — сказал ему Барни, — все они на Санта-Каталине. Свободный день с сохранением жалованья, праздник, пикник, жарят мясо на кострах, и так далее.

— Почему праздник?

— Потому что я щедрый и люблю, когда люди счастливы, а ведь до вашего прибытия мы не могли ничего делать. К тому же это сберегает деньги. Я три недели ждал вас всего с несколькими людьми. А остальные будут отсутствовать только один день.

— Хочу видеть Гудрид.

— Ты хочешь сказать — Слайти. Я полагаю, что она тоже будет рада увидеться с тобой.

— Прошло так много времени.

— Ты любитель примитивных наслаждений, Оттар. По крайней мере сначала покончи со своей ветчиной и не забывай, что это исторический момент. Ты только что впервые ступил на землю нового мира.

— Ты чокнутый, Барни. Это тот же старый мир, только место называется Винланд. Похоже, что здесь хороши деревья.

— Мне не забыть этих исторических слов, — произнес Барни.

XIV

— Что-то я сегодня неважно себя чувствую, — пожаловалась Слайти, расстегивая огромную позолоченную пряжку на своем поясе. — Должно быть, это воздух, или климат, или что-то вроде этого.

— Конечно, что-то вроде этого, — сказал Барни с полным отсутствием сочувствия. — Воздух. Конечно, это не

может быть следствием вчерашней пирушки с викингами на берегу, где вы жарили на кострах моллюсков и устриц и выпили шесть ящиков пива.

Слайти промолчала, однако ее обычно свежая розовая кожа внезапно приобрела зеленоватый оттенок. Барни вытряхнул еще две таблетки в ладонь, уже почти полную, и протянул ей.

— Вот, проглоти эти пиллюли, а я сейчас принесу тебе стакан воды.

— Так много,— еле слышно запротестовала Слайти.— Я не проглошу их.

— Постарайся, ведь нам предстоит целый день съемок. Эти пиллюли — испытанное лекарство доктора Барни Хендрикsona от похмелья и применяются на другое утро после праздника. Аспирин от головной боли, драмамин от тошноты, бикарбонат от изжоги, бензедрин от подавленного настроения и два стаканчика воды для ликвидации обезвоживания организма. Действует безотказно.

Пока Слайти давилась таблетками, в дверь постучала секретарша Барни, и он велел ей войти.

— Ты выглядишь сегодня очень свеженькой,— заметил Барни.

— Я не перевариваю моллюсков, поэтому легла спать очень рано. У меня к вам несколько вопросов.— Она протянула ему бумажку с вопросами и начала водить пальцем по списку.— Так, артисты — окей, дублеры — окей, операторы — окей, да, в бутафорном отделе хотят знать, нужна ли кровь на складном кинжале?

— Конечно, нужна! Мы снимаем настоящий исторический фильм, а не сказку для детского утренника.— Он встал и оправил куртку.— Пошли, Слайти.

— Я приду через минуту,— сказала она умирающим голосом.

— Десять минут — и ни секундой больше, ты снимаешься в первой сцене.

День был ясный, и солнце, уже поднявшись над горным хребтом за их спиной, освещало поселение, бросая длинные тени от земляных хижин и сараев, крытых дровесной корой. Норвежские поселенцы уже начали свой рабочий день, и струйка синего дыма поднималась из дыры в крыше самой большой хижины.

— Надеюсь, что Оттар в лучшем состоянии, чем наша героиня, — сказал Барни, глядываясь в водные просторы. — Посмотри, Бетти, вон там, слева от острова, — это камни или лодка?

— Я оставила свои очки в трейлере.

— Похоже, что это моторная лодка. Смотри, она приближается. Пора бы им уже и возвращаться.

Бетти пришлось почти бежать, чтобы не отстать от Барни, который широким шагом спускался по склону холма вниз к берегу. Теперь лодка была отчетливо видна, и они слышали стук мотора, разносящийся над заливом. Большинство киношников уже собралось около кнорра, и Джипо устанавливал камеру.

— Кажется, исследователи возвращаются домой, — обратился он к Барни, указав на приближавшуюся лодку.

— Сам вижу и сам позабочусь о них, так что пусть все остальные готовятся к съемкам. После того как я с ними поговорю, мы сразу же начнем снимать эту сцену.

Барни ждал приближения лодки, стоя у самой воды. Текс сидел у подвесного мотора, а Йенс Лин — на носу. У обоих отросли черные бороды и вид был весьма потрепанный.

— Ну? — спросил Барни, не дождавшись, когда лодка достигнет берега. — Что нового?

Лин грустно покачал головой.

— Ничего, — сказал он, — абсолютно ничего вдоль все-

го берега. Мы ушли так далеко, как только позволили запасы бензина, и не встретили ни единой живой души.

— Но это совершенно невозможно! Я видел этих индейцев собственными глазами, а Оттар даже убил парочку. Они должны находиться где-то поблизости.

Йенс вылез на берег и потянулся.

— Мне хочется отыскать их ничуть не меньше, чем вам. Ведь это уникальные возможности для научных исследований. Конструкция их лодок и резьба на костяном наконечнике стрелы дают основания полагать, что эти индейцы принадлежат к почти неизвестной культуре Дорсетского мыса. Мы почти ничего не знаем об этом племени, всего лишь несколько отрывочных сведений получены при археологических раскопках и почерпнуты из скандинавских саг. И насколько нам известно, последние представители этой культуры исчезли в конце одиннадцатого столетия...

— Меня не столько интересуют уникальные возможности для ваших научных исследований, сколько уникальная возможность для меня закончить съемку этого фильма. Для картины нам нужны индейцы, где они?

— Нам удалось обнаружить несколько стоянок на берегу, однако все они были покинуты. Дорсетское племя является кочевым, и индейцы большую часть времени странствуют, следя за стадами тюленей и косяками трески. Я думаю, что в это время года они перекочевали дальше на север.

Напрягая все силы, Текс вытащил нос моторной лодки на берег, затем сел на борт.

— Конечно, не мне учить дока его делу, но все же...

— Предрассудки! — презрительно фыркнул Лин. Текс откашлялся и сплюнул в воду. Было очевидно, что по этому вопросу они уже раньше не соплились во мнениях.

— В чем дело? Выкладывайте! — приказал Барни.

Текс почесал черную щетину на подбородке и заговорил с неохотой.

— Понимаете, в общем-то док прав. Мы не видели никого и ничего, кроме следов старых лагерных стоянок и куч тюленых костей. Однако я думаю, что они были где-то рядом, неподалеку, и все время следили за нами. Это совсем нетрудно. Грохот этой косилки слышен за пять миль. Если эти краснокожие — охотники на тюленей, как утверждает док, то они могут запросто спрятаться, услышав о нашем приближении, и мы ничего не найдем. Я думаю, что они так и делают.

— А удалось вам обнаружить какие-нибудь доказательства этой теории? — спросил Барни.

Сделав несчастное лицо, Текс заерзal на месте, затем нахмурился.

— Только я не хочу, чтобы надо мной смеялись, — задиристо сказал он.

Барни сразу вспомнил о заслугах Текса в качестве инструктора по рукопашной схватке.

— Вот уж что мне никогда не придет в голову, Текс, так это смеяться над тобой, — сказал он совершенно чистосердечно.

— Ну... так вот. Когда я воевал в Азии, мы испытывали такое чувство, будто за нами все время следят. И в пятидесяти процентах случаев так и было. Бах — выстрел снайпера. Мне знакомо это чувство. Так вот, когда мы высадивались на берег, меня охватывало это чувство. Клянусь богом, они где-то совсем рядом.

Барни поразмыслил, хрустнул пальцами.

— Да, пожалуй, ты прав, но я не вижу, как это может нам помочь. Поговорим об этом за ленчем, может быть, придумаем что-нибудь дельное. Нам необходимы эти индейцы.

Съемки первой сцены шли через пень колоду, в чем, возможно, был виноват Барни. Он не мог заставить себя сосредоточиться. А ведь все должно было бы идти гладко, потому что в основном снимались действия. Орлуг, которого играл Валь де Карло, — лучший друг Тора и его правая рука, но он тайно влюбляется в Гудрид, а та боится сказать об этом Тору, не желая причинять ему горе. Однако страсть Орлуга все растет, и, так как Гудрид сказала, что она не полюбит другого человека, пока жив Тор, он, ослепленный любовью к Гудрид, в приступе сумасшествия пытается убить Тора. Он прячется за кораблем и бросается на проходящего мимо Тора. Тот сначала не верит своим глазам, однако, когда Орлуг ранит его в руку, понимает, что происходит. Тогда, действуя лишь одной рукой, безоружный, Тор вступает в схватку с Орлугом и убивает его.

— Ну хорошо, — прохрипел наконец Барни, у которого начало истощаться терпение. — Мы опять сыграем эту сцену, и на этот раз мне бы очень хотелось, чтобы все прошло хорошо, вы помнили бы свои реплики и все остальное, потому что у нас подходит к концу кровь для кинжала и почти не осталось чистых рубашек. По местам, Орлуг, ты стоишь за кораблем, Тор идет к кораблю вниз по берегу. Мотор!

Оттар затопал, проваливаясь в песок и, когда из-за корабля выпрыгнул де Карло, сумел даже изобразить на лице удивление.

— Это ты, Орлуг, — начал он деревянным голосом. — Что ты здесь делаешь, что... Великий Один! Смотрите!

— Стоп! — крикнул Барни. — Этого нет в тексте, Оттар, неужели ты не можешь запомнить несколько слов... — Внезапно он осекся, уставившись туда, куда показывал Оттар.

Из-за острова одна за другой выскальзывали маленькие черные точки и беззвучно гребли по направлению к берегу.

— Мечи, топоры! — приказал Оттар и оглянулся вокруг в поисках оружия.

— Подожди, Оттар! — остановил его Барни. — Не надо оружия и не надо бойни. Постараемся установить с ними дружеские отношения, может быть, станем торговать с ними. Не забудь, что это мои потенциальные статисты, и я не хочу их спугивать. Текс, держи свой револьвер наготове, но не на виду. Если они начнут драку, ты прекрасно справляешься...

— С удовольствием.

— ...но не вздумай сам начать, понятно? Это приказ. Джино, ты снимаешь их?

— Полным ходом. Если ты распорядишься убрать со сцены представителей двадцатого века, то я сниму подход, высадку, словом все.

— Вы слышали, что он сказал? Давайте-ка все в сторону, быстро. Лин, быстро надевай одежду викинга. Пойдешь с ними на берег и будешь переводить.

— Как же я буду переводить? Ведь я не знаю не единого слова на их языке, да он и вообще неизвестен.

— Ничего, научишься. Ты переводчик — стало быть, переводчи. Нам понадобится белый флаг или что-то еще, чтобы продемонстрировать наши мирные намерения.

— У нас есть белый щит, — сказал рабочий из бутофорного отдела.

— Сойдет, дайте его Оттару.

Приблизившись к берегу, лодки замедлили ход. Всего их было девять, и в каждой сидело по два или три человека. Вид у них был настороженный, они сжимали в ру-

ках копья и короткие луки, однако было непохоже, что они собираются напасть. Несколько норвежских женщин подошли к берегу посмотреть, что происходит, и, казалось, их присутствие ободрило людей в лодках, потому что они подошли еще ближе. К группе присоединился Йенс Лин, спешно защищая кожаную куртку.

— Поговори с ними, — сказал Барни, — однако стой все время позади Оттара, чтобы казалось, что это он ведет все переговоры.

Дорсетские индейцы подплыли еще ближе, покачиваясь на волнах. Послышались громкие крики.

— Мы тратим на это массу пленки, — заметил Джино.

— Продолжай снимать, всегда можно вырезать то, что не нужно. Передвигайся по берегу, чтобы занять позицию поудобнее, когда они высадятся, если они вообще высаживаются. Нам нужно как-то привлечь их на берег, может быть, предложить что-нибудь в обмен.

— Ружья и водка, — сказал де Карло. — Вот в основном предметы обмена с индейцами во всех вестернах.

— Никакого оружия в обмен! Эти парни, очевидно, неплохо справляются с тем, что у них есть. — Барни оглянулся, пытаясь подстегнуть свое воображение, и увидел угол походной кухни, выступающей из-за дома Оттара, самого большого из земляных строений. — Пожалуй, эта мысль, — пробормотал он и направился к кухне. Прислонившись плечом к ее стенке, Клайд Роулстон писал что-то на клочке бумаги.

— А я думал, что ты вместе с Чарли занимаешься дополнительными диалогами, — сказал Барни.

— Я обнаружил, что работа над сценарием мешает моим стихам, поэтому решил снова заняться стряпней.

— Истинный художник. Что у тебя есть вкусненького?

— Кофе, чай, пирожки, бутерброды с сыром — все как обычно.

— Вряд ли краснокожие клюнут на такой ассортимент. Что еще?

— Мороженое,

— Ага, вот ~~что~~ то, что надо. Вывали-ка его в один из горшков викингов, я сейчас пришлю за ним кого-нибудь. Я уверен, что эти ребята такие же сладкоежки, как и все люди.

Мороженое оказалось желаемое действие. Слайти вынесла галлон ванильного мороженого на берег, где уже стояли в воде индейцы, все еще опасаясь выйти на сушу, и, съев несколько ложек сама, начала поварешкой класть мороженое им прямо в сложенные ковшом ладони. Трудно сказать, гормоны ли Слайти или мороженое сыграли тут свою роль, но уже через несколько минут индейцы вытащили кожаные лодки на берег и смешались со скандинавами. Барни остановился в том месте, где он не мешал съемкам, и внимательно всматривался в индейцев.

— Они больше похожи на эскимосов, чем на индейцев, — пробормотал он про себя. — Однако несколько перьев и боевая раскраска легко исправят все это.

Хотя у пришельцев были плоские лица и азиатские черты лица, типичные для эскимосов, это были крупные и крепкие люди, почти такие же высокие, как викинги. Под спицами из тюленьих шкур одеждами, расстегнутыми из-за жары, виднелась бронзовая кожа. Они говорили между собой быстро, высокими голосами и теперь, после высадки,казалось, забыли о своих недавних страхах и с огромным интересом разглядывали новые для них предметы. Самое большое впечатление на них произвел кнорр. Несомненно, это было парусное судно, однако несравненно больших размеров, чем они когда-либо видели или представляли себе. Барни подозревал Йенса Лина.

— Ну, как дела? Они согласны работать для нас?

— Ты что, спятил? Мне кажется... Учти, что я в этом

не уверен... мне кажется, я уже знаю два слова их языка. *Уинн-на* означает, по-видимому, «да», а *хенне* — «нет».

— Продолжай в том же духе. Нам понадобятся все эти парни и много других для съемки боевых сцен нападения индейцев.

Теперь индейцы и викинги смешались. Вдоль всего берега первые демонстрировали вторым кипы тюленьих шкур, лежавших в лодках. Самые любопытные из пришельцев отправились посмотреть на дома, внимательно разглядывая все, что им попадалось, и взволнованно обмениваясь мнениями друг с другом. Голоса у них были тонкими. Один из индейцев, все еще сжимавший в руке дротик с каменным наконечником, заприметил Джино, подошел к нему и заглянул в объектив камеры, дав тем самым оператору великолепный крупный план. Но тут послышался рев, а за ним — пронзительные крики.

Болотистый луг, граничивший с лесом, пересекла корова, за ней бежал бык, который, несмотря на свои небольшие размеры, был злым и опасным животным, казавшимся еще более злым из-за того, что слегка косил. Обычно он бродил по лагерю свободно, и его не раз прогоняли от трейлеров съемочной группы. Он потряс головой и снова заревел.

— Оттар, — закричал Барии, — быстро прогони эту скотину, а то он напугает индейцев.

Бык не просто напугал дорсетских индейцев, он вселил в них безотчетный ужас. Они никогда раньше не видели такого ревущего и храпящего страшилу и теперь оцепенели от страха. Оттар схватил длинную жердь, валявшуюся на берегу, и крича кинулся на быка. Бык посмотрел на бегущего викинга, ковырнул землю копытом и, выставив рога, перешел в атаку. Оттар сделал шаг в сторону, обозвал быка нехорошим скандинавским словом и с размаху прошелся жердью по его бокам.

Однако это не возымело ожидаемого действия. Вместо того чтобы развернуться и снова напасть на своего мучителя, бык заревел и бросился к дорсетским индейцам, явно сочтя их темные незнакомые фигуры причиной падающей в лагере суматохи. Индейцы закричали и обратились в бегство.

Паника оказалась заразительной, и кто-то крикнул, что варвары перешли в атаку. Викинги тут же схватились за оружие. Двое до смерти перепуганных индейцев оказались отрезанными от берега и кинулись к дому Оттара, пытаясь выломать дверь, но она была заперта. Оттар бросился на защиту своего жилища, и когда один из индейцев обернулся к нему с поднятым копьем, викинг нанес ему сокрушительный удар жердью по голове. Жердь переломилась пополам, проломив в то же время череп несчастного индейца.

За каких-то шестьдесят секунд все было кончено. Бык, причина всей паники, промчался через ручей и теперь мирно пасся на другом берегу. Лодки из шкур, подгоняемые бешеными рывками, мчались в открытое море. Здесь и там на берегу темнели тюки с тюлеными шкурами, забытые индейцами. У одного из норвежских слуг стрела вонзилась в руку, а двое дорсетских индейцев, включая и того, что пал жертвой Оттара, были мертвы.

— Мадонна мия,— Джино выпрямился, отошел от камеры и вытер рукавом потный лоб.— Ну и темперамент у этих молодцов! Почище, чем у сицилианцев.

— Какая глупая трата человеческих жизней,— сказал Йенс. Он сидел согнувшись на песке, держась за живот обеими руками.— Они все были напуганы, как дети. Эмоции детей, а тела взрослых мужчин. Вот почему они убивают друг друга.

— Но в результате получится великолепный фильм,— бодро заметил Барни.— Кроме того, мы не имеем права

вмешиваться в здешние обычаи. А что с тобой случилось? Кто-то в панике пнул тебя в живот?

— Не имеем права вмешиваться в здешние обычаи, очень смешно. Вы губите жизнь этих людей ради своей кинематографической чепухи, а затем пытаетесь избежать последствий своих поступков... — Внезапно его лицо исказилось гримасой боли, и он стиснул зубы. Барни посмотрел вниз и с ужасом увидел, что между пальцами Лина расплывается огромное красное пятно.

— Ты ранен, — медленно сказал он, не веря своим глазам, затем быстро обернулся. — Текс — пакет первой помощи! Быстрее!

— Что это ты проявляешь такую заботу обо мне? Ты только что видел слугу, у которого стрела воинилась в руку, — и даже глазом не моргнул. Говорят, викинги после битвы зашивали свои раны иголкой с суворой ниткой. Почему бы тебе не дать мне ниток?

— Успокойся, Йенс, ты ранен. Мы позаботимся о тебе.

Подбежал Текс с пакетом первой помощи, опустил его на землю рядом с Йенсом и встал на колени около раненого.

— Как это произошло? — спросил он спокойным, необычно мягким голосом.

— Копьем, — сказал Йенс. — Так быстро, что я даже ничего не понял. Я стоял между индейцем и лодками. Он поддался общей панике. Я поднял руки, чтобы успокоить его, поговорить с ним, но тут почувствовал боль в животе, он пробежал мимо и исчез.

— Дай-ка мне осмотреть рану. Я насмотрелся таких ран в Новой Гвинее. Штыковое ранение. — Текс говорил спокойно, со знанием дела, и когда он потянул Йенса за руки, они вдруг ослабли и беспомощно повисли; быстрым движением ножа Текс разрезал окровавленную одежду.

— Неплохо, — сказал он, взглянув на кровоточащую рану. — Чистое проникающее ранение в живот. Ниже желудка и, кажется, не настолько глубокое, чтобы задеть что-нибудь еще. Необходима госпитализация. Там они запьют дыру, положат внутрь соответствующий брюшной дренаж и напичкают тебя антибиотиками. Но если попытаешься вылечить такое ранение в полевых условиях, через пару дней ты загнешься от перитонита.

— Ты чертовски откровенен, — сказал Йенс, но все же улыбнулся.

— Как всегда, — ответил Текс, доставая дозу морфия и отламывая головку. — Когда человек знает, что с ним происходит, он не жалуется на лечение. И ему легче, и всем остальным. — Тренированной рукой он вонзил острие шприца под кожу Йенса.

— А ты уверен, что медсестра не сможет вылечить меня прямо здесь? Мне бы не хотелось возвращаться...

— Жалованье целиком плюс премиальные, — подбодрил его Барни. — И отдельная комната в госпитале — тебе ни о чем не придется беспокоиться.

— Меня беспокоят не деньги, мистер Хендриксон. Вам трудно это понять, но, кроме доллара, в мире существует многое другое. Для меня важно то, что я здесь узнаю. Одна страница моих записей ценнее всех катушек вашего целлULOидного чудовища, вместе взятых.

Барни улыбнулся, сделав попытку переменить тему разговора.

— Вы ошибаетесь, доктор, теперь пленки больше не делают из целлULOИда. Налажено производство безопасной пленки, она не горит.

Текс присыпал рану сульфопорошком и крепко забинтовал.

— Вы должны попросить доктора приехать сюда, — сказал Лин, беспокойно глядя на Барни. — Спросите, что

он думает насчет моего отъезда. Если я уеду, фильму конец, я уже больше никогда не вернусь обратно, никогда.

Полный страстного желания все запомнить, он оглядел залив, дома и людей. Текс поймал взгляд Барни, покачал головой и махнул в сторону лагеря съемочной группы.

— Пойду приведу грузовик и скажу профессору, чтобы он готовил свою машину. Пусть кто-нибудь перевяжет руку этому викингу и даст ему пузырек с пенициллиновыми таблетками.

— Привези с собой медсестру, — сказал Барни. — Я останусь с Йенсом.

— Мне хотелось бы рассказать тебе о том, что мне случайно удалось обнаружить, — сказал Йенс, положив ладонь на руку Барни. — Я слышал, как один из людей Оттара, говоря с ним о репитере компаса, установленном на их корабле, назвал его на свой лад и это звучало как «хюсас-нотра». Я был потрясен. В исландских сагах неоднократно упоминается навигационный инструмент, который так и не удалось опознать. Он называется «хюсас-нотра». Ты понимаешь, что это значит? Вполне возможно, что слово «репитер компаса» вошло в их язык как «хюсас-нотра». Если это так, то влияние, которое мы оказали, прибыв в одиннадцатое столетие, превосходит все, что можно было ожидать. Необходимо изучить все аспекты этого вопроса. Я не могу бросить все это сейчас.

— То, что ты говоришь, Йенс, очень интересно. — Барни посмотрел в сторону лагеря, но грузовика еще не было видно. — Ты должен написать об этом научную статью или что-нибудь в этом роде.

— Дурень! Ты не имеешь ни малейшего представления, о чем я говорю. Для тебя времеатрон всего лишь хит-

роумное изобретение, которое можно проституировать для съемок идиотского фильма...

— Полегче с оскорблением,— попросил Барни, стараясь сохранить самообладание и не поссориться с раненым.— Никто не рвался на помощь Хьюитту, пока мы не дали ему денег. Если бы не эта картина, ты все еще сидел бы в своем Южнокалифорнийском университете, уткнувшись носом в книги, и не знал бы ничего о тех фактах и обстоятельствах, которые теперь считаешь такими важными. Я не хочу оханывать твою работу, но и ты не оханвай мою. Я уже слышал о проституировании изобретений, но так сделан мир. Войны заставляют ученых проституировать, но все великие изобретения были сделаны тогда, когда война могла их оплатить.

— Войны не оплачивают фундаментальных исследований, а именно здесь и делают подлинные открытия.

— Прошу меня извинить, но войны сдерживают врага и вражеские бомбы падают где-то далеко, так что ученые получают возможность и время для фундаментальных исследований.

— Ловкий ответ, но он меня не устраивает. Что бы ты ни говорил, у нас путешествие во времени используется для создания дешевой картины, и все исторические открытия будут сделаны только случайно.

— Не совсем так,— парировал Барни со вздохом облегчения, заслышав шум приближающегося грузовика.— Мы не вмешивались в твою исследовательскую работу, скорее помогали ей. У тебя были совершенно развязаны руки. Создавая эту картину, мы вложили деньги во времеатрон, и он стал теперь рабочим капиталом. С теми данными, которые у тебя уже имеются, ты без всякого труда убедишь любой научный фонд вложить деньги в создание нового времеатрона и тогда сможешь вести свои исследования так, как тебе хочется.

— Так я и сделаю.

— Но только не сразу.— Грузовик остановился рядом с ними.— Мы предполагаем пользоваться нашим исключительным правом на знания профессора еще года два, чтобы вернуть наши капиталовложения.

— Конечно,— с горечью сказал Йенс, следя за тем, как с грузовика снимают носилки.— Прибыль прежде всего, а культура пусть идет ко всем чертям.

— Таковы условия игры,— согласился Барни, глядя, как носилки с филологом осторожно помещают в кузов грузовика.— Мы не можем остановить мир и сойти, где хотим, поэтому нужно изучать его законы, чтобы жить в соответствии с ними.

XV

— Лучше умереть героем, чем жить подобно трусу! —
взревел Оттар.— Во имя Одина и Фрейи — за мной!

Он распахнул дверь, держа перед собой щит, в который тотчас же вонзились две стрелы. С яростным криком взмахнув топором, он выбежал из горящего здания.

За ним последовали Слайти с мечом в руке, Валь де Карло, изо всех сил дувший в рог, и остальные воины.

— Стоп! Отпечатайте эти кадры,— скомандовал Барни и опустился в раскладное парусиновое кресло.— Окей, на сегодня хватит. Быстро в кухню на ленч, чтобы можно было упаковать кастрюли и сковородки.

Рабочие из бутафорного отдела поливали из огнетушителей канаву с горящей нефтью, и оттуда несло жуткой вонью. Все прожектора, кроме одного, погасли. Джино, открыв стенку камеры, вынимал из нее отснятый фильм. Все шло нормально. Барни подождал, когда кончится толкотня у дверей, затем тоже вышел наружу. На перевер-

нутой бочке сидел Оттар, засовывая стрелы обратно в щит.

— Смотри, летят стрелы,— крикнул он, обращаясь к Барни, и поднял щит. Мгновенное действие скрытых пружин, удар — и на щите выросли стрелы со скоростью, неподъемной для человеческого глаза.

— Великолепное изобретение,— согласился Барни.— Мы закончили съемки, Оттар, и собираемся перепрыгнуть через год в следующую весну. Как ты думаешь, будут у вас к тому времени готовы стены вокруг поселения?

— Ясно, будут. Ты выполнил свои обязательства, Оттар выполнит свои. Те стальные пилы и топоры, которые вы нам оставили, помогут нам быстро напилить бревна для стен. Но не забудь оставить нам пищи на зиму.

— Конечно, мы выгрузим припасы еще до отъезда. Все понятно? Есть еще вопросы?

— Понятно, понятно,— пробормотал Оттар, снова сосредоточив все свое внимание на засовывании стрел обратно в щит. Барни подозрительно посмотрел на него.

— Я уверен, что ты ничего не забудешь, однако на всякий случай давай быстренько повторим все еще разок. Мы оставим вам крупу, сушеные и консервированные продукты — все, что мне удастся раздобыть на складе компании. Таким образом, вам не придется тратить лето и осень на заготовку продовольствия, и вы сможете сосредоточить все свои усилия на строительстве домов и бревенчатой стены вокруг поселения. Если все обстоит так, как говорит док, то дорсетские индейцы не будут беспокоить вас до весны, когда паковый лед подходит к самому берегу, тюлени собираются стаями и выводят на нем потомство. Вот тогда-то охотники и приходят из северных краев, где они сейчас находятся. И даже если они будут беспокоить вас, за бревенчатой стеной вы в безопасности.

— Убьем их, порубим всех на куски,

— Пожалуйста, попытайся обойтись без этого, ладно? Уже снято девяносто процентов картины, и мне бы не хотелось, чтобы всех вас поубивали до того, как мы закончим съемки. В феврале и марте мы проверим, как у вас идут дела, а потом прибудем сюда всей группой, как только узнаем, что краснокожие находятся неподалеку. Предложи им товары в обмен на то, что они согласятся напасть на поселение, сжечь часть его — вот и все. Договорились?

— И виски «Джек Даниэльс».

— Конечно, ведь это указано в твоем контракте.

Их слова были заглушены характерным стоном, исходившим из медной трубы. Звуки были то высокие, то низкие.

— Ты что, подрядился? — спросил Барни у Валь де Карло, который, пролезши в кольцо огромной медной трубы, дул в нее.

— Это великолепный инструмент, — сказал Валь, — слушай. — Он облизнул губы, приложился к трубе, надулся, покраснел и исполнил что-то, отдаленно напоминающее «Музыка всюду вокруг нас».

— Не измений драматическому искусству, — сухо заметил Барни, — по части музыки тебе ничего не светит. Знаешь, мне кажется, я видел где-то раньше изображение этой трубы, то есть я не имею в виду музей.

— Такое изображение оттиснуто на каждой пачке датского масла. Это торговая марка.

— Может быть, не помню. Но звучит она как простуженная басовая труба.

— Спайдермэн Спиннеке был бы без ума от нее.

— Вполне возможно. — Барни прищурился, взглянул на де Карло и щелкнул пальцами. — Слушай, это мысль. Этот самый Спайдермэн, ведь он играет на самых странных инструментах в этом своем подвале, в «Заплесневев-

шем гроте». Я слышал его однажды в сопровождении дувовых инструментов и барабана.

Валь кивнул.

— Я тоже бывал у него. В джазе только он один играет на басовой трубе. Шум, который он издает, не поддается описанию.

— Тогда это совсем неплохо, и вполне возможно, что это именно то, что нам нужно. Да, это неплохая мысль.

Оттар продолжал играть с бутафорскими стрелами, а Барни, опершись о стену, слушал трубу, когда рядом остановился джип.

— Все готово, можно отправляться,— сообщил Даллас.— Хозяйственники со склада ожидают нас, и с ними вызвались поехать двое рабочих, которые хотят убедиться, что Голливуд все еще стоит на месте.

— Хватит двоих, чтобы погрузить продукты? — спросил Барни.— К этому времени все остальные разойдутся по домам.

— Более чем достаточно.

— Тогда поехали.

Один из больших грузовиков уже стоял на платформе, а вокруг слонялось с десяток людей. Дверь в контрольную рубку профессора Хьюитта была открыта, и Барни заглянулся к нему.

— Значит, суббота, к вечеру, и постарайтесь подогнать как можно точнее.

— До микросекунды. Мы прибудем в Голливуд мгновение спустя после того, как платформа отправилась оттуда в свое предыдущее путешествие.

С большим трудом Барни осознал, что, несмотря на все произошедшее в течение последних месяцев, в Голливуде все еще был вечер субботы, вечер того самого дня, когда

была начата операция. Субботние толпы затопили тротуары, площадь у супермаркета была забита автомобилями покупателей, а вдали от города, недалеко от вершины Бенедикт каньон драйв, за частным полем для игры в гольф, на верхнем этаже своего особняка Л. М. Гринспэн по-прежнему страдал от сердечных спазмов. На мгновение Барни заколебался, не позвонить ли ему и не сообщить ли Л. М. о ходе работы, затем решил, что не стоит. Пусть хозяин студии лежит себе в постели. Может быть, позвонить в больницу и узнать, как дела у Йенса Лина, ведь прошло уже несколько недель — нет, лишь несколько минут. Скорее всего, его даже еще не успели доставить в больницу. Да, нелегко было привыкнуть к путешествиям во времени.

— Фу, какая жара, — сказал один из поваров. — Жаль, что я не догадался захватить темные очки.

Огромные двери съемочного павильона были открыты, и когда платформа мягко коснулась пола, пассажиры захмурились от внезапно хлынувшего потока субтропического света. Северное небо над Ньюфаундлендом было всегда бледно-голубым и солнце там никогда не жгло, как здесь. Барни отодвинул рабочих в сторону, освобождая дорогу для огромного дизельного грузовика, который с ревом съехал на бетонный пол павильона. С праздничным настроением они вскарабкались в кузов, и грузовик тронулся в путь по пустым улочкам студии.

У ворот склада праздничное настроение испарилось.

— Извините, сэр, — заявил стражник, небрежно помахивая дубинкой на кожаном ремне, — я вас не знаю, но даже если бы знал, все равно не пустил бы вас в этот склад.

— Но этот документ...

— Я видел документ, но у меня есть приказ — никого не пускать.

— А ну-ка, дайте мне топор! — крикнул один из рабочих. — Я живо открою эту дверь.

— Убей! Убей! Убей! — завопил другой. Они провели слишком много времени в одиннадцатом столетии и приобрели свойственное викингам стремление решать большинство проблем простыми методами.

— Не подходите ко мне! — приказал стражник, делая шаг назад и кладя руку на кобуру револьвера.

— Ну, хватит шуток, — распорядился Барни. — Посидите спокойно, пока я улажу этот вопрос. Где телефон? — спросил он у стражника.

Барни позвонил в контору, надеясь, что там кто-то еще есть, попросил прежде всего Административный корпус и попал в точку. Сэм, личный бухгалтер Л. М., все еще был в конторе, он, конечно, подчищал бухгалтерские книги.

— Сэм, — сказал он, — рад снова говорить с тобой, как у тебя дела... что? извини, я забыл. Для тебя прошло всего два часа, а для меня несколько месяцев. Нет, что ты, в рот не брал, я же снимал фильм. Совершенно верно, почти готов... Сэм, нет... Сэм, не нервничай... Это совсем не однодневный фильм, так же как сценарий не был одночасовым. Мы работали в поте лица. Послушай, потом я тебе все объясню, но сейчас ты должен мне помочь. Я хочу, чтобы ты поговорил с одним из стражников студии, исключительно толстокожим парнем, наверно, он у нас недавно. Вели ему отпереть дверь продовольственного склада, нам нужно забрать всю крупу и все консервы. Нет, мы еще не проголодались, это товары для обмена с туземцами. Плата за съемки массовых сцен... Сэм, что ты говоришь... Сэм, у нас нет времени на размышления... послушай, если мы можем заплатить им овсяной крупорой вместо зелененьких, какая тебе разница?

Было совсем не легко говорить с Сэмом. Он не любил тратить деньги даже на овсянку — впрочем, он всегда был трудным человеком, — но наконец Барни его убедил. Сэм сорвал злость на стражнике, который вышел из телефонной будки побагровевший от злости.

К половине шестого грузовик был нагружен, а без четверти шесть уже стоял на платформе машины времени. Барни проверил, все ли вернулись с грузовиком, и прокрутил голову в кабину профессора.

— Отправляйтесь, проф, только подождите, пока я не сойду с платформы.

— Значит, вы не вернетесь с нами?

— Совершенно верно. У меня здесь дела. Вы разгрузите платформу, затем возвращайтесь за мной примерно через пару часов, скажем, около десяти. Если меня к этому времени не будет здесь, я позвоню вам по телефону, что у склада, и введу в курс дела.

Хьюитт почувствовал себя уязвленным.

— По-видимому, вы считаете, что я таксист при машине времени, а я отнюдь не уверен, что это дело мне по душе. Мне казалось, что я доставлю вас в одиннадцатое столетие, где вы снимете фильм, после чего мы возвратимся обратно. Вместо этого я только и делаю, что катаю туда-сюда — из одиннадцатого в двадцатое столетие...

— Успокойтесь, профессор, мы уже вышли на финишную прямую. Вы думаете, я согласился бы потерять два часа, если бы это не было совершенно необходимо? Мы сделаем еще один прыжок во времени, окончим картину, и работа завершена. Все будет готово, останется разве что аплодировать.

Стоя рядом с воротами павильона, Барни увидел, как платформа исчезла в прошлом. Обратно к дикарям первобытной Канады, к потрескавшимся губам и холодным дождям. Пусть себе едут. Сам же Барни собирался отклю-

читься часа на два. Конечно, за это время ему придется провернуть кое-какие дела, но значит ли это, что он не имеет права немного развлечься? Сейчас еще не время отдохнуть по-настоящему, так как фильм еще не в коробке на столе у Л. М., но конец был уже виден, и Барни чувствовал усталость от непрерывной многомесячной работы. Первое, что он собирался предпринять, — это заказать себе первоклассный обед в ресторане Чейзена. Уж что-что, а это он может себе позволить. В любом случае не было смысла ехать в «Заплесневевший грот» раньше чем к девяти вечера.

В его возвращении в Калифорнию двадцатого века было что-то нереальное, фантастическое. Казалось, события развиваются слишком быстро, вокруг слишком много кричащих красок, и от выхлопных газов разболелась голова. Деревенщина! Обед, начатый с виски и обильно сдобренный шампанским с брэиди, под конец помог избавиться от головной боли, и когда Барни в начале десятого вылезал перед клубом из такси, к нему вернулось хорошее настроение. Он даже ухитрился не обидеться при виде зеленого входа с намалеванными на нем красными черепами и скрещенными костями.

— Остерегайтесь, — простонал загробный голос, когда Барни распахнул входную дверь. — Остерегайтесь, ибо всякий, кто входит в «Заплесневевший грот», делает это на свой страх и риск. Остерегайтесь... — Магнитофонная запись оборвалась, когда Барни закрыл дверь и на ощупь двинулся вперед по тускло освещенной, застланной черным бархатом лестнице. Занавес из светящихся пластмассовых костей был последней преградой перед входом в святая святых самого клуба. Барни бывал здесь и раньше, так что странность обстановки не произвела на него никакого впечатления. Она не впечатлила его и в первый раз. Тогда она была лишь немного лучше — или хуже — дома призраков

па карнавале. Мигали зеленые огни, в углах висела резиновая паутина, а стулья были исполнены в виде гигантских мухоморов. Он был единственным посетителем.

— «Кровавую Мэри», — сказал он официанту, одетому в вампиром. — А что, Спайдермэн уже пришел?

— По-моему, он в раздевалке, — пробормотал вампир сквозь пластмассовые клыки.

— Скажи ему, что его хочет видеть Барни Хендриксон из «Клаймэтика».

Спайдермэн Спиннеке прибыл раньше заказанного коктейля — тощая сутулая фигура в черном, темные очки.

— Давненько мы с тобой не виделись, — сказал он, скользнув влажными пальцами по ладони Барни. — Как кинобизнес? — Он опустился на стул.

— Да так, перебиваемся с хлеба на воду. Скажи мне, Спайдер, это верно, что ты озвучил пару фильмов?

— Да, я написал музыку для одного пустячка под названием «Сумасшедший твист молодых битников». Надеюсь, что публика быстро забудет о нем. А почему ты спрашивалаешь? Неужели ты заинтересовалася бедным старым Спайдермэном?

— Может быть, и так, Спиннеке, может быть, и так. Скажи, ты не сумеешь написать музыку для картины и записать ее в исполнении своей группы?

— Для нас все возможно, старик. Но для этого нужно время, а у нас уже есть обязательства.

— Пусть время тебя не беспокоит, я все устрою так, что ты не пропустишь ни единого выступления. Я подумал, что ты найдешь подходящее звуковое сопровождение к картине, которой я сейчас занимаюсь. Захватывающий рассказ о викингах. Слыхал о них когда-нибудь?

— Конечно. Волосатые парни с топорами, которыми они рубили встречных на куски.

— В общих чертах да. Примитивный народ, сильные люди. У них есть нечто вроде медной трубы, и это навело меня на мысль. Только духовые инструменты с барабанами соответствуют примитивной свирепости дикарей.

— Неплохо.

— Так как же, сумеешь справиться?

— Ну конечно.

— Превосходно. Вот тебе сотняга в качестве аванса.— Барни извлек из бумажника пять двадцатидолларовых бумажек и бросил их на стол. Костлявые пальцы Спайдермэна неслышно скользнули по черной скатерти и поглотили их.— Теперь бери своих ребят и пошли в студию. Там я обо всем расскажу. Через час прикатите обратно.

Что им предстояло сделать в течение этого часа, Барни не сказал.

— Не выйдет. Дуди и я хотим сейчас немного поразмыться, а к одиннадцати придут остальные ребята. Потом мы выступаем до трех ночи. До этого я не могу уйти.

«Кровавая Мэри» легко прошла по пищеводу. Барни посмотрел на часы и быстро убедил себя, что нет смысла уезжать и потом снова возвращаться. Три часа утра, воскресенье — все еще остается масса времени, потому что фильм должен быть представлен только к утру понедельника. Все будет в порядке. Спайдермэн скрылся где-то в укромном уголке, и в десять вечера Барни позвонил профессору Хьюитту. Назначив новое время для randevu — три часа утра, Барни вернулся к своему столу и постарался отключиться, насколько это было возможно при звуках басовой трубы, духовых инструментов и барабанов с усилителями. Неоценимую помощь оказали ему дополнительные порции «Кровавой Мэри».

В два часа ночи Барни встал и вышел подышать свежим воздухом, потому что атмосфера в клубе казалась осязаемой от сигаретного дыма и вибрировала от дрожащих ритмов. Ему даже удалось нанять два такси, водители которых обещали прибыть к клубу сразу после трех. Все шло хорошо, очень хорошо.

Было около четырех, когда такси подъехали к входу в павильон. Профессор Хьюитт прохаживался взад и вперед перед дверью, то и дело посматривая на часы.

— Вы необыкновенно пунктуальны, — ядовито заметил он.

— Не так уж плохо, профессор, старина, — сказал Барни, похлопав его по спине, затем повернулся, чтобы помочь вытащить из такси барабан-бас. После этого, построившись цепочкой, все вошли в павильон под звуки «Полковника Боги», извлекаемые Дуди из тромбона.

— А это что за плот? — потускневшие от усталости глаза Спайдермэна уставились на платформу.

— Средство транспорта. Влезай. Наша поездка займет всего несколько минут, даю обещание.

При этих словах Барни поднял руку, чтобы замаскировать хитрую улыбку.

— На сегодяя достаточно, — сказал Спайдермэн, оттаскивая тромбон от вибрирующих губ Дуди. Не заметив этого, Дуди продолжал играть еще не меньше пяти секунд, пока не заметил, что больше не издает ни единого звука. — Дошел до ручки, — объяснил Спайдермэн.

Хьюитт фыркнул, когда музыканты в погребальных одеждах вскарабкались на платформу, затем вошел в контрольную кабину, чтобы включить времеатрон.

— Это что, зал ожидания? — поинтересовался Дуди, влезая вслед за профессором в тесную кабину.

— Немедленно убирайся отсюда, болван! — рявкнул профессор. Дуди что-то пробормотал и попытался исполн-

нить просьбу. Повернувшись, он задел своим тромбоном несколько электронных ламп. Две из них вспыхнули и замигали.

— Ух ты! — сказал Дуди и выронил тромбон. Его медный бок упал на обнаженные провода, ведущие к лампам, и мгновенно замкнул их. Посыпались искры. Свет в контрольной кабине погас.

Барни отрезвел меньше чем за секунду. Он вытащил ошеломленного музыканта из контрольной кабине и загнал его вместе с остальными на дальний конец платформы.

— Как дела, профессор? — тихо спросил он, вернувшись к контрольной кабине, но не услышал ответа. Поглядев на то, как Хьюитт снял заднюю стенку аппарата и начал вышвыривать одну за другой перегоревшие лампы через открытую дверь, он решил не переспрашивать.

Услышав наконец неохотное «Да!» в ответ на вопрос, не понадобится ли по крайней мере два часа на починку времеатрона, Барни отправил музыкантов по домам.

К девяти утра в воскресенье профессор Хьюитт признался, что ремонт займет, очевидно, большую часть дня, не считая времени, которое будет потрачено на поиски новых электронных ламп в воскресенье в Лос-Анджелесе. Барни с фальшью в голосе ответил, что это не страшно, что у них еще много времени. В конце концов, картина должна быть представлена только к следующему утру.

Поздно вечером в воскресенье Барни впервые за все это время заснул, однако уже через несколько минут, вздрогнув, проснулся и больше не мог сомкнуть глаз.

В пять утра в понедельник профессор заявил, что монтаж полностью закончен, и он собирается отдохнуть ча-

сок. После этого он отправится на поиски недостающих электронных ламп.

В девять утра Барни позвонил в контору студии и узнал, что прибыли ревизоры из банка и ожидают его. Он икнул и поспешил повесил трубку.

В девять тридцать позвонил телефон, и, когда Барни снял трубку, телефонистка сообщила ему, что вся студия перевернута вверх дном — разыскивают его — и что Л. М. лично спрашивал ее, не знает ли она, где находится мистер Хендриксон. Не отвечая, Барни повесил трубку.

В десять тридцать Барни понял, что положение безнадежно, Хьюитт все еще не вернулся и даже не позвонил. И даже если бы он и прибыл сейчас, все равно было уже слишком поздно. Картину невозможно было закончить к назначенному сроку.

Все пропало. Он попытался спасти положение и потерпел неудачу. Идя к кабинету Л. М., он думал о том, что это похоже на последние шаги приговоренного к смерти — именно так и было на самом деле.

Он остановился перед дверью кабинета, не решаясь войти: в голове мелькнула мысль о самоубийстве как возможном выходе из положения. Затем он решил, что у него на это не хватит храбрости, и толкнул дверь.

XVI

— Не входи туда, — сказал голос у него за спиной, и протянувшаяся сзади рука оттащила его от двери, которая автоматически захлопнулась перед его носом.

— Да как вы осмелились! — вскипел Барни, поворачиваясь к своему обидчику.

— Все средства хороши, чтобы помешать тебе сделать ошибку, дурень, — сказал незнакомец и широко улыбнулся, глядя, как Барни отшатнулся от него с отвисшей челюстью и широко раскрытыми глазами.

— Великолепно, какая игра! — сказал человек. — Может, тебе, вместо того чтобы ставить фильмы, стоило играть в них, а?

— Ты... Я... — едва выговорил Барни, глядя на самого себя в своих лучших брюках из рогожки, кожаной куртке летчика и с коробкой фильма под мышкой.

— Ты очень наблюдателен, — заметил второй Барни, ядовито улыбаясь. — Подержи-ка на одну секунду. — Он сунул коробку с фильмом в руки Барни и извлек из заднего кармана бумажник.

— Что?.. — спросил Барни. — Что?.. — Его взгляд остановился на наклейке, где было написано «Викинг Колумб. Часть I».

Второй Барни достал из своего бумажника сложенный лист бумаги и вручил его Барни, который только тут заметил, что правая рука его была забинтована и местами сквозь бинт простиупили пятна крови.

— Что случилось с моей рукой... твоей рукой? — спросил Барни, в ужасе глядя на повязку. В следующее мгновение коробка с фильмом исчезла из его рук и вместо нее пальцы стиснули лист бумаги.

— Передай это профу, — сказал его двойник, — и перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он распахнул дверь кабинета Л. М., пропуская мальчика-посыльного, катившего перед собой тележку, нагруженную дюжиной коробок с фильмом. Посыльный остановился, посмотрел сначала на одного, потом на другого, по-

жал плечами и исчез в приемной. Второй Барни последовал за ним, и дверь захлопнулась.

— Рука, что случилось с рукой? — слабым голосом спросил Барни, обращаясь к закрытой двери. Он протянул руку, чтобы открыть ее, но вздрогнул и передумал. Его внимание привлек лист бумаги, который он все еще сжимал в левой руке. Барни развернул его. Это была половина страницы обыкновенной писчей бумаги, оторванная от другой и чистая на обороте. Да и на этой стороне тоже ничего не было написано, просто чертеж, спешно набросанный шариковой ручкой.

Чертеж ничего не значил для Барни. Он сложил его, сунул в бумажник — и тут внезапно вспомнил о коробках с пленкой на тележке.

— Так я закончил фильм! — крикнул он. — Фильм готов, и я только что доставил его в кабинет Л. М. в назначное время!

Две секретарши, пробегавшие мимо, посмотрели на него и прыснули; он проводил их свирепым взглядом и пошел прочь.

Так что же сказал ему второй Барни? Перестань заниматься глупостями и закончи фильм. Сумеет ли он кончить его? Судя по всему, сумеет, если эти коробки не были пустыми. Но как он может окончить его теперь, после роковой минуты, и все-таки доставить его в назначенный срок?

— Ничего не понимаю, — бормотал он про себя, шагая к навильону.

Даже при виде профессора, погруженного в работу над времсатроном, вихрь его мыслей не улегся. Он поднялся на платформу и остановился, пытаясь осознать, что же случилось или что должно случиться, однако усталость и шок — следствие разговора с самим собой — временно отразились на его мыслительных способностях.

— Ремонт окончен,— сказал профессор Хьюитт, вытирая руки о тряпку.— Теперь мы можем опять вернуться в 1005 год.

— Поехали,— сказал Барни, протягивая руку к своему бумажнику.

Несмотря на то что для Ньюфаундленда день был солнечным, он казался мрачным после калифорнийского солнца, и воздух был значительно прохладнее.

— Когда мы покинули студию, профессор? — спросил Барни.

— В 12.03, в понедельник. И пожалуйста, без жалоб. Мне удалось отремонтировать времеатрон за удивительно короткое время, если принять во внимание тот ущерб, который был причинен этим микроцефалом, идиотом от музыки.

— Никаких жалоб, профессор. Мне начинает казаться, что у нас еще есть шанс закончить съемки картины вовремя. Я только что встретил в студии самого себя и сам видел, как я доставил коробки, на которых было написано «Викинг Колумб».

— Это совершенно невозможно!

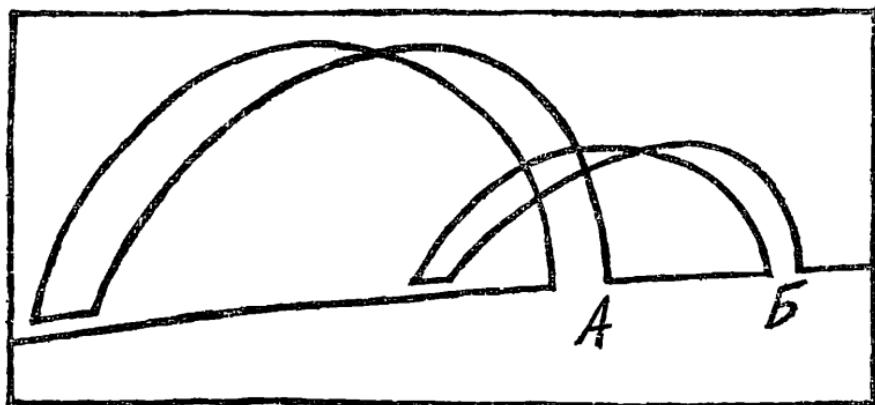
— Легко сказать, однако, может быть, вас ожидает такой же шок, какой испытал я сам. Я сказал мне, или он сказал мне, или черт знает кто сказал, чтобы я передал вам вот это. Вам это о чем-нибудь говорит?

Профессор взглянул на лист бумаги и широко улыбнулся.

— Ну конечно,— сказал он.— Как я мог забыть об этом! Это же совершенно очевидно, все факты были у меня, так сказать, под носом, и я ухитрился не заметить их. Насколько все это просто.

— Может быть, теперь вы снизойдете до объяснения? — нетерпеливо спросил его Барни.

— На этом чертеже представлены два путешествия во времени, причем интереснее всего малая дуга справа, потому что именно она объясняет, откуда взялся второй Барни Хендриксон с коробками отснятого фильма. Да, можно

все еще закончить и доставить готовый фильм до назначенного срока.

— Как? — спросил Барни, напряженно глядя на диаграмму, ровным счетом ничего не понимая.

— Теперь вы окончите съемки, и время, которое вам потребуется после назначенного срока, не имеет никакого значения. Когда картина будет завершена, вы будете находиться в точке Б этого чертежа. Точка А — это тот момент во времени, когда нужно представить готовый фильм. Вы просто возвращаетесь к моменту перед А, доставляете фильм и затем попадаете обратно в Б. До чего же потрясающе просто!

Барни стиснул пальцами лист бумаги.

— Поправьте меня, если я что-нибудь неправильно понял. Вы хотите сказать, что я могу окончить фильм после назначенного срока и затем вернуться вовремя перед этим сроком и доставить фильм?

— Совершенно верно.

— Мне это кажется безумием.

— Только глупцам разумное кажется безумным.

— Я предам забвению ваше замечание, если вы ответите мне на один вопрос. Этот лист бумаги с чертежом,— Барни потряс листом перед носом профессора,— кто на-чертил его?

— Откуда я могу знать, ведь я только что его увидел.

— Тогда подумайте вот над чем. Мне передали этот листок утром в понедельник перед входом в кабинет Л. М. Теперь я показываю его вам. Потом я собираюсь спрятать его в бумажник и носить с собой до тех пор, пока съемки фильма не будут завершены. Затем я перемещаюсь назад во времени для того, чтобы доставить картину Л. М. У дверей его кабинета я встречаю прежнего себя, достаю из бумажника чертеж и передаю его себе, чтобы он был положен в бумажник, и так далее. Вы видите в этом какой-нибудь смысл?

— Конечно. Мне кажется, нет никаких оснований для беспокойства.

— Ах, никаких оснований? Но ведь если все это так, значит, никто не делал чертежа! Он просто путешествует в моем бумажнике, и я передаю его самому себе. Ну-ка, объясните это! — закончил он, торжествуя.

— В этом нет никакой необходимости, объяснение кроется в самом чертеже. Этот лист бумаги представляет собой самостоятельное существующее временном кольцо. Никто не делал этого чертежа. Он существует потому, что существует, и это вполне достаточное объяснение. Если вы хотите понять, что к чему, позвольте проиллюстриро-

вать на примере. Вам известно, что у любой бумаги есть две стороны. Однако если вы возьмете полосу бумаги, повернете один ее конец на 180° и соедините концы, то перед вами окажется кольцо Мёбиуса — полоска только с одной стороной. Она существует. Сколько бы мы ни твердили, что это невозможно, ничего не изменится. Факт налицо. То же самое можно сказать о вашем чертеже — он существует.

— Но... откуда он взялся?

— Если вам так уж нужно это знать, то можно сказать, что он взялся из того самого места, куда делась пропавшая сторона кольца Мёбиуса.

В мозгу Барни мысли завязались в тугой узел и концы их свободно болтались. Он смотрел на чертеж до тех пор, пока у него не начали слезиться глаза. Кто-то ДОЛЖЕН БЫЛ сделать его. И каждый кусок бумаги ДОЛЖЕН иметь две стороны... Дрожащими пальцами он уложил чертеж в бумажник, спрятал его в карман и подумал, что, может быть, ему удастся забыть обо всем, что произошло.

— Мы готовы к прыжку во времени, как только будет дана команда, — сказал Даллас.

— К какому прыжку во времени? — спросил Барни и, моргая, уставился на стоявшего перед ним трюкача.

— Прыжку в следующую весну, 1006 года, о котором мы говорили полчаса назад. Продукты переданы Оттару, группа все упаковала и погрузила и готова сняться с места, как только последует команда. — И он указал на длинную цепочку грузовиков и трейлеров.

— Ах да, в следующую весну, ты прав. Скажи, Даллас, ты знаешь, что такое парадокс?

— Испанский цирюльник бреет всех мужчин в городе, которые не бреются сами. А кто же тогда бреет самого цирюльника?

— Примерно в этом духе, только еще похлеще.

Внезапно Барни вспомнил о забинтованной руке. Подняв к лицу свою правую верхнюю конечность, он внимательно осмотрел ее с обеих сторон.

— Что случилось с моей рукой?

— Мне кажется, она в полном порядке,— сказал Даллас.— Может, хлебнешь глоточек?

— Это не поможет. Я только что встретил самого себя с окровавленной повязкой на руке, и этот «я» не хотел даже сказать, как это произошло и серьезно ли это. Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно. Очевидно, тебе нужно приложиться разочака два.

— Независимо от того, что думаешь ты или твой кореш из каменного века, алкоголь не разрешает всех вопросов. Значит, я — уникальное явление в природе, ибо я — садомазохист. Все остальные, жалкие кретины, ограничиваются тем, что являются садистами по отношению к другим. А вот я получаю удовольствие от того, что являюсь садистом по отношению к себе самому. Ни один нервно-больной не может похвастаться подобным заявлением.— Он вздрогнул.— Пожалуй, мне стоит промочить горло каким-нибудь горячительным.

— Бутылка у меня с собой.

Горячительное оказалось рыночным сортом дешевого виски, на вкус напоминало муравьиную кислоту, и его струя настолько обожгла пищевод Барни, что заставила его забыть о временных парадоксах и собственных садомазохистских наклонностях.

— А ну-ка, Даллас, отправляйся и посмотри, ладно? — сказал он.— Прыгни в март 1006 года и узнай, появились

ли уже индейцы. Если Оттар скажет, что еще не появились, то прыгай на неделю вперед, и так до тех пор, пока не увидишь их, а тогда сообщи мне.

Барни отошел в сторону, платформа на неуловимое мгновение исчезла, затем снова опустилась на траву в нескольких футах поодаль. С нее спрыгнул Даллас и подошел к Барни, проведя ладонью по черной щетине бороды.

— Проф считает, что мы отсутствовали десять часов, — сказал Даллас. — Это значит, сверхурочные после...

— Ну ладно, ладно! Что вы узнали?

— Они возвели стену из бревен и получилось точь-в-точь как форт в картине про индейцев. В начале марта все было спокойно, но во время нашей последней остановки, двадцать первого, они заметили пару индейских лодок.

— Неплохо. Ну что же, давайте тронемся. Скажи профу, пусть принимается за переброску всей съемочной группы в двадцать второе марта. Все готовы? Все налицо?

— Бетти проверила списки и говорит, что все окей. Мы с Тексом устроили поголовную проверку, все здесь, сидят в трейлерах, кроме шоферов, конечно.

— Какая там погода?

— Солнечная, но прохладно.

— Сообщи об этом людям, пусть оденутся потеплее. Я не хочу, чтобы вся группа схватила насморк.

Барни пошел к своему трейлеру за пальто и перчатками. Когда он вернулся к головной машине, началась переброска. Он поднялся на платформу и оказался в 1006 году. Стояла великолепная северная весна. Слабый солнечный свет не мог справиться с холдом, и в низинах и на северной стороне бревенчатой стены в долине лежал снег. Поселение викингов теперь ничем не отличалось от

форта в одном из вестернов. Барни подал сигнал водителю пикапа, который только что приехал на машине времени.

— Подбрось-ка меня к ним, — попросил он.

— Следующая остановка форта Апашей, — сострил шофер.

Несколько викингов уже шли к холму, куда прибывали машины съемочной группы. Пикап проехал мимо них и остановился около узкого входа, где из стены было вытащено бревно и образовалась щель, в которую мог протиснуться человек. Когда пикап затормозил, из щели вылез Оттар.

— Придется сделать ворота в этом месте, — сказал ему Барни. — Большие двойные ворота с деревянным бруском внутри вместо засова.

— Никуда не годится, слишком широко, слишком легко пробраться внутрь. Вот как надо пролезать.

— Эх, не видел ты хороших фильмов...

Но Барни вдруг осекся при виде Слайти, которая прописнулась в щель вслед за Оттаром. Она была неподкрашена, одета в платье не первой свежести, на плечи ее была накинута шкура карибу. В руках Слайти держала ребенка.

— Что ты здесь делаешь? — раздраженно спросил Барни, чувствуя, что количество сюрпризов, выпавших на его долю за один день, было более чем достаточным.

— Я провела здесь некоторое время, — ответила Слайти и всунула собственный палец в рот младенца, а тот стал причмокивать.

— Послушай, ведь мы только что прибыли, откуда же взялся ребенок?

— И впрямь чудно! — начала она, хихикинув в подтверждение своих слов. — После того как мы прошлым летом приготовились к отъезду, я почувствовала себя в трей-

лере такой одинокой, что решила отправиться на прогулку. Знаешь ли, подышать свежим вечерним воздухом.

— Нет, не знаю и, кажется, не желаю знать. Ты хочешь сказать, что вместо того, чтобы вернуться со всей группой, ты провела весь год здесь?

— Именно это и произошло, я так удивилась. Я пошла на прогулку, встретила там Оттара, одно за другим, сам знаешь.

— На этот раз знаю.

— И не успела я понять, что случилось, как все уже исчезли. Я перепугалась. Сказать по совести, я плакала, наверно, несколько недель и забеременела, потому что у меня не было с собой противозачаточных пилюль.

— Значит, это твой? — спросил Барни, указывая на младенца.

— Да, правда симпатичный? Мы даже еще не придумали ему имени, но я его назову Снорри-Храпун, как того гнома в «Белоснежке», потому что во время сна он вечно храпит.

— Никакого гнома с именем Снорри не было, — сказал Барни, мгновенно оценив ситуацию. — Послушай, Слайти, теперь уже назад не поедешь, ничего не переменишь, я имею в виду ребелка и все остальное, и в конце концов ты сама виновата, что не осталась в трейлере.

— Что ты, я никого не виню, — сказала она. — Когда я попривыкла, все это оказалось не так уж плохо, да и Оттар все время говорил мне, что вы вернетесь следующей весной, и оказался прав. Единственное, чего мне хочется, так это поесть как следует. Здесь едят так, что боже упаси! Мне кажется, большую часть зимы я питалась исключительно виски и бисквитами.

— Сегодня вечером у нас будет большая вечеринка в честь тебя, Оттара и ребенка. Бифштексы и вино, полный комплект.

Снорри поднял рев.

— Сейчас же посажу Чарли Чанга за работу,— сказал Барни.— Мы включим ребенка в сценарий. Этот фильм будет полон сюрпризов.

Собственное замечание напомнило ему о раненой руке, он посмотрел на нее, еще раз подивился, где это могло случиться и при каких обстоятельствах, затем засунул ее глубоко в карман для большей безопасности.

XVII

Копье с каменным наконечником пробило насквозь борт моторной лодки и вонзилось в деревянистый настил на дне.

— Я так и оставил его здесь, чтобы не затыкать дыру,— объяснил Текс.— Еще несколько дротиков упало рядом с нами, но мы уже отплывали от берега.

— Они, наверно, были уж очень поражены или что-нибудь вроде этого,— сказал Барни.— Может быть, их пугал звук мотора.

— Мы подходили на веслах.

— Все равно, должна быть какая-то причина. Дорсетские индейцы — очень миролюбивое племя, вы сами могли в этом убедиться прошлый раз.

— Может быть, им не понравилось, что их родственников порубили на куски, когда они прибыли с миролюбивыми намерениями,— высказал предположение Даллас.— На этот раз мы не стремились к драке, а они с самого начала встретили нас копьями. Если бы мотор не завелся с первого раза, нам пришлось бы организовывать похороны на море, или попасть в котел к туземцам, или что-нибудь в том же духе. Мы с Тексом на обратном пути обсудили этот вопрос и решили, что должны получить за битву фронтовую прибавку...

— Отметьте это в своих табелях, и я постараюсь сделать что смогу, но сейчас не приставайте ко мне с такими глупостями.— Барни попытался выдернуть копье из лодки, но оно засело крепко.— У меня есть дела поважнее. Картину почти закончили, кроме совершенно необходимого и исключительно важного эпизода — битвы с индейцами. Мы должны снять эту битву, и, согласитесь, будет несколько затруднительно снимать битву с индейцами без индейцев. В нескольких милях от берега, на льду, находится две тысячи индейцев, я посылаю вас с товарами, подарками и бисером, чтобы вы могли нанять эти две тысячи, а что от вас получаю? Одни оправдания!

Доводы Барни не произвели сколько-нибудь заметного впечатления на трюкачей, и Даллас кивнул на копье. Вдруг воздух огласился медным воплем.

— Почему им надо завывать обязательно здесь? — рявкнул Барни.

— Насколько я помню, это ваше собственное распоряжение, — сказал ему Текс.— Насчет того, что берег — единственное место, где они не будут мешать людям своим дуеньем.

Одетая в черное процессия гуськом, под грохот барабана спустилась на берег. Впереди шел Спайдермэн. Музыканты держали в руках инструменты и складные стулья и были закутаны в экзотические шарфы, оленьи меха и шкуры карибу.

— Вытаскивайте лодку на берег и поплыте отсюда, — распорядился Барни.

— Я — за, — проворчал Даллас.— Их репетиции кого хочешь прикончат.

Спайдермэн, заметив Барни, затрусили к нему по песчаному берегу, прижимая к груди свою трубу. Его красный пос резко выделялся на болезненно-бледном лице.

— Барни, нам необходим зал для репетиций! — взмолился он.— Этот свежий воздух угробит нас как пить дать. Кое-кто из моих парней не вылезал из помещения по несколько лет.

— Ничего, пусть прочистят легкие.

— Им больше нравятся прокуренные.

— Ладно, попробую...

— Враг на горизонте! — крикнул Текс.— Взгляните-ка — отряд особого назначения!

Это было удивительное зрелище. Из-за островов в устье залива одна за другой входили лодки дорсетских индейцев, все больше и больше, пока вода не почернела от них. По мере того как лодки приближались, видно было, как над каждой лодкой что-то мелькает в воздухе, и слышалось нарастающее гудение.

— Не похоже на дружеский визит, — заметил Текс.

— Может быть, у них мирные намерения, — сказал Барни без малейшего энтузиазма.

— Хочешь пари? — презрительно предложил Даллас.

— Ну хорошо, тогда мы занимаем... как это называется... оборонительную позицию. Что вы предлагаете?

Текс ткнул пальцем в Далласа:

— Он старший, поэтому пусть отдает приказания.

— Хорошо! — рявкнул Даллас.— Убрать всех гражданских с берега, сообщить Оттару, чтобы он запер свой форт, а все киношники пусть отправляются в лагерь. Там мы выстраиваем автомашины кольцом, трейлеры — внутри и раздаем оружие всем мужчишам, которые были на военной службе. Затем сидим и ждем. Текс, загоняй гражданских в лагерь.

— Вроде неплохо, — согласился Барни.— Но вы, кажется, забыли, что мы приехали сюда для съемки фильма? Пусть Джино со своей камерой расположится на вершине вон того холма, с которого видно все происходящее.

И мне понадобится другой оператор с ручной камерой внутри форта, который мог бы снять нападающих индейцев, когда они приблизятся вплотную.— Он перебрал в уме всех возможных кандидатов на должность второго оператора и пришел к неизбежному, хотя и неприятному выводу, что он был единственным, кто мог с этим справиться.— Наверно, мне придется остаться там с Оттаром и его молодчиками.

— Если тебе так уж хочется,— сказал Даллас, задумчиво глядя, как музыканты повернулись и быстрым шагом двинулись обратно.— Джино со своей камерой расположится в кузове грузовика. Грузовик поставим на вершине холма, и в кабине будет наготове шофер. Поскольку грузовик окажется между берегом и лагерем, его будет прикрывать Текс с дробовиком, я поручаю ему командование. Если он скажет — отступать, грузовик отъедет в тыл. А я пойду с тобой в форт Оттара.

— Ну что ж, неплохо придумано. Пошли.

По мере того как все больше и больше лодок появлялось из-за островов, движение передних замедлялось, словно индейцы накапливали силы для атаки. Но так или иначе, а это дало возможность людям на берегу подготовиться к обороне. Когда в лагере претворили в жизнь указания Далласа, он и Барни вскочили в джип и затряслись по кочкам, держа курс на поселение викингов. Даллас вооружился револьвером, за плечом у него был пистолет-пулемет, на ремнях крест-накрест повесил гранаты, а на заднем сиденье джипа уложил какие-то зловещего вида металлические ящики. Как только джип въехал в форт, за ними закрылись огромные двустворчатые ворота и длинный деревянный засов опустился на место. Стоя на под-

мостках для стрельбы, Барни увидел, как на вершину холма задним ходом въехал грузовик.

— Отчего такой шум? — спросил Оттар.

— Не имею ни малейшего представления, — пожал плечами Барни. — Смотри, они наступают!

По заливу будто волна прокатилась — это лодки из кожи сомкнутым строем двинулись вперед.

Барни установил свою 35-миллиметровую камеру на верху бревенчатой стены и начал снимать наступающие широким фронтом лодки. В это мгновение облака разошлись и солнечные блики заиграли на лопастях бесчисленных весел и на летящих брызгах. Это была мрачная, впечатляющая картина. Черные лодки и одежды гребцов создавали впечатление армады тьмы. По мере того как лодки приближались, какой-то необычный, внушающий страх шум становился все сильнее и сильнее, и Барни прилип к камере и продолжал снимать, радуясь, что он так сильно занят. Он был уверен, что, если бы не работа, он обратился бы в паническое бегство.

— Я когда-то уже слышал такой шум, — сказал Даллас. — Что-то вроде свиста, только не такой громкий.

— Не припомнешь ли, где? — спросил Барни, поворачивая объективы на туррели, чтобы снять крупным планом одну из лодок первого ряда. Она была уже очень близко.

— Ну да, в Австралии. У них там есть туземцы, так называемые аборигены, и один из туземных шаманов вращал над головой жезл, привязанный за веревку, и от этого получался такой шум.

— А, конечно. Многие примитивные племена используют подобный бич. Считается, что он обладает волшебными свойствами. Теперь я начинаю понимать, почему при этом получается такой звук. Очевидно, в каждой лодке есть специальный индеец, который вращает бич над головой.

— Мое волшебство одержит верх над их волшебством,— сказал Оттар, взмахивая топором.

— Не напрашивайся на неприятности,— предупредил Барни.— Мы должны, если это только возможно, избежать кровопролития.

— Что?! — воскликнул потрясенный Оттар. Дух викинга взыграл в нем.— Они хотят воевать — пожалуйста. У нас нет трусов.

Он свирепо уставился в лицо Барни, ожидая ответа.

— Они высаживаются,— сказал Даллас, вставая между двумя мужчинами.

Теперь все сомнения относительно враждебных целей визита исчезли. Как только лодка касалась берега, гребцы вытаскивали ее на песок и брали из нее копья, луки и мягкие колчаны, наполненные короткими стрелами с каменными наконечниками. Барни сконцентрировал все внимание на крупноплашовых съемках. Джино, стоявший на холме, должен был заснять всю панораму и все вооружение в деталях.

— Оттар,— сказал Даллас,— прикажи своим людям укрыться и не высывать головы.

Оттар что-то проговорчал, но отдал соответствующее распоряжение. Викингам было нелегко примириться с необходимостью обороны, но даже викинги не были самоубийцами. Количество атакующих превышало количество оброняющих форт по крайней мере в двадцать раз, и драчливым норвежцам приходилось принимать в расчет такое превосходство.

Над головой просвистели первые стрелы, и дротик вткнулся в стену прямо под камерой Барни. Он быстро присел и просунул объектив в щель между бревнами. Это значительно сузило его поле зрения, однако было несравненно полезнее для здоровья.

— Оружие трусов,— пробормотал Оттар.— Трусливые собаки. Разве так сражаются?!

Со злости он грохнул топором о щит. Викинги презирали лук и стрелы и верили только в рукопашную схватку, которая наводила ужас на противников.

Когда все лодки достигли берега и были разгружены, боевые действия зашли в тупик. Дорсетские индейцы окружили бревенчатую стену, пытаясь проникнуть внутрь. Некоторые из них пробовали карабкаться на стены, однако смертоносные топоры викингов, молниепосно отсекавшие головы и руки, охладили их пыл. Нападающие размахивали оружием и кричали тонкими пронзительными голосами, которые заглушал свист рассекающих воздух бичей. За спинами воинов, в тылу, стояла маленькая группа индейцев. Даллас указал на нее.

— Кажется, это вожди или кто-то вроде этого. Одеты по-другому, в меховые куртки с лисьими хвостами.

— Они больше смахивают на шаманов,— отозвался Барни.— Интересно, что они замышляют?

Индейцы развили бурную деятельность, похоже было, что они выполняли указания людей в меховых одеждах. По их требованию воины бежали к ближайшему лесу и возвращались, нагруженные сучьями.

— Неужели они хотят проломить стену? — спросил Барни.

— Наверно, еще хуже,— задумчиво ответил Даллас.— Скажи, эти дорсетские парни знакомы с огнем?

— Должно быть. Йенс говорил мне, что в развалинах их домов были найдены очаги и зола.

— Именно этого я и боялся,— мрачно заметил Даллас и указал на основание стены, где уже возвышалась гора сухих веток и сучьев.

Все копья, мечи и топоры викингов оказались совершенно бесполезными; гора продолжала расти. Еще через минуту из группы вождей в тылу вырвался человек и побежал через кричащую толпу воинов с горящим факелом в руке. Копья, бросаемые викингами, градом сыпались вокруг него, но, приблизившись к горе из сучьев, он размахнулся и швырнул факел. Описав в воздухе огненную дугу, пылающий факел упал на вершину сушки, тот затрещал и вспыхнул.

— Я могу положить конец этому прямо сейчас, — сказал Даллас, наклоняясь, чтобы открыть стальные ящики, стоявшие перед ним.

— Нет, — сказал Оттар, опустив руку ему на плечо. — Они хотят драться — пожалуйста. Мы сами справимся с костром.

— Может быть, но при этом вас всех прикончат.

— Ну что ж, мы тоже кое-кого прикончим, — сказал Оттар, со зловещей улыбкой спрыгнув с подмостков. — Кроме того, Барни нужны хорошие кадры битвы с индейцами.

Барни заколебался, однако он не мог не обратить внимания на спокойный, невозмутимый взгляд Далласа.

— Конечно, мне нужна картина, — выпалил он. — Но не ценой жизни людей. Пусть Даллас прекратит все это.

— Нет, — твердо сказал Оттар. — У тебя будет хорошая битва для твоего фильма. — Он громко рассмеялся. — Не будь таким грустным, мой старый друг, мы сразимся и за себя тоже. Скоро вы уедете, и, когда мы останемся здесь одни, нам хочется, чтобы эти варвары уже знали, что такое викинги в бою.

В следующее мгновение он исчез.

— Он прав, — заметил Даллас. — Но если дела у них пойдут плохо, мы должны быть готовы прийти на помощь. — Он открыл самый большой ящик и достал оттуда

громкоговоритель и моток изоляционного провода.— Я хочу установить эту штуку вдоль стены, как можно дальше отсюда, насколько хватит провода.

— Что это?

— Громкоговоритель для кердлерной установки. Посмотрим, как будут чувствовать себя индейцы, когда услышат этот рев.

Оттар собрал всех своих воинов перед воротами, доверив охрану стен женщиным и подросткам. Двое женщин стояли у ворот, готовые распахнуть их по сигналу Оттара, и Барни, потрясенный, увидел, что одной из этих женщин была Слайти. А он-то думал, что Слайти находится в безопасности, в лагере! Он крикнул, чтобы она вернулась, в то самое мгновение, когда Оттар поднял над головой топор, и его слова потонули в реве сотни глоток викингов. Ворота широко распахнулись, и из них вырвался отряд норвежских воинов. Женщины поспешили заперли ворота на засов.

Это была схватка, которую викинги больше всего любили и которой больше всего цалялись. Ревущей компактной массой они рванулись вперед и врезались в ряды дорсетских индейцев. Огромное численное превосходство индейцев сейчас не имело значения, потому что они не могли сражаться с этими северными мясниками, защищеными щитами и металлическими шлемами. Действительно, схватка походила на бойню — короткие мечи и боевые топоры викингов разили индейцев направо и налево.

Дорсетские воины повернулись и обратились в бегство: им больше ничего не оставалось. Они бежали под неумолимым натиском залитых кровью убийц. Однако когда противники разделились на две группы, между ними обра-

зовалось свободное пространство, и характер битвы изменился. Дротики полетели в толпу викингов, и стрелы градом посыпались на их щиты. Вот упал один северянин — копье прошибло ему ногу, — за ним другой. Индейцы начали понимать, что происходит, и держались на расстоянии, осыпая викингов дождем дротиков и стрел. Викинги не могли приблизиться к противнику, а они умели драться только лицом к лицу. Было ясно, что через несколько мгновений положение северных воинов станет безнадежным. Они будут окружены и перебиты один за другим.

— Если ты можешь что-то сделать, — сказал Барни, — то сейчас самое время, Даллас.

— Ясно. У меня только одна пара затычек для ушей, так что я бы на твоем месте заткнул уши пальцами.

Барни открыл рот, чтобы ответить, но в это мгновение Даллас повернул выключатель, и его голос и все остальные звуки были моментально поглощены совершенно невообразимым, убийственным ревом, который внезапно вырвался из громкоговорителей. Барни инстинктивно заткнул уши и прижал ладони к голове. Даллас, удовлетворенно кивнув, извлек из второго ящика дымовые гранаты и гранаты со слезоточивым газом и начал с профессиональной меткостью бросать их в индейцев.

По-прежнему крепко прижимая ладони к ушам, с лицом, искаженным болезненной гримасой, Барни поднял голову и посмотрел вниз. За несколько секунд положение на поле боя резко изменилось. Кердлер и гранаты были так же незнакомы викингам, как и индейцам, однако викинги при этом тотчас же собрались в еще более тесную группу и ощетинились мечами и копьями для круговой

обороны. Реакция дорсетских индейцев была совершенно иной. Ими овладела паника. Ужасающий рев разрывал им барабанные перепонки. Столбы удушающего дыма вырастали вокруг них, они ничего не видели и не могли дышать. Забыв обо всем, они обратились в паническое бегство. Всего минуту назад они были атакующей армией. Теперь же берег был усыпан сотнями бегущих фигур и темными точками трупов, лежащих здесь и там. Все было кончено. Отталкивая друг друга, индейцы прыгали в лодки. Только несколько отставших индейцев бродили среди облаков слезоточивых газов на берегу.

Воины Оттара стояли плечом к плечу, готовые сразиться с любым врагом, будь то люди или сверхъестественные силы. Даже те, кого ослепили бомбы со слезоточивым газом, были готовы к бою, как и их товарищи. Храбрые викинги представляли поистине впечатльное зрелище.

Когда Даллас выключил кердлер, тишина, казалось, запульсировала. Уши Барни онемели, все еще наполненные невероятным, убийственным ревом. Он медленно уронил руки и выпрямился. Дорсетские индейцы побеждены и обращены в бегство, в этом не было сомнения. Викинги опустили щиты и с победными криками размахивали оружием. Голос Далласа, стоявшего рядом, доносился откуда-то издалека, как будто сквозь несколько слоев ваты. Даллас пальцем указывал на грузовик, все еще стоявший на вершине холма.

— Они даже не подумали напасть на грузовик или на лагерь, так что Джино, наверно, крутил свою машину не переставая.— Затем взгляд Далласа упал на ликующих северян, которые оттаскивали горящий сушняк от стены.— Ну, вот тебе и битва с индейцами, вот тебе и твой фильм.

Барни отвернулся от убитых и раненых и начал спускаться с холма.

— Вот закат, которого мы ждали, Барни, — сказал Чарли Чанг. — Только взгляни на эти краски!

— Тогда снимаем, — сказал Барни, глядя на своих людей, собравшихся на склоне холма. — Ты готов, Джино?

— Еще минутки две-три, — попросил оператор, глядя в видоискатель съемочной камеры. — Как только облака немного отнесет в сторону и я смогу снимать прямо на солнце.

— Окей, — сказал Барни и повернулся к Оттару и Слайти, одетым в лучшие костюмы викингов. На щеке Оттара был резиновый шрам и виски покрашены в седой цвет. — Итак, это последняя сцена фильма, самая последняя сцена. Я все время ждал, чтобы появились необходимые краски. Все остальное уже готово и уложено в коробки. Эта сцена будет показана в таком порядке: первый эпизод, второй, третий, но мы будем снимать ее иначе: первый, третий и второй. В самом конце ваши силуэты должны быть видны на багровом фоне заката. В первом эпизоде вы поднимаетесь по склону холма, медленно, рука об руку, и останавливаетесь на вершине в том месте, где прочерчена линия. Вы стоите на вершине холма и смотрите в море до тех пор, пока я не крикну: «Дальше!» Тогда Слайти кладет руку на плечо Оттара. Это конец первого эпизода. Затем Оттар обнимает Слайти за талию и держит руку на талии, пока мы не отступим назад и не снимем ваши фигуры вдалеке на фоне заката. Понятно?

Оба кивнули.

— Готово, — крикнул Джино.

— Одну секундочку. Когда я крикну «стоп», вы оставьтесь на холме, мы подкатываем камеру и снимаем следующий эпизод, который весь состоит из разговора. Тоже понятно?

Все прошло без сучка без задоринки. К тому времени Оттар стал почти профессионалом — по крайней мере он выполнял указания Барни без пререканий. Они рука об руку поднялись на вершину холма и остановились, глядя на закат. По склону холма были проложены доски, чтобы камера двигалась медленно и плавно, и рабочие, подговариваемые криками Барни, осторожно откатили камеру от вершины холма, так чтобы фигуры влюбленных постепенно исчезали на багровом фоне.

— Стоп! — крикнул Барни, когда тележка с камерой уперлась в конец дорожки. — Главным героям оставаться на месте. Снимаем дальше, пока еще не стемнело.

Все забегали туда-сюда, но без суеты, каждый знал свое дело. Камеру перекатили обратно к вершине холма, где звукооператоры уже устанавливали магнитофон и микрофоны. Слайти, нахмурившись, зубрила свои реплики, а девушка из сценарного отдела читала Оттару его слова. Солнце уже почти касалось поверхности моря, и небо окрасилось ярким пламенем.

— Готово, — сказал Джинио.

— Камера! — скомандовал Барни, — и чтобы никто не произнес ни звука, ни единого звука.

— Вон там, — сказал Оттар, протягивая руку вперед, — там, за океаном, наш дом. Ты не скучаешь по нему, Гудрид?

— Долго я скучала по нему, но больше не думаю об этом. Мы боролись и умирали за эту землю, и теперь она наша. Винланд... этот новый мир, он стал нашим домом.

— Стоп. Отлично, начинайте печатать. По-моему, на этом мы кончили.

Все восторженно закричали, Слайти поцеловала Барни, а Оттар стиснул его руку своей лапой. Это был волнующий момент, потому что картина была в основном кончена, оставалось только проявить, отпечатать и смонтировать за-

ключительные сцены — и фильм будет готов. Вечеринка, намеченная на тот же день, обещала стать настоящим большим праздником.

Так оно и случилось. Даже погода пошла им навстречу и позволила, не включая электронагревателей, поднять одну из брезентовых стен столовой. На столе были индейка и шампанское, четыре сорта десерта и неограниченное количество алкогольных напитков. Все члены съемочной группы, большая часть викингов и несколько норвежских женщин приняли участие в празднике. Да, это была веселая вечеринка.

— Я не хочу уезжать, — рыдала Слайти, роняя слезы в шампанское.

Барни успокаивающе похлопал ее по свободной руке, а Оттар с чувством стиснул ей бедро.

— По сути дела ты никуда не уезжаешь и не оставляешь своего ребенка, — в сотый раз объяснял Барни. Он сам удивлялся собственному терпению, но в этот вечер все было необычно. — Ты знаешь, что Кирстен сойдет с ума, если ты будешь отствовать даже короткое время, но в этом нет необходимости. Кроме того, согласись, что появление ребенка в Калифорнии, когда на прошлой неделе ты даже не была беременна, будет трудно объяснить. Особенно во время рекламной кампании, которая будет организована для фильма. Таким образом, все, что от тебя требуется, — это подождать до выхода фильма на экраны. К этому времени ты решишь, что делать со своим ребенком. Не забудь, что в Калифорнии ты даже не замужем, а у них для таких ситуаций особо строгие законы. Как только ты решишь вернуться, профессор обещал доставить тебя обратно. После твого отъезда пройдет не больше минуты. Что может быть проще?

— Пройдет много месяцев,— рыдала Слэйти, и Барни начал было объяснять ей все в сто первый раз, когда Чарли Чанг тронул его за руку и передал еще один коктейль.

— Я только что беседовал с профом о природе времени,— сказал Чарли.

— Не желаю говорить о природе времени,— сказал ему Барни.— После всего, что случилось за последние две недели, я бы с радостью согласился совсем забыть о времени.

Для всех них это было нелегко. Немногим более четырех дней прошло в Калифорнии — по часам на контрольной панели времеатрона сейчас там был вечер четверга — и это были действительно трудные дни.

Все это время они мотались туда-сюда из одиннадцатого века в двадцатый, монтируя фильм и производя его озвучивание в лабораториях студии. Спайдермэн со своими ребятами записывал музыкальное сопровождение в одном из павильонов. То и дело приходилось перепрыгивать позад в прошлое на один-два дня, чтобы использовать студийное оборудование чуть не все двадцать четыре часа в сутки, и не раз случалось, что одни и те же люди пересекали собственные временные траектории. Барни, сколько ни старался, никак не мог забыть трех профессоров Хьюиттов, оживленно беседующих друг с другом. Он отхлебнул из стакана.

— Нет, ты послушай,— настаивал Чарли Чанг.— Я знаю, что все мы немного чокнутые оттого, что нам то и дело приходится пожимать руки самим себе, но я не это имею в виду. Я хочу спросить, почему мы снимаем фильм именно в этом месте Лабрадора?

— Потому что именно сюда нас доставил профессор.

— Совершенно верно. А почему профессор доставил нас именно сюда?

— Потому что это одно из тех мест, которые они с Йенсом осматривали в поисках поселений,— медленно от-

ветил Барни. Сегодня вечером его терпение было поистине безгранично.

— Тоже верно. А теперь скажи, ты когда-нибудь задумывался над тем, почему Йенсу пришло в голову искать следы поселений именно здесь? Ну-ка, ответьте ему, профессор!

Хьюитт поставил на стол свой стакан и промокнул губы салфеткой.

— Мы решили осмотреть это место из-за раскопок, которые в начале 60-х годов проводил в этом месте Хельге Ингстад. Он обнаружил остатки девяти строений, и радиоактивный анализ древесного угля показал, что поселение существовало в самом начале одиннадцатого века, примерно в 1000 году.

— Теперь ты понимаешь, что это значит? — спросил Чарли.

— Объясни мне, — рассеянно ответил Барни, мурлыча про себя песенку «Викинги всегда идут вперед» — музыкальную шапку фильма, которую Спайдермэн наигрывал где-то за их спинами.

— Сейчас 1006 год, — сказал Чарли. — И в поселении Оттара построено девять зданий, причем два из них — всего лишь бревенчатые коробки, мы их сожгли для съемки фильма. Итак, здесь, в Эннавесском заливе, находится поселение норвежцев одиннадцатого столетия, потому что следы этого поселения были обнаружены в двадцатом веке. Таким образом, можно сказать, что во времени существует кольцо без начала и без конца. Мы прибыли сюда, чтобы оставить следы, находка которых заставит нас прибыть сюда, чтобы оставить следы, находка которых...

— Достаточно, — сказал Барни, поднимая руку. — Я уже слышал об этих кольцах времени. Через минуту ты будешь говорить мне, что все старые норвежские саги о викингах — сущая правда именно благодаря нашему

фильму или что Оттар не кто иной, как Торфинн Карлсефни, викинг, который основал первое норвежское поселение в Винланде.

— Конечно, — раздался голос Оттара. — Это я и есть.

— Что ты хочешь этим сказать? — быстро мигая, спросил Барни.

— Я и есть Торфинн Карлсефни, сын Торда Лошадиная Голова, сына Торхильда Рупа, дочери Торда...

— Тебя зовут Оттар.

— Конечно, Оттар — имя, так меня зовут люди, короткое имя. Но мое настоящее имя — Торфинн Карлсефни, сын Торда...

— Я припоминаю некоторые саги о Карлсефни, — сказал Чарли. — Когда я работал над сценарием, мне пришлось перечитать целую гору материалов. В одной из саг сказано, что он прибыл в Винланд, по дороге остановившись в Исландии, и женился на девушке по имени... Гудрид.

— Но ведь так зовут Слайти в нашей картине! — с трудом выговорил Барни.

— Подождите, это еще не все, — продолжал Чарли глухим голосом. — Я вспоминаю, что у Гудрид в Винланде родился ребенок, которого они называли Снорри.

— Снорри, — прошептал Барни и почувствовал, как у него волосы встают дыбом. — Один из семи гномов «Белоснежки»...

— Я не понимаю, почему все вы так обеспокоены случившимся, — заметил профессор Хьюитт. — Вот уже несколько недель нам известно о существовании временных колец. То, что мы сейчас обсуждаем, это уже детали, речь идет всего лишь об одном таком кольце.

— Но что же это означает, профессор, что все это означает? — воскликнул Барни. — Если это именно так, значит,

единственная причина, по которой викинги решили поселиться в Винланде, заключается в том, что мы решили снять фильм, показывающий, как викинги поселились в Винланде.

— Ну что ж, эта причина не хуже любой другой,— спокойно заметил профессор.

— Пожалуй, только к этому нужно привыкнуть,— пробормотал Барни.

Потом все говорили, что вечеринка надолго запомнится, и она продолжалась всю ночь до самого рассвета, так что на следующий день удалось сделать очень немногое. Однако напряжение заметно упало, и уже не было необходимости в том, чтобы работали все до одного. Люди разбились на маленькие группы и двинулись кто куда. Некоторые решили отдохнуть на Санта-Каталине, хотя большая часть людей хотела поскорее отправиться домой. Они исчезли, радостно размахивая над головой табелями рабочего времени, и в бухгалтерии «Клаймэктик студиоз» свет горел всю ночь.

Когда фильм был полностью окончен и была сделана копия, которую Барни аккуратно уложил в металлические коробки, в лагере оставалась всего лишь горстка людей — в основном шоферы, которые должны были транспортировать машины в двадцатое столетие.

— Боясь, что нам нескоро удастся подышать таким же свежим воздухом,— сказал Даллас, глядя с холма на поселение викингов на берегу залива.

— Пожалуй, я буду скучать о чем-то гораздо большем,— ответил Барни.— Только теперь начинаю понимать, что все это время я ни о чем, кроме картины, не думал, а сейчас, когда она готова, у меня такое чувство, что произошло что-то намного более значительное, чем нам представлялось раньше, ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю. Но не забудь, что наши парни увидели Париж только потому, что правительство послало их воевать с немцами. Что происходит, то происходит; вот и все.

— Наверно, ты прав,— заметил Барни.— Только не говори об этом вслух. Уж слишком это похоже на профессорские временные кольца.

— Что случилось с твоей рукой? — внезапно спросил Даллас.

— Похоже на занозу,— ответил Барни.

— Я попрошу медсестру ее выдернуть, пока она еще не закрыла свою лавочку.

— Ладно, только пусть поторопится, через десять минут трогаемся.

Медсестра с шумом распахнула дверь трейлера и подозрительно огляделась.

— Извините, но все уже заперто.

— Вы меня тоже извините,— твердо сказал Барни,— но придется отпереть. Необходима срочная медицинская помощь.

Взглянув на руку, сестра презрительно фыркнула, однако открыла медицинский шкафчик.

— Никак не могу подцепить занозу пинцетом,— сказала она наконец со скрытым злорадством в голосе,— поэтому придется немного разрезать скальпелем.

Операция заняла всего минуту, и Барни, который думал о более важных вещах, даже не почувствовал боли, пока сестра не помазала крошечную ранку йодом.

— Ой,— сказал он.

— Ну-ну, мистер Хендриксон, такая безделица не может причинить боль, во всяком случае не такому большому мужчине, как вы.— Она открыла дверцу второго шкафчика.— К сожалению, все пакеты первой помощи кончились, поэтому мне придется временно перевязать руку простым бинтом.

Она быстро обмотала ладонь двумя слоями бинта, и Барни вдруг рассмеялся, вспомнив что-то.

— Заноза! — сказал он и, посмотрев вниз, впервые заметил, что на нем были его лучшие брюки из рогожки и кожаная куртка. — Готов поспорить, что у вас в шкафчике есть меркурохром, я просто убежден в этом.

— Какие странные вещи вы говорите! Конечно, есть.

— Тогда намотайте побольше этого бинта, чтобы повязка выглядела огромной. Я покажу ему, что садистский...

— Что? Кому ему?

— Мне, вот кому. Вот как я обращался с самим собой, и теперь я собираюсь отплатить себе. Подумать только, что я осмелился так обращаться с собой!

Сестра замолчала и проворно обмотала руку Барни бинтом, сделав нечто вроде культи, как он и просил. Даже когда Барни схватил пузырек с меркурохромом и щедро полил повязку красной жидкостью, которая закапала чисто вымытый пол, она не произнесла ни единого слова. Когда Барни спустился по лесенке, что-то радостно бормоча себе под нос, за его спиной щелкнул замок.

— Ты ранен? — спросил Оттар.

— Не совсем, — сказал Барни и протянул левую руку, которую Оттар тотчас же стиснул. — Ну, не волнуйся и берегись индейцев.

— Я не боюсь их! Мы наготовили много твердой древесины, наживем целое состояние в Исландии. Ты пришлешь Гудрид обратно?

— По-местному времени и двух минут не пройдет, но что будет потом, пусть она сама решает. Ну, пока, Оттар.

— До свиданья, Барни. Приезжай снимать новый фильм и плати «Джеком Даниэльсом».

— Может быть, я так и сделаю.

Это был последний прыжок во времени. Платформа стояла на площадке с вытоптанной травой и многочислен-

ными следами автомобильных шин. Коробки с фильмом лежали в пикапе, единственной машине, которая оставалась на платформе. Даллас сидел за рулем, рядом с ним сгорбилась Слайти с заплаканными глазами и в мятом платье.

— Поехали! — крикнул Барни профессору Хьюитту и в последний раз вдохнул полной грудью свежий морской воздух.

Профессор перебросил всю группу вместе с грузовиками и трейлерами в пятницу, и только Барни с коробками фильма прибыл в понедельник на этой же неделе.

— Дайте мне побольше времени, профессор, — попросил Барни. — Мне нужно быть в кабинете Л. М. в десять тридцать.

Сразу же после прибытия он позвонил и подождал в павильоне посыльного с тележкой. Когда они погрузили фильм на тележку, было уже двадцать минут одиннадцатого.

— Кати теперь к кабинету Л. М., — распорядился Барни. — Я пойду вперед с коробкой номер один.

Он быстро зашагал по коридору и, обогнув угол, увидел знакомую фигуру, уныло, как побитая собака, поднимавшуюся по ступенькам. Барни злорадно усмехнулся, проследовав за самим собой через вестибюль до дверей кабинета Л. М., но тот Барни ни разу не повернул головы. Барни подождал, когда тот толкнет дверь, затем протянул руку через его плечо и отдернул его руку.

— Не входи туда, — сказал он.

— Да как вы осмелились! — крикнул ранний Барни, повернулся, взглянул ему в лицо и отшатнулся, выпучив глаза и дрожа всем телом, словно плохонький актер в третьесортном фильме ужасов.

— Великолепно, какая игра! — воскликнул Барни. —

Может, тебе, вместо того чтобы ставить фильмы, стоило играть в них, а?

— Ты... Я... — по-идиотски забормотал тот в ответ.

— Ты очень наблюдателен, — сказал Барни. И тут он вспомнил про чертеж. Как бы хорошо избавиться от него. — Подержи-ка одну секунду, — сказал он, сунув коробку с фильмом в руки своего двойника. Он не мог достать бумажник из кармана забинтованной рукой, поэтому ему пришлось пустить в ход левую руку. Второй Барни держал коробку и только бормотал что-то себе под нос, пока Барни не сунул ему в руку чертеж и не забрал коробку с фильмом.

— Что случилось с моей рукой... твоей рукой? — в ужасе спросил второй Барни.

«Пожалуй, ему надо сказать», — подумал Барни, но тут он увидел посыльного с тележкой и распахнул дверь.

— Передай это профу, — сказал Барни, пропуская посыльного, и не смог удержаться от того, чтобы не уколоть в последний раз: — И перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он прошел вслед за посыльным не оглядываясь, и дверь за его спиной захлопнулась. Барни не сомневался, что дверь не откроется, и наслаждался тем, что впервые в жизни был в чем-то абсолютно уверен. Эта уверенность помогла ему пройти мимо мисс Заккер, которая пыталась сказать ему что-то о представителях банка; Барни только отмахнулся от нее и открыл дверь в святилище, пропуская посыльного с нагруженной тележкой. Сидевший за своим письменным столом бледный Л. М. взглянул на него, и шесть седовласых людей с непроницаемыми лицами тоже взглянули в сторону двери, чтобы увидеть того, кто осмелился прервать их разговор.

— Прошу извинить меня за опоздание, джентльмены, — сказал Барни спокойным, уверенным голосом. — Но

я убежден, что мистер Гринспэн вам уже все объяснил. Мы были за рубежом и только что прибыли обратно с копией фильма, о которой говорил вам мистер Гринспэн. Здесь миллионы, господа, эта картина открывает новую эру в кинематографическом искусстве и обещает невиданные прибыли для «Клаймэнкстудиоз».

Посыльный остановился, коробки с фильмом звякнули, и Сэм, сидевший где-то в самом темном углу кабинета, испустил едва слышный вздох.

XIX

— Надеюсь, вы извините меня, если я не буду вставать,— сказал Йенс Лин.— Доктор очень строго относится к послеобеденному отдыху.

— Конечно, конечно,— заверил его Барни.— Рана все еще болит?

Йенс лежал в шезлонге в саду своего дома и выглядел намного худее и бледнее, чем во время их последней встречи.

— Не очень,— ответил Йенс.— Она уже заживает. Я могу двигаться; я даже вчера был на премьере. И вынужден признать, что фильм во многих отношениях мне нравится.

— Тебе следовало быть репортером. Один из критиков обвинил нас в попытке снять натуралистический фильм, в попытке, которая потерпела полную неудачу. Он заявил, что статисты в фильме совершенно очевидно взяты из Голливуда и что ему удалось узнать некоторые места калифорнийского побережья, где якобы производились съемки фильма.

— Ну что ж, я понимаю его. Хотя я сам присутствовал при съемках фильма, но, сидя в зрительном зале, я испытывал какое-то чувство нереальности. Наверно, мы

так привыкли к чудесам в кино и к тому, что действие фильма происходит в самом необычном месте, что нам все фильмы кажутся нереальными. Но слушай, если критики относятся к фильму отрицательно, значит, он потерпел неудачу?

— Ни в коем случае! Критики всегда выступают против фильмов, которые делают большие кассовые сборы. Мы уже получили в десять раз больше, чем затратили, а деньги все еще текут рекой. Эксперимент оказался на редкость успешным, и сегодня у нас на заседании обсуждаются съемки следующей картины. Мне просто захотелось павестить тебя и... ты знаешь... я надеюсь, что ты не...

— Нет, я не сержусь на тебя, Барни. Все это уже прошло. Это я должен извиниться перед тобой за то, что вспылил. Сейчас я вижу все совершенно в другом свете.

Барни расплылся в улыбке.

— Это для меня самая лучшая новость. Должен признаться, Йенс, я чувствовал себя виноватым. Я даже принес с собой дары мира, хотя, собственно говоря, эту штуку раздобыл Даллас, он попросил меня передать ее тебе.

— Боже мой,— сказал Йенс, заглядывая в небольшой пакет и извлекая оттуда зазубренный продолговатый кусок дерева.

— Этую штуку дорсетские индейцы укрепляют на концах бичей. Когда они напали на лагерь Оттара, они крутили их над головами.

— Ну конечно, вот что это такое.— Йенс взял со стола толстый том.— Очень любезно с твоей стороны подумать обо мне. Когда увидишь Далласа, передай ему мое спасибо. У меня тут уже побывало несколько человек из нашей съемочной группы, и они рассказали о событиях, произошедших после моего отъезда. Кроме того, я немало прочел об этом.

Йенс указал на книгу, и Барни вопросительно поднял брови.

— Это исландские саги на старонорвежском языке — именно на этом языке они были написаны. Конечно, почти все саги — лишь устные предания, которые двести лет передавались из поколения в поколение, прежде чем были записаны, однако их точность просто удивительна. Я прочитаю тебе отрывок из саги Торфинна Карлсевни и рассказ о гренландцах. Вот: «К концу этого времени было обнаружено множество варваров с юга, затопивших все подобно реке... они вертели в руках шесты, издавая громкие крики». Шесты, о которых здесь говорится, и были бичами с такими, как эта, штуками на концах.

— Ты хочешь сказать, что Оттар... Торфинн... и все, что действительно случилось с ним, записано в этих сагах?

— Именно все. Конечно, некоторые места опущены и чуть-чуть искажены, но ведь двести лет, пока саги передавались из уст в уста, — долгий срок. Зато путешествие, строительство поселения, нападение индейцев, даже мороженое и бык, напугавший индейцев во время их первого визита, — все это здесь есть.

— А там говорится... что с ним случилось потом?

— Из того, что там написано, ясно, что Оттар вернулся в Исландию или рассказал историю своих приключений другим норвежцам, которые побывали в Винланде. Насчет его дальнейшей жизни существуют различные версии, но все источники сходятся на том, что он стал богатым человеком и прожил долгую счастливую жизнь.

— Я рад за Оттара, он это заслужил. Скажи, а там говорится, вернулась ли к нему Слайти?

— Гудрид норвежских саг? Ну конечно. Я читал заметку об этом в одной из газет.

— Да, несомненно, ее написал не рекламный агент Слайти. Она-де бросает кинематографию ради человека,

которого любит, и самого лучшего ребенка в мире и удаляется с ними на ранчо, где водопроводная система не самого современного образца, но тем не менее все очень мило и где совершенно восхитительный чистый воздух.

— Совершенно верно.

— Бедная Слайти. Интересно, имеет ли она представление, в каком месте — или в каком времени — находится это ранчо?

Йенс улыбнулся.

— Ты думаешь, это хоть сколько-нибудь важно?

— Пожалуй, ты прав.

Йенс извлек из книги фотокопию газетной статьи.

— Я сберег это для тебя, надеясь, что ты зайдешь. На нее наткнулся один из моих студентов и решил, что это по-забавит меня. Статья, появившаяся в «Нью-Йорк таймс», по-моему, в 1935 году.

«Заседание прервано в результате скандала», — прочитал Барни. — «Заседание конгресса Археологического общества было прервано; два делегата подрались в вестибюле... угрозы судебного иска за клевету... заявил, что доктор Перкинс пытался ввести в заблуждение научный мир, показав собравшимся осколок стеклянной бутылки, который он якобы нашел при раскопках поселения викингов в Ньюфаундленде. Было объявлено, что это обман, потому что такого рода стеклянный сосуд никогда не встречался в северных культурах, для них он слишком хорош и, более того, очень напоминает сосуд, используемый для разлива широко известного сорта американского виски...»

Барни улыбнулся и отдал фотокопию.

— Похоже, что Оттару было нелегко избавиться от пустой посуды... — Он поднялся со стула. — Мне неудобно вот так убегать, но я опаздываю на совещание.

— И еще одна деталь. В сагах то и дело упоминается имя человека, который имел, по-видимому, огромное влия-

ние на развитие норвежских поселений в Винланде. Он действующее лицо каждой саги, он принимал участие в одном или нескольких путешествиях и даже продал Торфинну корабль, на котором тот совершил путешествие в Винланд.

— Ну да, это, должно быть... как его там... Торвальд Эрикссон — тот парень, у которого Оттар купил корабль.

— Нет, у него другое имя. Его зовут Бьярни Херлофсон.

— Все это очень интересно, Йенс, но мне действительно нужно бежать.

Барни уже вышел на улицу, когда вдруг до его сознания дошло, что после двухсот лет устных рассказов имя Барни Хендрикссон может звучать именно так.

— Они даже меня туда всунули! — охнул он.

— Проходите, мистер Хендрикссон, — сказала мисс Заккер и даже слегка улыбнулась. Она была идеальным барометром, и Барни знал, что его акции в «Клаймэктик» находятся на небывалой высоте.

— Мы вас ждем, — сказал Л. М., когда Барни вошел в кабинет. — Сигару?

Барни положил предложенную сигару в нагрудный карман и кивнул сидящим вокруг стола.

— Ну как, нравится? — спросил Л. М., тыча в голову тигра на стене. — Остальное у меня дома, делают чучело.

— Великолепно, — сказал Барни. — Но мне ни разу не приходилось видеть такого тигра.

Голова была почти в ярд длиной, и два огромных кошачьих клыка, каждый не меньше двенадцати дюймов, нависали над нижней челюстью.

— Это мечезубый тигр! — гордо произнес Л. М.

— А вы уверены, что не саблезубый?

— Подумаешь! Сабля тоже разновидность меча, правда? Эти двое, трюкачи... как их там зовут? Дайте мне список. Они организовали что-то вроде сафари, охоту на первобытных зверей, и «Клаймэктик» получает процент с прибылей без всяких затрат, если не считать, что они пользуются некоторым нашим оборудованием.

— Здорово придумано, — сказал Барни.

— Ну, все, — сказал Л. М., постучав по столу своей золотой зажигалкой. — Я человек компанейский, не хуже других, а может и получше, но пора приступить к делу. «Викинг Колумб» имел потрясающий успех. Мы должны ковать железо пока горячо и создать картину, которая имела бы еще более потрясающий успех. Вот почему мы здесь собрались. Как раз перед вашим приходом, Барни, Чарли Чанг заметил, что картины на религиозные темы снова начинают пользоваться спросом.

— Я не собираюсь это оспаривать, — сказал Барни, но тут же вскинулся: — Л. М., неужели вы...

Л. М. улыбнулся, не слушая его.

— И это, — продолжал он, — наводит меня на мысль о создании самой выдающейся картины на религиозные темы всех времен, картины, успех которой гарантирован.

Содержание

<i>Е. Брандис. Гарри Гаррисон, каким мы его знаем</i>	5
<i>Тренировочный полет. Перевод Е. Факторовича</i>	23
<i>Рука закона. Перевод Д. Жукова</i>	43
<i>Немой Милтон. Перевод Ю. Логинова</i>	65
<i>Портрет художника. Перевод И. Почиталина</i>	75
<i>Мастер на все руки. Перевод Д. Жукова</i>	88
<i>Уцелевшая планета. Перевод Э. Кабалевской</i>	107
<i>Робот, который хотел все знать. Перевод Э. Кабалевской</i>	125
<i>Фантастическая сага. Перевод И. Почиталина .</i>	135

Гарри Гаррисон
ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПОЛЕТ

Художник *Ю. Соостер*
Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*
Технический редактор *А. Г. Резоухова*
Корректор *В. И. Бедель*

Сдано в производство 3/VII 1969 г. Подписано
и печати 5/XI 1969 г. Бумага № 2 70×108^{1/2}—5,75
бум. усл. печ. л. 16,10. Уч.-изд. л. 15,77
Изд. № 12/5445. Цена 79 к. Зак. 96

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МИР»

в серии „ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА“

вышли следующие книги:

М. Фрайн. ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ. *Перевод с английского.*

ПРОДАЕТСЯ ЯПОНИЯ. Сборник научно-фантастических рассказов. *Перевод с японского.*

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК. Сборник научно-фантастических рассказов. *Перевод с английского.*

Э. Нортон. САРГАССЫ В КОСМОСЕ. *Перевод с английского.*

БАНДАГАЛ. Сборник научно-фантастических рассказов. *Перевод с итальянского.*

В 1970 году

в серии „ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА“

ВЫЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

С. Комацу. ПОХИТИТЕЛИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ. *Перевод с японского.*

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ. Сборник научно-фантастических рассказов. *Перевод с польского.*

СКВОЗЬ ВРЕМЯ. Сборник научно-фантастических рассказов о пространстве и времени.

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ. Сборник научно-фантастических рассказов.

А. Кларк. Год 2001. *Перевод с английского.*

79 коп.

